

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Арутюнян Л.С., Арушанова Т.А., Гаспарян А.В.

**ПОСОБИЕ
ПО РУССКОМУ
ЯЗЫКУ**

**КНИГА
ДЛЯ ЧТЕНИЯ**

**ЕГУ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕГУ
2018**

УДК 811.161.1(07)

ББК 81.2Рус я7

А 868

*Печатается по решению
Ученого совета факультета русской
филологии ЕГУ*

Редактор: Миджиферджян Т.В.

Рецензенты: д.ф.н., проф. В.Н. Арутюнян,
к.ф.н. Оганесян К.А.

А 868 Арутюнян Л.С., Арушанова Т.А., Гаспарян А.В., Пособие по русскому языку. Книга для чтения. – Ер.: Изд-во ЕГУ, 2018, 300 с.

Հարույրյունյան Լ. Ս., Առուշանովա Թ. Ա., Գասպարյան Ա. Վ.
Ռուսաց լեզվի ձեռնարկ: Գիրք ընթերցանության համար

Пособие содержит тексты произведений русских писателей, а также общие сведения по истории русской культуры и литературы XIX-XXI веков. Работа по пособию нацелена на развитие речи на материале художественных текстов, расширение лексического запаса, совершенствование навыков чтения и интерпретации художественных текстов.

Книга адресована студентам бакалавриата и магистратуры с разным уровнем владения русским языком.

УДК 811.161.1(07)

ББК 81.2Рус я7

ISBN 978-5-8084-2305-3

© Издательство ЕГУ, 2018

© Арутюнян Л.С.,

Арушанова Т.А.,

Гаспарян А.В., 2018

Предисловие

«Пособие по русскому языку (книга для чтения)» предназначено для студентов гуманитарного и естественного профиля. Книга познакомит учащихся с текстами русских писателей, а также даст общие сведения по истории русской культуры и литературы XIX-XXI веков.

Пособие адресовано студентам бакалавриата и магистратуры с разным уровнем владения русским языком (от уровня А1-А2 до С1), а также всем читателям, интересующимся русским языком и русской литературой.

Цель пособия: знакомство с русской прозой XIX-XXI веков, совершенствование навыков чтения и интерпретации художественных текстов, развитие речи на материале художественных текстов, расширение лексического запаса, углубление интереса к литературе и культуре изучаемого языка.

В пособие включены разные по объему, большей частью адаптированные тексты русских писателей XIX-XXI веков. Выбор текстов обусловлен желанием заинтересовать современных молодых читателей произведениями с динамично развивающимся сюжетом.

Произведения русских классиков XIX века («Метель» А.С. Пушкина, «Тамань» М.Ю. Лермонтова, «Портрет» Н.В. Гоголя, «Свадьба и елка» Ф.М. Достоевского, «Анна Каренина» Л.Н. Толстого) предназначены для студентов со средним и высоким уровнем владения языком. В тексты внесены незначительные сокращения, не повлиявшие на развитие сюжетной линии, некоторые труднообъяснимые архаизмы заменены современными аналогами. А такие произведения, как «Манюня» Н. Абгарян, «Можно попросить Нину?» К. Булычева, рассказы А. Грина и В. Шукшина могут быть предложены аудитории с уровнем владения языком А1-А2. Эти тексты написаны достаточно простым языком без сложных метафор и доступны для самостоятельного чтения.

Составители не имели цели представить в пособии академический курс русской литературы и при отборе произведений остановились на текстах, работая с которыми преподаватель имел бы возможность вывести студентов на устную беседу по широкому

спектру тем и вопросов. Так, например, рассказ К. Булычева «Можно попросить Нину?», затрагивает тему Великой Отечественной войны с двух точек зрения: человека, живущего в период войны, и человека, дождавшегося победы и живущего в послевоенное время. Рассказ написан в популярном жанре фантастики, предоставляющем большие возможности для сравнительного анализа с произведениями, созданными в этом жанре (литература и кино). Большой объем некоторых приведенных произведений, в частности, отрывка из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», связан с тем, что чрезмерная адаптация такого многогранного, требующего дополнительных комментариев текста могла привести к искажению сюжетной линии и помешать его восприятию в полной мере.

Тексты сопровождаются биографической справкой о писателе (на основе материалов с соответствующих интернет-ресурсов), краткой характеристикой его стиля, страноведческими комментариями к тексту, толкованием и переводом на армянский язык некоторых слов, иллюстративным материалом, вопросами и заданиями к каждому тексту. Предлагаемые вопросы и задания развивают разговорные навыки учащихся, направлены на проверку адекватности и глубины усвоения текста. Вопросы со звездочкой предназначены для самостоятельного поиска информации о культурно-исторических реалиях, знание которых необходимо для понимания произведения. Студентам предлагается также ознакомиться с произведениями других видов искусства (живопись, кино и др.), связанных с изучаемым текстом. Все тексты снабжены также тестовыми заданиями для проверки понимания текста на событийном уровне. В качестве дополнительного материала составители рекомендуют читателям обращаться к следующим образовательным интернет-порталам: [Arzamas](#), [ПостНаука](#), [Полка](#), [Magisteria](#) (рубрика «Литература»).

Пособие предназначено для работы в аудитории под руководством преподавателя, а также для самостоятельного чтения.

Составители пособия выражают благодарность редактору Т.В. Миджиферджян, рецензентам В.Н. Арутюнян и К.А. Оганесян, а также С.А. Лалаян, К.Р. Минасян и П.Б. Балаяну за ценные советы и рекомендации.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

1799-1837

А.С. Пушкин родился 6 июня 1799 года в Москве. До 12 лет получал домашнее образование. А затем продолжил учебу в только что открывшемся Царскосельском Лицее, воспитанников которого готовили к службе на высоких государственных постах. В 1817 году молодой поэт окончил Лицей и вскоре переехал в Петербург. В стихотворениях, написанных в это время («Деревня», «Чаадаеву», ода «Вольность»)), Пушкин обра-

А.С. Пушкин, худ. О.А. Кипренский (1827)

щался к идеям гражданской свободы. За это решением царя Александра I поэта сослали на юг: в Екатеринославль, Кишинев, Одессу, а затем – в родовое поместье село Михайловское. В ссылке был начат роман в стихах «Евгений Онегин», который по праву считается «энциклопедией русской жизни».

14 декабря 1825 года после смерти царя Александра I в Петербурге произошло восстание, известное как восстание декабристов, в котором принимали участие многие друзья Пушкина. Новый царь Николай I вызвал поэта в Москву, разрешил жить, где он захочет, и объявил себя личным цензором Пушкина. До 1831 года Пушкин жил попеременно то в Москве, то в Петербурге. В феврале 1831 года в Москве состоялось его венчание с юной красавицей Натальей Николаевной Гончаровой. От их совместного брака родились две дочери (Мария и Наталия) и два сына (Александр и Григорий).

Содержание семьи, светская жизнь, которую должен был вести Пушкин против своей воли, постоянно требовали денег. Положение

поэта было бедственным, поскольку многие его произведения не допускались к печати цензурой. Для того, чтобы поправить денежные дела, Пушкин начал издавать журнал «Современник».

В 1834 году в Петербурге появился записанный в русскую гвардию француз Жорж Дантес. Он стал ухаживать за женой Пушкина, что подало повод для сплетен многочисленным врагам поэта. Выведенный из терпения, поэт послал оскорбительное письмо в расчете, что Дантес вынужден будет вызвать его на дуэль. 27 января 1837 года состоялась дуэль, на которой Пушкин был смертельно ранен в живот. Прожив 2 дня в страшных мучениях, поэт скончался. «Кончена жизнь. Тяжело дышать, давит», – были его последние слова. В полночь 3 февраля гроб с телом поэта отправили в Псковскую губернию в сопровождении одного из друзей поэта и жандармского капитана. Похоронили Пушкина в Святогорском Успенском монастыре рядом с могилой матери.

«Повести Белкина»

Цикл «Повестей Белкина» – первое завершенное прозаическое произведение Пушкина. Он включает пять повестей: «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка». Рассказ ведется от имени добродушного и скромного помещика Белкина, вымышленного лица, что создает впечатление полной достоверности происходящего.

В «Повестях Белкина» Пушкин использует распространенные в сентиментально-романтической литературе сюжеты, иронически обыгрывая их.

Автопортрет (1829)

С первых же строк Пушкин знакомит читателя со своими героями, вводит его в круг событий. Автор почти не дает портрета героев, не углубляется в их душевные переживания. Язык повестей прост и лаконичен. В то же время поступки и слова каждого из персонажей достаточно отчетливо характеризуют его. «Писателю надо не переставая изучать это сокровище», – писал Лев Толстой о «Повестях Белкина».

М Е Т Е Л Ь «Повести Белкина»

В конце 1811 года жил в своем поместье¹ Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р***. Он был известен во всей округе гостеприимством; соседи поминутно ездили к нему поесть, попить, поиграть в карты, а некоторые для того, чтоб поглядеть на дочку их, Марию Гавриловну, стройную, бледную семнадцатилетнюю девицу. Она считалась богатой невестой, и многие прочили² ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на французских романах, и, вследствие этого, была влюблена. Молодой человек, избранный ею, был бедный армейский офицер, находившийся в отпуску в своей деревне. Само по себе разумеется, что молодой человек пылал такой же страстью и что родители его любимой, заметя их чувства, запретили дочери о нем и думать, а его принимали плохо.

Наши любовники были в переписке, и всякий день видались наедине в сосновой роще³ или у старой часовни. Там они клялись друг другу в вечной любви, жаловались на судьбу и делали различные предположения. Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей пре-

¹ поместье – земельное владение

² прочить ее за кого-нибудь – *здесь*: предназначать в жены кому-нибудь

³ роща – небольшой лес из деревьев одной породы

пятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам будет обойтись без нее? Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она очень понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял ее довериться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые, конечно, будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: «Дети! придите в наши объятия».

Марья Гавриловна долго сомневалась; множество планов побега было отвергнуто. Наконец она согласилась: в назначенный день она должна была не ужинать и удалиться в свою комнату под предлогом головной боли. Служанка ее знала обо всем; обе они должны были выйти в сад через заднюю дверь, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать за пять верст¹ от Ненардова в село Жадрино, прямо в церковь, где Владимир должен был их ожидать.

Накануне решительного дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывала белье и платье, написала длинное письмо к одной своей чувствительной подруге, другое к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, объясняла свой поступок силою страсти и оканчивала тем, что лучшей минутой жизни будет та, когда позволено будет ей броситься к ногам дорогих ее родителей. Запечатав оба письма, она бросилась на постель перед самым рассветом и уснула; но и тут ужасные мечтания поминутно ее пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец останавливал ее, с мучительной быстротою тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелие... и она летела с замиранием сердца; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил ее громким голосом поспешить с ним обвенчаться... другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим. Наконец она встала, бледнее обык-

¹ **верста** – старинная русская мера длины, равная 1,06 километра

новенного и с непритворной головною болью. Отец и мать заметили ее беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? Не больна ли ты, Маша? – раздирали ее сердце. Она старалась их успокоить, казаться веселою, и не могла. Наступил вечер. Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла ее сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми людьми, со всеми предметами, ее окружавшими.

Подали ужинать; сердце ее сильно забилося. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью. Они ее поцеловали и, по обыкновению, благословили: она чуть не заплакала. Придя в свою комнату, она бросилась в кресло и залилась слезами. Служанка уговаривала ее успокоиться. Все было готово. Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую девческую жизнь... На дворе была метель; ветер завывал, ставни тряслись и стучали; все казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием. Скоро в доме все утихло и заснуло. Маша укуталась шалью, надела теплую накидку, взяла в руки шкатулку свою и вышла через заднюю дверь. Служанка несла за нею два узла. Они сошли в сад. Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто стараясь остановить молодую преступницу. Они еле дошли до конца сада. На дороге сани дожидались их.

«Метель», иллюстрация Д. Шмаринова (1973)

Лошади, замерзнув, не стояли на месте; кучер¹ Владимира еле удерживал их. Он помог барышне и ее девушке усесться и уложить узлы и шкатулку, и лошади полетели. Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся к молодому нашему любовнику.

Целый день Владимир был в разъездах. Утром был он у жадринского священника; еле с ним договорился; потом поехал искать свидетелей между соседними помещиками.

Уже давно смеркалось². Он отправил своего надежного Терешку в Ненарадово с своею тройкою³ и с подробным объяснением, а для себя велел приготовить маленькие сани в одну лошадь, и один без кучера отправился в Жадрино, куда часа через два должна была приехать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не видел. В одну минуту дорогу занесло снегом. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб⁴, то проваливалась в яму; сани поминутно опроки-

дывались. Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал еще до Жадринской рощи. Прошло еще около десяти минут; рощи все было не видать. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно

«Метель», илл. Н. Пискарева (1937)

¹ **кучер** – тот, кто правит запряженными в экипаж лошадьми; возница

² **смеркаться** – вечереть, темнеть

³ **тройка** – три лошади, запряженные в экипаж

⁴ **сугроб** – скопление (куча) снега, наметенное ветром

был по пояс в снегу.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остановился: начал думать, припоминать, соображать – и убедился, что нужно было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а полю не было конца. Всё сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда. Приближаясь, увидел он рощу. Слава богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, надеясь попасть на знакомую дорогу или объехать рощу кругом: Жадрино находилось сразу за нею.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видать; роще не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им. Он ударил по лошади; бедное животное пошло было быстрее, но через четверть часа пошло шагом, несмотря на все усилия несчастного Владимира.

Мало-помалу деревьев становилось меньше, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули из глаз его; он поехал наудачу. Погода утихла, тучи расходились, перед ним лежала равнина, покрытая белым волнистым ковром. Ночь была довольно ясна. Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырех или пяти дворов. Владимир поехал к ней. У первой избышки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться. Через несколько минут старик высунул свою седую бороду. «Что те надо?» – «Далеко ли Жадрино?» – «Жадрино-то далеко ли?» – «Да, да! Далеко ли?» – «Недалече; верст десяток будет». При этом ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговоренный к смерти.

«А откуда ты?» – продолжал старик. Владимир не имел духа отвечать на вопросы. «Можешь ли ты, старик, – сказал он, – достать мне лошадей до Жадрина?» – «Какие у нас лошади», – отвечал мужик. «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько

ему будет угодно». – «Постой, – сказал старик, опуская ставень, – я те сына вышлю; он те проводит». Владимир стал дожидаться.

Ворота заскрипели; парень вышел с дубиной и пошел вперед, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снеговыми сугробами. «Который час?» – спросил его Владимир. «Да уж скоро рассветет», – отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи и было уже светло, как достигли они Жадрина.

«Метель», илл. А.В. Ванецяна (1947)

Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!

Но возвратимся к добрым ненарадновским помещикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково ее здоровье и как она спала.

Девчонка воротилась, объявляя, что барышня спала дурно, но что ей теперь легче и что она сейчас придет в гостиную. В самом деле, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» – спросил Гаврила Гаврилович. «Лучше, папенька», – отвечала Маша.

День прошел благополучно, но в ночь Маша заболела. Послали в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашел больную в бреду¹. Началась сильная горячка², и бедная больная две недели находилась у края гроба.

¹ бред – бессвязная речь больного в бессознательном состоянии

² горячка – болезнь, сопровождающаяся высокой температурой и ознобом, дрожью

Никто в доме не знал о побеге. Письма, ею написанные, были сожжены; ее служанка никому ни о чем не говорила, опасаясь гнева господ. Священник и свидетели молчали. Терешка кучер никогда ничего лишнего не говорил. Таким образом тайна была сохранена. Но Марья Гавриловна сама в беспрестанном бреду высказывала свою тайну. Однако ж ее слова были настолько бессмысленны, что мать, не отходившая от ее постели, могла понять из них только то, что дочь ее была смертельно влюблена во Владимира Николаевича и что, вероятно, любовь была причиною ее болезни. Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конем не объедешь¹, что бедность не порок², что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные³ поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание.

Между тем барышня стала выздоравливать. Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича. Решили послать за ним и объявить ему неожиданное счастье: согласие на брак. Но каково было изумление ненарядовских помещиков, когда в ответ на их приглашение получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что ноги его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою. Через несколько дней узнали они, что Владимир уехал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смели объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, найдя имя его в числе тяжело раненных под Бородиным, она упала в обморок, и боялись, чтоб горячка ее не возвратилась. Однако, слава богу, обморок не имел последствия.

Другая печаль ее посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя ее наследницей всего имения. Но наследство не утешало ее;

¹ фразеологизм, означающий, что жених (суженый) и невеста предназначены друг для друга

² **порок** – недостаток

³ **нравственный** – относящийся к внутренней, духовной жизни человека

она разделяла искренно горесть бедной Прасковьи Петровны, клялась никогда с нею не расставаться; обе они оставили Ненарадово, место печальных воспоминаний, и поехали жить в ***ское поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Мать иногда уговаривала ее выбрать себе друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владимир уже не существовал: он умер в Москве, перед вступлением французов. Память его казалась священной для Маши; по крайней мере, она берегла все, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для нее. Соседи, узнав обо всем, удивлялись ее постоянству и с любопытством ожидали героя, который должен был положить конец ее печалю.

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу.

В это время Марья Гавриловна жила с матерью в *** губернии.

Марья Гавриловна все по-прежнему окружена была поклонниками. Но все должны были отступить, когда явился в ее замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием в петлице¹ и с «интересной бледностию», как говорили тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При нем обыкновенная задумчивость ее оживлялась. Нельзя было сказать, чтоб она с ним кокетничала²; но поэт, заметя ее поведение, сказал бы: «Если это не любовь, так что же?..»

Бурмин был в самом деле очень милый молодой человек. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и

¹ военный орден Св. Георгия в форме креста, которым награждали офицеров за боевые подвиги

² **кокетничать** – стараться понравиться кому-либо, заинтересовать собой

следовали. Он казался тихим и скромным, но ходили слухи, что некогда был он ужасным повесою¹.

Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подогревало ее любопытство и воображение. Она не могла не сознаваться в том, что она очень ему нравилась; вероятно, и он, с своим умом и опытностью, мог уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и еще не слышала его признания? Что удерживало его? Это было для нее загадкой. Она с нетерпением ожидала минуты романического объяснения. Бурмин впал в такую задумчивость и черные глаза его с таким огнем останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка. Соседи говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь ее наконец нашла себе достойного жениха.

Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая пасьянс, как Бурмин вошел в комнату и тотчас спросил о Марье Гавриловне. «Она в саду, – отвечала старушка, – подите к ней, а я вас буду здесь ожидать». Бурмин пошел, а старушка перекрестилась и подумала: может дело сегодня же кончиться!

Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор, усиливая таким образом взаимное волнение, от которого можно было избавиться разве только решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положения, объявил, что искал давно случая открыть ей свое сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу и опустила глаза в знак согласия.

«Я вас люблю, – сказал Бурмин, – я вас люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову еще ниже.) «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть

¹ **повеса** – бездельник, проводящий время в легкомысленных затеях и развлечениях

и слышать вас ежедневно... Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и радостью жизни моей; но мне еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» – «Она всегда существовала, – прервала с живостью Марья Гавриловна, – я никогда не могла быть вашею женою...» – «Знаю, – отвечал он ей тихо, – знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года печали... Добрая, милая Марья Гавриловна! Не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать мое счастье, если бы... молчите, ради бога, молчите. Вы мучаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но – я несчастнейшее создание... я женат!»

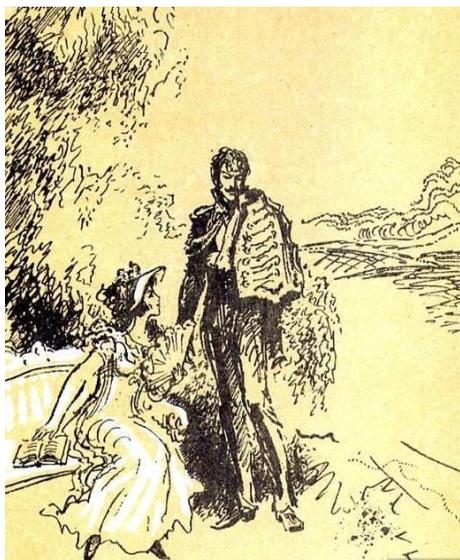
Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением.

– Я женат, – продолжал Бурмин, – я женат уже четвертый год и

не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!

– Что вы говорите? – воскликнула Марья Гавриловна, – как это странно! Продолжайте; я расскажу после... но продолжайте, прошу вас.

– В начале 1812 года, – сказал Бурмин, – я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я хотел ехать дальше, как вдруг поднялась ужасная метель, и мне советовали

«Я женат», илл. Б.

переждать. Я послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не

успокаивалась; я не вытерпел, и поехал в самую бурю. Ямщику¹ вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихала; я увидел огонек и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней. «Сюда! Сюда!» – закричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. «Помилуй, где ты задержался? – сказал мне кто-то, – невеста в обмороке; священник не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее». Я молча выпрыгнул из саней и вошел в церковь, слабо освещенную двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в темном углу церкви; другая терла ей виски². «Слава богу, – сказала эта, – наконец вы приехали. Чуть было вы барышню до смерти не довели». Старый священник подошел ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?» – «Начинайте, начинайте, батюшка», – отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне недурна... Непонятное, непростительное легкомыслие... я стал возле нее перед налоем³; священник торопился; трое мужчин и служанка поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. «Поцелуйтесь», – сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное свое лицо. Я хотел было ее поцеловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! Не он!» – и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в сани и закричал: «Пошел!»

– Боже мой! – закричала Марья Гавриловна, – и вы не знаете, что сделалось с бедной вашею женою?

– Не знаю, – отвечал Бурмин, – не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так

¹ **ямщик** – человек, перевозящий почту и пассажиров на почтовых (станционных) лошадях. Слово **ямщик** образовано от существительного тюркского происхождения **ям**, имеющего значение «почтовая станция, на которой меняют лошадей».

² **виски́, висо́к** – боковая часть головы от уха до начала лба

³ **налой** – аналой: в православных церквях высокая подставка, на которую при богослужении кладут для чтения церковные книги, ставят иконы и крест

мало придавал важности преступной моей шалости, что, отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена.

– Боже мой, боже мой! – сказала Марья Гавриловна, схватив его руку, – так это были вы! И вы не узнаете меня?

Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...

20 октября 1830 г.

поместье – կալվածք

прочить – նկատի առնել որպէս ինչ-որ մեկի կի՛ն

роша – անտառակ միանման ծառերից

верста – վերստ

кучер – կառապան

смеркаться – մթնել

тройка – եռաձի կառք, մի կառքի լծած երեք ձի

сугроб – ձյունակույտ

бред – գառանցանք

горячка – տենդ

порок – արատ, պակասություն

нравственный – բարոյական

кокетничать – կոտրատվել, պչրել, հոպտել

повеса – *շյուտեղ*՝ կնամոլ

ямщик – *հնգծ*. փոստակառապան

вискí, висóк – բունք

налой, аналой – *եկղց*. գրքակալ, գրակալ

Вопросы и задания

1. Что вы можете рассказать о жизни и творчестве А.С. Пушкина?
2. Какие произведения входят в цикл «Повести Белкина»? Какими особенностями отличается этот цикл?
3. Что вы можете рассказать о семье Гаврилы Гавриловича?

4. Почему Марья Гавриловна была желанной невестой?
5. Почему, по мнению автора, Марья Гавриловна влюбилась во Владимира?
6. Почему Владимир предложил Марье Гавриловне тайно венчаться?
7. Что происходило с Марьей Гавриловной накануне побега?
8. Как повел себя Владимир после несостоявшегося венчания и как сложилась его судьба?
9. Какую роль сыграла в судьбе героев метель?
10. Как в повести описывается венчание?
11. На фоне каких исторических событий разворачивается сюжет повести «Метель»? Какую роль играют эти события в жизни героев?
12. Как изменились обстоятельства жизни Марьи Гавриловны после неудавшегося побега?
13. Почему Бурмин и Марья Гавриловна не решались признаться в чувствах?
14. Как произошло объяснение между Бурминым и Марьей Гавриловной?

- 15*. Посмотрите анимационный фильм [«Метель»](#) по мотивам прочитанной повести. Сопоставьте развитие действия в фильме с сюжетом пушкинского произведения.
- 16*. Прочитайте повесть А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка». Сравните образы главных героинь: Марьи Гавриловны и Лизы Муромской.
- 17*. Как описывает автор жизненный уклад Муромских и Берестовых?
- 18*. Посмотрите фильм [«Барышня-крестьянка»](#). Какие эпизоды вам показались наиболее яркими? Каких сцен не было в повести Пушкина? Как вы думаете, для чего создатели фильма включили их в сюжет?
- 19*. Прочитайте другие произведения из цикла «Повести Белкина».

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

1814-1841

М.Ю. Лермонтов в ментике лейб-гвардии Гусарского полка.
Худ. П.Е. Заболотский (1837)

М.Ю. Лермонтов родился 15 октября 1814 года в Москве. Детство провел в поместье Тарханы у бабушки, взявшей его на воспитание после смерти матери, в 1828 году поступил на четвертый курс Благородного пансиона при Московском университете. В 1830-1832 годах учился на нравственно-политическом, а затем на словесном отделениях Московского университета. В 1834 году окончил Санкт-Петербургскую школу гвардейских подпрапорщиков. Был выпущен в звании корнета и направлен в Гусарский полк.

Первое произведение Лермонтова – повесть «Хаджи-Абрек» – попало в печать в 1835 году. А в 1837 году, потрясенный гибелью А.С. Пушкина, Лермонтов написал стихотворение «Смерть поэта». Произведение не было напечатано, но многими переписывалось от руки и получило широкое распространение. За эти смелые стихи Лермонтова арестовали и перевели на Кавказ. Пребывание на Кавказе нашло отражение в его поэмах «Беглец», «Мцыри», «Демон».

Вскоре Лермонтову разрешили вернуться в Петербург. В 1839-1840 годах главы его романа «Герой нашего времени» были напечатаны в литературном журнале «Отечественные записки». В 1840 году Лермонтов выпустил сборник «Стихотворения» и отдельное издание «Героя нашего времени».

В феврале 1840 года состоялась ссора и дуэль Лермонтова с сыном французского посла Эрнестом Барантом. За дуэль поэт был предан военному суду и выслан на Кавказ в действующую армию.

В 1841 году Лермонтов приехал в Петербург на три месяца. Отправившись обратно на Кавказ, поэт задержался в Пятигорске для лечения, где встретил компанию своих знакомых из Петербурга, в том числе и майора Мартынова, над которым часто подшучивал. Между ними произошла ссора, которая привела к дуэли. 27 июля 1841 года Михаил Лермонтов был убит выстрелом в грудь у подножия горы Машук. По свидетельствам современников, во время дуэли поэт выстрелил в воздух, не целясь в противника. Власти долго скрывали гибель Лермонтова, распространив информацию, что он болел и скончался. Михаил Лермонтов был похоронен на городском кладбище в Пятигорске, а весной 1842 года его прах был перевезен в Тарханы и погребен в семейном склепе Арсеньевых.

«Герой нашего времени»

Вершиной в творчестве Лермонтова явился роман «Герой нашего времени» (1840 год). Художественным открытием стал образ главного героя – Печорина, в котором автор раскрывает противоречие между глубиной природы и бесплодностью действий. Зрелость Лермонтова сказалась и в художественном новаторском замысле романа, в совершенстве его композиции, в тонком, психологически мотивированном раскрытии характеров и душевной жизни персонажей, в несравненном по своей точности и чистоте языке, которым восхищались Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов.

Портрет Лермонтова.
Худ. К.А. Горбунов (1841)

ТАМАНЬ

«Герой нашего времени»

Тамань. Рис. М.Ю. Лермонтова (1837)

Тамань – самый скверный¹ городишко из всех приморских городов России, куда я приехал поздно ночью. Я там чуть-чуть не умер с голода, да еще вдобавок меня хотели утопить. Ямщик² остановил усталую тройку у ворот единственного каменного

дома, что при въезде. Часовой, услышав звон колокольчика, закричал диким голосом: «Кто идет?» Я объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд и стал требовать квартиру. После долгого странствования по грязным переулкам, где по сторонам я видел одни только развалившиеся заборы, мы подъехали к небольшой хате³ на самом берегу моря.

Велев своему денщику⁴ выложить чемодан, я стал звать хозяина – молчат; стучу – молчат... что это? Наконец выполз мальчик лет четырнадцати.

«Где хозяин?» – «Нема». – «Как? совсем нету?» – «Совсим». – «Кто же мне отопрет дверь?» – сказал я, ударив в нее ногою. Дверь сама отворилась; из хаты повеяло сыростью. Я засветил спичку и поднес ее к носу мальчика: она озарила два белые глаза. Он был слепой, совершенно слепой от природы.

Признаюсь, я имею сильное предубеждение¹ против всех слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбатых и проч. Я

¹ скверный – здесь: очень плохой

² ямщик – человек, перевозящий почту и пассажиров на почтовых (станционных) лошадях. Слово **ямщик** образовано от существительного тюркского происхождения **ям**, имеющего значение «почтовая станция, на которой меняют лошадей».

³ хата – крестьянский дом в украинской и южнорусской деревне

⁴ денщик – солдат-слуга у офицера

замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою: как будто с потерей какого-то органа душа теряет какое-нибудь чувство.

«Ты хозяйский сын?» – спросил я его наконец. – «Ни». – «Кто же ты?» – «Сирота». – «А у хозяйки есть дети?» – «Ни; была дочь, да утикла за море с татаринном». – «С каким татаринном?» – «А бис его знает! крымский татарин, лодочник из Керчи».

Я вошел в хату: две лавки и стол, да огромный сундук возле печи составляли всю его мебель. На стене ни одной иконы – дурной знак! В разбитое стекло врвался морской ветер. Я вытащил из чемодана свечу и, засветив ее, стал раскладывать вещи; денщик через десять минут захрапел на лавке, но я не мог заснуть: передо мной во мраке все вертелся мальчик с белыми глазами.

Так прошло около часа. Месяц светил в окно, и луч его играл по земляному полу хаты. Вдруг на яркой полосе, пересекающей пол, промелькнула тень. Я встал и тихо-тихо вышел из хаты; навстречу мне слепой мальчик. Я притаился у забора, и он верной, но осторожной походкой прошел мимо меня. В руках он нес какой-то узел, и, повернув к пристани, стал спускаться по узкой и крутой тропинке.

Между тем луна начала одеваться тучами и на море поднялся туман. Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизне, и вот вижу: слепой шел так близко от воды, что казалось, сейчас волна его схватит и унесет, но видно, это была не первая его прогулка, судя по уверенности, с которой он ступал с камня на камень. Наконец он остановился, будто прислушиваясь к чему-то, присел на землю и положил возле себя узел. Спустя несколько минут с противоположной стороны показалась белая фигура; она подошла к слепому и села возле него. Ветер по временам приносил мне их разговор.

– Что, слепой? – сказал женский голос, – буря сильна. Янко не будет.

– Янко не боится бури, – отвечал тот.

¹ **предубеждение** – предвзятое, отрицательное отношение к кому-нибудь, чему-нибудь

– Туман густеет, – возразил опять женский голос с выражением печали.

– В тумане лучше пробраться мимо сторожевых судов, – был ответ.

– А если он утонет?

– Ну что ж? В воскресенье ты пойдешь в церковь без новой ленты.

Последовало молчание; меня, однако, поразило одно: слепой говорил со мною малороссийским наречием¹, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

– Видишь, я прав, – сказал опять слепой, ударив в ладоши, – Янко не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей; это не вода плещет, меня не обманешь, – это его длинные весла.

Прошло минут десять; и вот показалась между горами волн черная точка; она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно под-

«Тамань», илл. В.Г. Бехтеева

нимаясь на хребты волн, быстро спускаясь с них, приближалась к берегу лодка. Из нее вышел человек среднего роста, в татарской бараньей шапке; он махнул рукою, и все трое принялись вытаскивать что-то из лодки; груз был так велик, что я до сих пор не понимаю, как она не потонула. Взяв на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерял их из вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, все эти странности меня тревожили, и я еле дождался утра.

Денщик мой был очень удивлен, когда, проснувшись,

¹ малороссийское наречие – восточнославянский говор, распространенный на территории современной Украины

увидел меня совсем одетого. Полубовавшись несколько времени из окна на голубое небо, усеянное разорванными облачками, я отправился в крепость, чтоб узнать от коменданта о часе моего отъезда в Гелен-джик.

Но, увы; комендant ничего не мог сказать мне решительного. Я вернулся домой угрюм и сердит. Меня в дверях встретил денщик мой с испуганным лицом.

– Плохо, ваше благородие! – сказал он мне.

– Да, брат, Бог знает когда мы отсюда уедем! – Тут он еще больше встревожился и, наклонясь ко мне, сказал шепотом:

– Здесь нечисто! Я встретил сегодня знакомого – как я ему сказал, где мы остановились, а он мне: «Здесь, брат, нечисто, люди недобрые!..» Да и в самом деле, что это за слепой! ходит везде один, и на базар, за хлебом, и за водой... уж видно, здесь к этому привыкли. Сегодня без вас пришла старуха и с ней дочь.

– Какая дочь? У нее нет дочери.

– А Бог ее знает, кто она, коли не дочь; да вон старуха сидит теперь в своей хате.

Я вошел в хату. Печь была жарко натоплена, и в ней варился обед, довольно роскошный для бедняков. Старуха на все мои вопросы отвечала, что она глухая, не слышит. Что было с ней делать? Я обратился к слепому, который сидел перед печью и подкладывал в огонь хворост. «Ну-ка, слепой чертенюк, – сказал я, взяв его за ухо, – говори, куда ты ночью таскался с узлом, а?» Вдруг мой слепой заплакал, закричал, заохал: «Куды я ходив?.. никуды не ходив... с узлом? яким узлом?» Старуха на этот раз услышала и стала ворчать: «Вот выдумывают, да еще на слепого! за что вы его? что он вам сделал?» Мне это надоело, и я вышел, твердо решившись достать ключ этой загадки.

Я сел у забора на камень, поглядывая вдаль. Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух. Точно, это была песня, и женский, свежий голосок, – но откуда?.. Прислушиваюсь – напев старинный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь – никого нет кругом; прислушиваюсь снова – звуки как будто падают

с неба. Я поднял глаза: на крыше хаты моей стояла девушка в полосатом платье с распущенными косами, настоящая русалка. Защитив глаза ладонью от лучей солнца, она пристально всматривалась в даль, то смеялась и рассуждала сама с собой, то запевала снова песню.

Мне невольно пришло на мысль, что ночью я слышал тот же голос; я на минуту задумался, и когда снова посмотрел на крышу, девушки там уж не было. Вдруг она пробежала мимо меня, напевая что-то другое, и, пощелкивая пальцами, вбежала к старухе. И вот вижу, бежит опять вприпрыжку моя ундина¹: поравнявшись со мной, она остановилась и пристально посмотрела мне в глаза, как будто удивленная моим присутствием; потом небрежно обернулась и тихо пошла к морю. Целый день она вертелась около моей квартиры; пенье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лице ее не было никаких признаков безумия; напротив, глаза ее с бойкою пронизательностью останавливались на мне, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетической властью, и всякий раз они как будто бы ждали вопроса. Но только я начинал говорить, она убегала, коварно улыбаясь.

Моей певунье казалось не более восемнадцати лет. Необыкновенная гибкость ее тела, особенное, ей только свойственное наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив ее слегка загорелой кожи на шее и плечах и особенно правильный нос – все это было для меня обворожительно. Под вечер, остановив ее в дверях, я завел с нею следующий разговор.

– «Скажи-ка мне, красавица, – спросил я, – что ты делала сегодня на крыше?» – «А смотрела, откуда ветер дует». – «Зачем тебе?» – «Откуда ветер, оттуда и счастье». – «Что же? разве ты песнею зазывала счастье?» – «Где поется, там и счастливится». – «А как напоешь себе горе?» – «Ну что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а от худя до добра опять недалеко». – «Кто же тебя выучил этой песне?» – «Никто не выучил; вздумается – запою; кому услышать, то услышит; а кому не должно слышать, тот не поймет». – «А как тебя

¹ ундина – водяной дух в виде женщины, то же, что русалка

зовут, моя певунья?» – «Кто крестил, тот знает». – «А кто крестил?» – «Почему я знаю?» – «Экая скрытная! а вот я кое-что про тебя узнал. Я узнал, что ты вчера ночью ходила на берег». И тут я очень важно пересказал ей все, что видел, думая смутить ее – нimalo! Она захотела во все горло. «Много видели, да мало знаете, так держите под замочком». – «А если б я, например, вздумал донести коменданту?» Она вдруг прыгнула, запела и скрылась, как птичка, выпугнутая из кустарника. Последние мои слова были вовсе не к месту, я тогда не подозревал их важности, но впоследствии имел случай в них раскаяться.

Только что смеркалось, как вдруг дверь скрипнула, легкий шорох платья и шагов послышался за мной – то была она, моя ундина! Она села против меня тихо и безмолвно и устремила на меня глаза свои. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчал, полный необъяснимого волнения. Эта комедия начинала мне надоедать, и я готов был прервать молчание самым прозаическим образом, то есть предложить ей стакан чая, как вдруг она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный, огненный поцелуй прозвучал на губах моих. В глазах у меня потемнело, голова закружилась, я сжал ее в моих объятиях со всею силою юношеской страсти, но она, как змея, скользнула между моими руками, шепнув мне на ухо: «Нынче ночью, как все уснут, выходи на берег», – и стрелою выскочила из комнаты. По пути она опрокинула чайник и свечу, стоявшую на полу. Только тут я опомнился.

Часа через два, когда все на пристани умолкло, я заткнул за пояс пистолет и вышел. Она дожидалась меня на краю спуска;

«Тамань», илл. Ф.Д. Константинова

ее одежда была более нежели легкая, небольшой платок опоясывал ее гибкое тело.

«Идите за мной!» – сказала она, взяв меня за руку, и мы стали спускаться. Месяц еще не вставал, и только две звездочки, как два спасительные маяка, сверкали на темно-синем своде. Тяжелые волны мерно и ровно катились одна за другой, едва приподымая одинокую лодку, причаленную к берегу. «Взойдем в лодку», – сказала моя спутница; я сомневался, я не любитель сентиментальных прогулок по морю; но отступить было не время. Она прыгнула в лодку, я за ней, и не успел еще опомниться, как заметил, что мы плывем. «Что это значит?» – сказал я сердито. «Это значит, – отвечала она, сажая меня на скамью и обвив мой стан руками, – это значит, что я тебя люблю...». Щека ее прижалась к моей, и я почувствовал на лице моем ее пламенное дыхание. Вдруг что-то шумно упало в воду: я хватя за пояс – пистолета нет. О, тут ужасное подозрение закралось мне в душу, кровь хлынула мне в голову! Оглядываясь – мы довольно далеко от берега, а я не умею плавать! Хочу ее оттолкнуть от себя – она как кошка вцепилась в мою одежду, и вдруг сильный толчок едва не сбросил меня в море. Между нами началась отчаянная борьба; бешенство придавало мне силы, но я скоро заметил, что уступаю моему противнику в ловкости... «Чего ты хочешь?» – закричал я, крепко сжав ее маленькие руки.

«Ты видел, – отвечала она, – ты донесешь!» – мы оба по пояс свесились из лодки, ее волосы касались воды: минута была решительная. Я уперся коленкою в дно, схватил ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросил ее в волны.

Было уже довольно темно; голова ее мелькнула раза два среди морской пены, и больше я ничего не видал...

На дне лодки я нашел половину старого весла и кое-как, после долгих усилий, причалил к пристани. Пробираясь берегом к своей хате, мне показалось, что кто-то в белом сидел на берегу; я не очень удивился, а почти обрадовался, узнав мою русалку. Она выжимала морскую пену из длинных волос своих. Скоро показалась вдали

лодка, быстро приблизилась; из нее, как накануне, вышел человек в татарской шапке, за ременным поясом его торчал большой нож. «Янко, – сказала она, – все пропало!» Потом разговор их продолжался так тихо, что я ничего не мог расслышать. «А где же слепой?» – сказал наконец Янко, возвыся голос. «Я его послала», – был ответ. Через несколько минут явился и слепой, таща на спине мешок, который положили в лодку.

– Послушай, слепой! – сказал Янко, – ты береги то место... знаешь? там богатые товары... скажи (имени я не расслышал), что я ему больше не слуга; теперь опасно; поеду искать работы в другом месте; мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит! – После некоторого молчания Янко продолжал: – Она поедет со мною; ей нельзя здесь оставаться; а старухе скажи, что пора умирать, зажилась, надо знать и честь. Нас же больше не увидит.

– А я? – сказал слепой жалобным голосом.

– На что мне тебя? – был ответ.

Между тем моя ундица вскочила в лодку и махнула товарищу рукою; он что-то положил слепому в руку, сказав: «На, купи себе пряников». – «Только?» – сказал слепой. – «Ну, вот тебе еще», – и упавшая монета зазвенела, ударясь о камень. Слепой ее не поднял. Янко сел в лодку, ветер дул от берега, они подняли маленький парус и быстро понеслись. Долго при свете месяца мелькал парус между темных волн; а слепой мальчик все сидел на берегу и плакал, и долго, долго... Мне стало грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов¹? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие и, как камень, едва сам не пошел ко дну!

Я возвратился домой. В сенях трещала догоревшая свеча в деревянной тарелке. Я взял свечу и пошел в хату. Увы! моя шкатулка, сабля с серебряной оправой, дагестанский кинжал – подарок приятеля – все исчезло. Тут-то я догадался, какие вещи тащил проклятый слепой. Разбудив денщика довольно невежливым

¹ **контрабандист** – тот, кто провозит товары через границу, избегая таможенных сборов или в обход законов, запрещающих ввоз каких-либо предметов

толчком, я посердился, а делать было нечего! И не смешно ли было бы жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал, а восемнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утопила?

Слава Богу, поутру явилась возможность ехать, и я оставил Тамань.

1840 г.

скверный – վատ, գարշելի

ямщик – հնցծ. փոստակառապան

хата – խրճիթ

денщик – սպասալ, զինվորական սպասավոր

предубеждение – նախատրամադրվածություն, նախապաշարմունք, կանխակալ կարծիք

ундина – տիպիչ. ջրահարս, հավերժահարս

контрабандист – մաքսանենգ

Вопросы и задания

1. Что вы узнали о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова?
2. Опишите Тамань глазами главного героя Григория Александровича Печорина.
3. В каком доме поселили главного героя? Расскажите о его обитателях.
4. Как отреагировал слепой мальчик на расспросы героя наутро после встречи с девушкой и Янко?
5. Чем заинтересовала главного героя девушка?
6. Как вы охарактеризуете речь девушки при первой встрече с главным героем?
7. Зачем девушка пригласила Печорина покататься на лодке? Удалось ли ей осуществить задуманное?
8. Каково отношение Янко к слепому и старухе?
9. О чем размышлял главный герой после произошедшего? Был ли доволен Печорин своим вмешательством в жизнь контрабандистов?
10. Как, по-вашему, восприняли обитатели хаты главного героя?

11. Как, на ваш взгляд, должна была сложиться дальнейшая судьба старухи и слепого мальчика?

12*. Прочитайте роман М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени» полностью. Сколько частей в романе и где происходят описываемые события?

13*. Каким показан главный герой, Григорий Александрович Печорин, в разных частях романа? Какие отношения складываются у него с другими персонажами?

14*. Расскажите об отношениях Печорина с женскими персонажами романа.

15*. Как вы думаете, насколько автобиографичен образ главного героя?

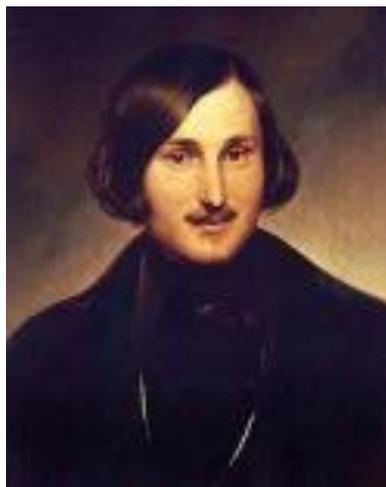
16*. Вспомните роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Сравните образы главных героев Пушкина и Лермонтова. Объясните, почему их назвали «лишними людьми»?

17*. Рекомендуем обратиться к курсу [«Неизвестный Лермонтов»](#) на портале Arzamas и ознакомиться с видеоматериалами и лекциями курса.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

1809-1852

Николай Васильевич Гоголь родился 20 марта 1809 года в местечке Великие Сорочинцы Полтавской губернии в семье небогатого помещика. Получив домашнее образование, поступил в Нежинскую гимназию высших наук, созданную по типу Царскосельского лицея для детей провинциального дворянства. В декабре 1828 года Гоголь отправился в Петербург. Службу получить не удалось, первые литературные пробы оказались неудачными. Вскоре получил место мелкого чиновника, а в свободное время занимался живописью в вечерних классах Академии художеств.

Н.В. Гоголь, худ. Ф. Моллер (1841)

В 1830 году в журнале «Отечественные записки» появилась первая повесть Гоголя «Басаврюк». Гоголь сблизился с Пушкиным, дружба с которым имела большое значение для молодого писателя. Пушкин ввел его в свой круг, дал ему сюжеты для «Ревизора» и «Мертвых душ». «Когда я творил, – свидетельствовал Гоголь, – я видел перед собой только Пушкина... Мне дорого было его вечное и непреложное слово».

Литературную известность Гоголю принес цикл повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», в частности, повести «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь» и др. В 1834 году он был назначен профессором по кафедре всеобщей истории при Санкт-Петербургском университете. Но через год оставил университет и целиком посвятил себя литературному творчеству. Тогда же была написана комедия «Ревизор» и уже в следующем году поставлена в Москве.

Вскоре после постановки «Ревизора» Гоголь уехал за границу, поселившись сначала в Швейцарии, затем в Париже, и продолжал работу над «Мертвыми душами», начатую в России.

Вернувшись в Россию осенью 1841 года, Гоголь добился напечатания первого тома «Мертвых душ». Работа Гоголя над вторым томом совпала с глубоким духовным кризисом, из-за чего писатель чуть было не отрекся от своих прежних произведений. Им все сильнее овладевали религиозно-мистические настроения, состояние здоровья ухудшалось, и, находясь в тяжелом душевном состоянии, писатель сжег рукопись второго тома поэмы.

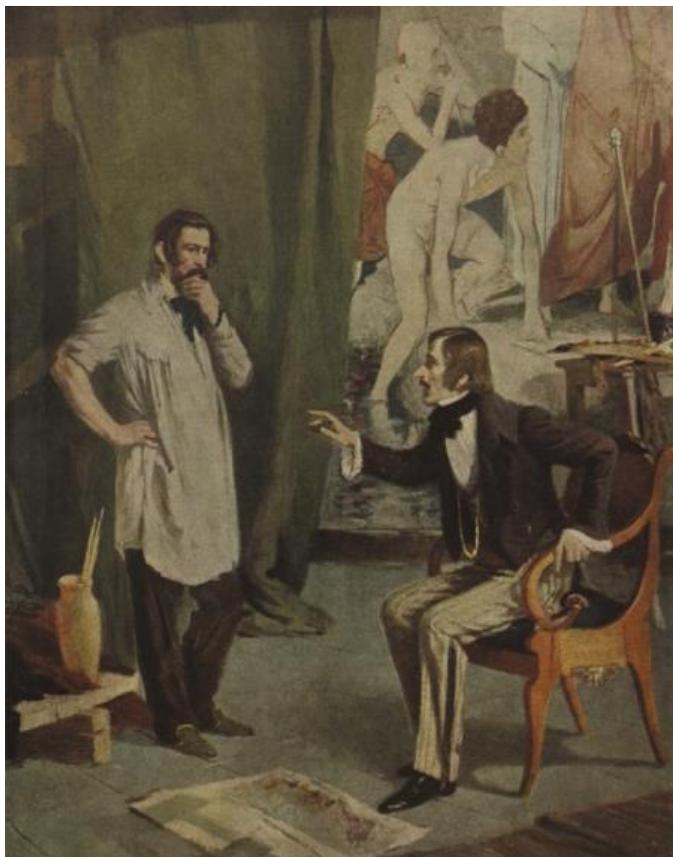
21 февраля утром Гоголь умер в своей последней квартире на Никитском бульваре. Гоголь был похоронен на кладбище Данилова монастыря, позже его прах был перенесен на Новодевичье кладбище.

«Портрет»

Худ. А.А. Иванов (1841)

Повесть «Портрет» впервые была опубликована в сборнике «Арабески» в 1835 году и представляет собой одно из самых значительных по замыслу и исполнению произведений Гоголя. В ее основу легли романтические взгляды на искусство и высокая оценка призвания «истинного» художника, который должен служить искусству, как святыне.

Н.В. Гоголь у А.А. Иванова (в Риме). Худ. В.А. Прибыловский (1950)

ПОРТРЕТ

Молодой, но бедный художник Чартков зашел в картинную лавочку на Щукином дворе и неожиданно для себя обнаружил странный портрет в больших, когда-то великолепных рамах, но на которых чуть блестели теперь следы позолоты.

Это был старик с лицом бронзового цвета, скуластым, болезненным; черты лица, казалось, были схвачены в минуту внезапного

Иллюстрации В.Панова

движенья. Пламенный полдень был запечатлен в них. Он был закутан в широкий азиатский костюм. Как ни был поврежден и запылен портрет, но когда удалось Чарткову счистить с лица пыль, он увидел следы работы высокого художника. Портрет, казалось, был не кончен; но сила кисти была удивительна. Необыкновеннее всего были глаза: казалось, в них употребил всю силу кисти и всё старание свое художник. Они просто глядели, глядели даже из самого портрета, как будто разрушая его гармонию своею странною живостью.

Когда поднес он портрет к дверям, еще сильнее глядели глаза. Женщина, остановившаяся позади его, вскрикнула: «глядит, глядит», и отступила назад. Какое-то неприятное, непонятное самому себе чувство почувствовал он и поставил портрет на землю.

Не устояв перед настойчивостью хозяина, Чартков совершенно неожиданно купил старый портрет и в то же время подумал: «Зачем я его купил? На что он мне?» Но делать было нечего. Он взял портрет под мышку и потащил его с собою. Дорогою он вспомнил, что деньги, которые он отдал, были у него последние. Мысли его вдруг стали мрачны: досада и равнодушная пустота овладели им в ту же минуту. Усталый и весь в поту, дотащился он к себе, в свою студию, квадратную комнату, большую, но низенькую, уставленную всяким художеским хламом: кусками гипсовых рук, рамками, обтянутыми холстом, эскизами, начатыми и брошенными, драпировкой, развешанной по стульям. Он устал сильно, скинул пальто, поставил рассеянно принесенный портрет между двух небольших холстов и бросился на узкий диванчик.

Молодой Чартков был художник с талантом, обещавшим многое. «Смотри, брат, – говорил ему не раз его профессор, – у тебя есть

талант. Но ты нетерпелив. Тебя одно что-нибудь увлечет – ты им занят, а прочее у тебя дрянь, прочее тебе нипочем. Смотри, чтоб из тебя не вышел модный живописец. Оно заманчиво, можно пуститься писать модные картинки, портретики за деньги. Да ведь на этом губится, а не развертывается талант. Терпи. Обдумывай всякую работу. Твое от тебя не уйдет».

Профессор был отчасти прав. Иногда хотелось, точно, нашему художнику щегольнуть¹, кое-где показать свою молодость. Но при всем том он мог взять над собою власть. Временами он мог позабыть всё, принявшись за кисть, и отрывался от нее не иначе, как от прекрасного прерванного сна. Вкус его развивался заметно. Еще не понимал он всей глубины Рафаэля², но уже увлекался быстрой, широкой кистью Гвида³, останавливался перед портретами Тициана⁴, восхищался фламандцами⁵. Иногда становилось ему досадно, когда он видел, как заезжий живописец, француз или немец, иногда даже вовсе не живописец по призванью, одной только бойкой кистью и яркостью красок производил всеобщий шум и скапливал себе вмиг денежный капитал. Это приходило к нему на ум не тогда, когда, занятый весь своей работой, он забывал и питье, и пищу, и весь свет, но тогда, когда не на что было купить кистей и красок, когда неотвязчивый хозяин приходил раз по десяти на день требовать платы за квартиру. И теперь он почти был в таком положении.

– Да! терпи, терпи! – произнес он с досадою. – Есть же наконец и терпенью конец. Зачем я мучаюсь и как ученик копаюсь над азбукой, тогда как бы мог блеснуть ничем не хуже других и быть таким, как они, с деньгами.

Сказав это, художник вдруг задрожал и побледнел: на него

¹ **щегольнуть** – выставлять что либо напоказ; хвастаться

² **Рафаэль** – Рафаэль Санти (1483-1520) – один из величайших художников и архитекторов Высокого Ренессанса

³ **Гвид** – Гвидо Рени (1575-1642) – итальянский живописец болонской школы

⁴ **Тициан** – Тициано Вечеллио (около 1480-1576), итальянский живописец, крупнейший представитель венецианской школы эпохи Высокого и Позднего Возрождения

⁵ **фламандцы** – художники фламандской школы живописи XVI-XVIII веков

глядело, высунувшись из-за поставленного холста, чье-то судорожно искривленное лицо. Два страшные глаза прямо вперились¹ в него, как бы готовясь сожрать его; на устах написано было грозное повеленье молчать. Испуганный, он хотел вскрикнуть, но вдруг остановился и засмеялся. Чувство страха отлегло вмиг. Это был им купленный портрет, о котором он позабыл вовсе. Сияние месяца, озарив комнату, упало и на него и придало ему странную живость. Он принялся его рассматривать и оттирать. Обмакнул в воду губку, прошел ею по нем несколько раз, смыл с него почти всю накопившуюся и набившуюся пыль и грязь, повесил перед собой на стену и подивился еще более необыкновенной работе: всё лицо почти ожило и глаза взглянули на него так, что он наконец вздрогнул и, отступив назад, произнес изумленным голосом: «Глядит, глядит человеческими глазами!» Но здесь в этом портрете было что-то странное. Это было уже не искусство: это разрушало даже гармонию самого портрета. Это были живые, это были человеческие глаза! Казалось, как будто они были вырезаны из живого человека и вставлены сюда.

Он опять подошел к портрету с тем, чтобы рассмотреть эти чудные глаза, и с ужасом заметил, что они точно глядят на него. Это уже не была копия с натуры, это была та странная живость, которою бы озарилось лицо мертвеца, вставшего из могилы. Ему сделалось вдруг, неизвестно отчего, страшно сидеть одному в комнате. Полный тягостного чувства, он схватил простыню и, приблизившись к портрету, закутал его всего.

Сделав это, он лег в постель спокойнее, стал думать о бедности и жалкой судьбе художника, о нелегком пути, предстоящем ему на

¹ **впериться** – пристально смотреть

этом свете; а между тем глаза его невольно глядели сквозь шелку ширм¹ на закутанный простынею портрет. Сиянье месяца усиливало белизну простыни, и ему казалось, что страшные глаза стали даже просвечивать сквозь холстину. Со страхом вперил он внимательнее глаза, как бы желая увериться, что это вздор. Но наконец уже в самом деле ... он видит, видит ясно: простыни уже нет ... портрет открыт весь и глядит мимо всего, что ни есть вокруг, прямо в него, глядит просто к нему вовнутрь... У него похолодело сердце. И видит: старик пошевелился и вдруг уперся в рамку обеими руками. Наконец приподнялся на руках и, высунув обе ноги, выпрыгнул из рам... Сквозь шелку ширм видны были уже одни только пустые рамы. По комнате раздался стук шагов, который наконец становился ближе и ближе к ширмам. Сердце стало сильнее колотиться у бедного художника. С остановившимся от страха дыханьем он ожидал, что вот-вот глянет к нему за ширмы старик. И вот он глянул, точно, за ширмы с тем же бронзовым лицом и двигая большими глазами. Чартков пытался вскрикнуть и почувствовал, что у него нет голоса, пытался пошевелиться, сделать какое-нибудь движение. С раскрытым ртом и замершим дыханьем смотрел он на этот страшный фантом² высокого роста, в каком-то широком азиатском одеянии и ждал, что станет он делать. Старик сел почти у самых ног его и вслед за тем что-то вытащил из-под складок своего широкого платья. Это был мешок. Старик развязал его, и, схватив за два конца, встряхнул: с глухим звуком упали на пол тяжелые свертки в виде длинных столбиков; каждый был завернут в синюю бумагу и на каждом было выставлено: 1000 червонных³. Высунув свои длинные, костистые руки из широких рукавов, старик начал разворачивать свертки. Золото блеснуло. Как ни велико было тягостное чувство и обеспамятевший страх художника, но он вперился весь в золото, глядя неподвижно, как оно разворачивалось в костистых руках, блестело, звенело тонко и глухо, и

¹ **ширма** – складная перегородка, состоящая из рам, затянутых материей

² **фантом** – воображаемый образ

³ **червонный** – *устар.* золотая монета достоинством в три рубля (в разговорном употреблении также в пять и десять рублей) в Российском государстве до 1917 года.

заворачивалось вновь. Тут заметил он один сверток, откатившийся подальше от других, у самой ножки его кровати. Резко схватил он его и, полный страха, смотрел, не заметит ли старик. Но старик был, казалось, очень занят. Он собрал все свертки свои, уложил их снова в мешок и, не взглянув на него, ушел за ширмы. Сердце билось сильно у Чарткова, когда он услышал, как раздавался по комнате шелест удалявшихся шагов. Он сжимал крепче сверток свой в руке, дрожа всем телом за него, и вдруг услышал, что шаги вновь приближаются к ширмам – видно, старик вспомнил, что недоставало одного свертка. И вот – он глянул к нему вновь за ширмы. Полный отчаяния, стиснул он всею силою в руке своей сверток, употребил всё усилие сделать движенье, вскрикнул – и проснулся.

Холодный пот облил его всего; сердце его билось так сильно, как только можно было биться: грудь была так стеснена, как будто хотело улететь из нее последнее дыханье. «Неужели это был сон?» – сказал он, взяв себя обеими руками за голову; но страшная живость явления не была похожа на сон. Он видел, уже пробудившись, как старик ушел в рамки, мелькнул даже край его широкой одежды, и рука его чувствовала ясно, что держала за минуту пред сим какую-то тяжесть. Тут только заметил он, что не лежит в постели, а стоит на ногах прямо перед портретом. Как он добрался сюда – уж этого никак не мог он понять. Еще более изумило его, что портрет был открыт весь и простыни на нем действительно не было. С неподвижным страхом глядел он на него и видел, как прямо вперились в него живые человеческие глаза. Холодный пот выступил на лице его; он хотел отойти, но чувствовал, что ноги его как будто приросли к земле. И видит он: это уже не сон; черты

старика двинулись, и губы его стали вытягиваться к нему, как будто бы хотели его высосать ... с воплем отчаянья отскочил он и проснулся.

«Неужели и это был сон?» Да, он лежит на постели в таком точно положении, как заснул. Пред ним ширмы: свет месяца наполнял комнату. Сквозь щель в ширмах виден был портрет, закрытый как следует простынею – так, как он сам закрыл его. И так, это был тоже сон! Но сжатая рука чувствует до сих пор, как будто бы в ней что-то было. Биение сердца было сильно, почти страшно; тягость в груди невыносимая. Он вперил глаза в щель и пристально глядел на простыню. И вот видит ясно, что простыня начинает раскрываться, как будто бы под нею барахтались руки и силились ее сбросить. «Господи, боже мой, что это!» – вскрикнул он, крестясь отчаянно, и проснулся.

И это был также сон! Он вскочил с постели, подошел к окну и открыл форточку. Холодный пахнувший ветер оживил его. Долго глядел он, высунув голову в форточку; наконец почувствовал он приближающийся сон, захлопнул форточку, отошел прочь, лег в постель и скоро заснул как убитый, самым крепким сном.

Проснулся он очень поздно, и недовольный, как мокрый петух, уселся на своем оборванном диване, не зная сам, за что приняться, что делать, и вспомнил наконец весь свой сон. Сдернув простыню, он рассмотрел при дневном свете этот страшный портрет. Глаза, точно, поражали своей необыкновенной живостью, но ничего он не находил в них особенно страшного; только как будто какое-то неизъяснимое, неприятное чувство оставалось на душе. При всем том он всё-таки не мог совершенно увериться, чтобы это был сон. Ему казалось, что среди сна был какой-то страшный отрывок из действительности. Ему казалось, что если бы он держал только покрепче сверток, он, верно, остался бы у него в руке и после пробуждения.

«Боже мой, если бы хотя часть этих денег!» – сказал он, тяжело вздохнув. Наконец, у дверей раздался стук, заставивший его

неприятно очнуться. Вошел хозяин с квартальным надзирателем¹.

– Извольте сами глядеть, Варух Кузьмич, – сказал хозяин, обращаясь к квартальному и расставив руки, – вот не платит за квартиру, не платит.

– Да чем платить? У меня нет теперь ни гроша.

– В таком случае удовлетворите Ивана Ивановича издельями своей профессии, – сказал квартальный, – он, может быть, согласится взять картинами.

– Нет, батюшка, за картины спасибо. Добро бы были картины с благородным содержанием, чтобы можно было на стену повесить, хоть какой-нибудь генерал со звездой или князя Кутузова портрет, а то вон мужика нарисовал, мужика в рубахе, слуги-то, что трет краски. Вот посмотрите, какие предметы: вот комнату рисует. Добро бы уж взял комнату прибранную, опрятную, а он вон как нарисовал её со всем сором, какой ни валялся.

Квартальный надзиратель между тем занялся рассматриваньем картин и этюдов и тут же показал, что у него душа живет хозяйской и даже была не чужда художественным впечатлениям.

– Хе, – сказал он, тыкнув пальцем на один холст, где была изображена нагая женщина, – предмет, того ... игривый. А у этого зачем так под носом черно, табаком что-ли он себе засыпал?

– Тень, – отвечал на это сурово и не обращая на него глаз Чартков.

– Ну, ее бы можно куда-нибудь в другое место отнести, а под носом слишком видное место, – сказал квартальный, – а это чей портрет? – продолжал он, подходя к портрету старика, – уж страшен слишком. Будто он в самом деле был такой страшный; ахти, да он просто глядит. Эх, какой Громобой! С кого вы писали?

– А это с одного... – сказал Чартков, и не кончил слова: послышался треск. Квартальный пожал видно слишком крепко раму портрета, благодаря топорному устройству полицейских рук своих; боковые дощечки вломились вовнутрь, одна упала на пол и вместе с

¹ **квартальный надзиратель** – в Российской империи полицейский, под надзором которого находится квартал

нею упал, тяжело звякнув, сверток в синей бумаге. Чарткову бросилась в глаза надпись: 1000 червонных. Как безумный бросился он поднять его, схватил сверток, сжал его судорожно в руке, опустившейся вниз от тяжести.

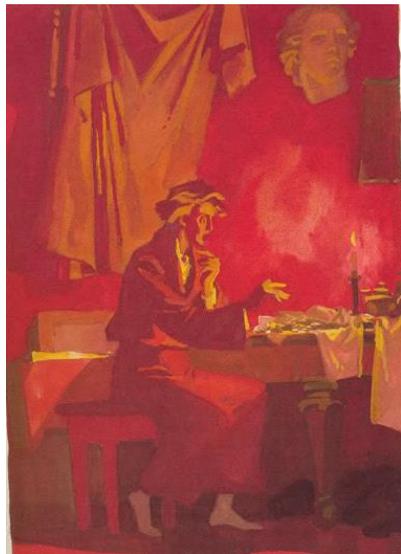
– Никак деньги зазвенели, – сказал квартальный, услышавший стук чего-то упавшего на пол и не увидавший его за быстротой движения, с какою бросился Чартков прибрать.

– А вам какое дело знать, что у меня есть?

– А такое дело, что вы сейчас должны заплатить хозяину за квартиру; что у вас есть деньги, да вы не хотите платить – вот что.

– Я ему сегодня же к вечеру всё заплачу и съеду с квартиры завтра же, потому что не хочу оставаться у такого хозяина.

– Слава богу, черт их унес! – сказал Чартков, когда услышал затворившуюся в передней дверь. Он принялся с сильным сердечным трепетаньем разворачивать сверток. В нем были червонцы, все до одного новые, жаркие, как огонь. Почти обезумев, сидел он за золотую кучею, всё еще спрашивая себя, не во сне ли всё это. В свертке было ровно их тысяча; наружность его была совершенно такая, в какой они виделись ему во сне. Несколько минут он перебирал их, пересматривал, и всё еще не мог прийти в себя. «Что с ними сделать? – думал он, уставив на них глаза. – Теперь я обеспечен, по крайней мере, на три года, могу запереться в комнату, работать. На краски теперь у меня есть; на обед, на чай, на содержанье, на квартиру есть; мешать и надоедать мне теперь никто не станет: куплю себе отличный манекен, закажу гипсовый торсик, сформую ножки, поставлю Венеру, накуплю гравюр

с первых картин. И если поработаю три года для себя, не торопясь, не на продажу, я зашибу их всех, и могу быть славным художником.»

Так говорил он заодно с подсказывавшим ему рассудком; но изнутри раздавался другой голос слышнее и звонче. И как взглянул он еще раз на золото, заговорили в нем 22 года и горячая юность. Теперь в его власти было всё то, на что он глядел завистливыми глазами, чем любовался издали, глотая слюнки, и он, схвативши деньги, был уже на улице. Прежде всего зашел к портному, оделся с ног до головы, и как ребенок стал обсматривать себя беспрестанно; купил духов, нанял, не торгуясь, первую попавшуюся великолепнейшую квартиру на Невском проспекте, с зеркалами и цельными стеклами; купил нечаянно в магазине дорогой лорнет¹,

завил у парикмахера себе локоны, прокатился два раза по городу в карете без всякой причины, объелся без меры конфет в кондитерской и зашел в ресторан к французу, о котором до сих пор слышал такие же неясные слухи, как о китайском государстве. Там он выпил бутылку шампанского, которое тоже было ему знакомо более по слуху. Вино несколько зашумело в голове, и он вышел на улицу живой, бойкий, по русскому выражению: черту не брат. На мосту заметил он своего прежнего профессора и шмыгнул лихо мимо его, как будто бы не заметив его вовсе, так что

остолбневший профессор долго еще стоял неподвижно на мосту, изобразив вопросительный знак на лице своем.

Все вещи и всё, что ни было: мольберт, холст, картины, были в

¹ лорнет – складные очки с ручкой

тот же вечер перевезены на великолепную квартиру. Он расставил то, что было получше, на видные места, что похуже, забросил в угол, и расхаживал по великолепным комнатам, беспрестанно поглядывая в зеркала. В душе его возродилось желание непреодолимое схватить славу сей же час за хвост и показать себя свету. Уже чудились ему крики: «Чартков, Чартков! Видали вы картину Чарткова? Какая быстрая кисть у Чарткова! Какой сильный талант у Чарткова!» На другой же день, взяв десяток червонцев, отправился он к издателю одной газеты, прося великодушной помощи; был принят доброжелательно журналистом, назвавшим его тот же час «почтеннейший», пожавшим ему обе руки, и на другой же день появилась в газете вслед за объявлением о новоизобретенных сальных свечах статья с таким заглавием: «*О необыкновенных талантах Чарткова*»: «Спешим обрадовать образованных жителей столицы прекрасным, можно сказать, во всех отношениях приобретением. Все согласны в том, что у нас есть много прекраснейших лиц, но не было до сих пор средства передать их на чудотворный холст, для передачи потомству; теперь недостаток этот пополнен: отыскался художник, соединяющий в себе что нужно. Теперь красавица может быть уверена, что она будет передана со всей грацией своей красоты воздушной, легкой, очаровательной, чудесной, подобной мотылькам, порхающим по весенним цветкам. Почтенный отец семейства увидит себя окруженным своей семьей. Купец, воин, гражданин, государственный муж – всякий с новым усердием будет продолжать свое дело. Спешите, спешите, заходите с гулянья, с прогулки, предпринятой к приятелю, к кухне, в блестящий магазин, спешите, откуда бы ни было. Великолепная мастерская художника (Невский проспект, такой-то номер) уставлена вся портретами его кисти, достойной Вандиков¹ и Тицианов. Не знаешь, чему удивляться: верности ли и сходству с оригиналами или необыкновенной яркости и свежести кисти. Хвала вам, художник! вы вынули счастливый билет из лотереи. Виват,

¹ **Вандик** – правильно Антонис ван Дейк (1599-1641) – знаменитый фламандский портретист и исторический живописец

Андрей Петрович! Прославляйте себя и нас. Мы умеем ценить вас. Всеобщее стечение, а вместе с тем и деньги будут вам наградою.»

С тайным удовольствием прочитал художник это объявление; лицо его просияло. О нем заговорили печатно – это было для него новостью; несколько раз перечитывал он строки. Сравнение с Вандиком и Тицианом ему сильно польстило. Фраза «Виват, Андрей Петрович!» также очень понравилась; печатным образом называют его по имени и по отчеству – честь, до сих пор ему совершенно неизвестная. На другой день раздался колокольчик у дверей его; он побежал отворять, вошла дама и вместе с дамой вошла молоденькая восемнадцатилетняя девочка, дочь ее.

– Вы мсьё Чартков? – сказала дама.

Художник поклонился.

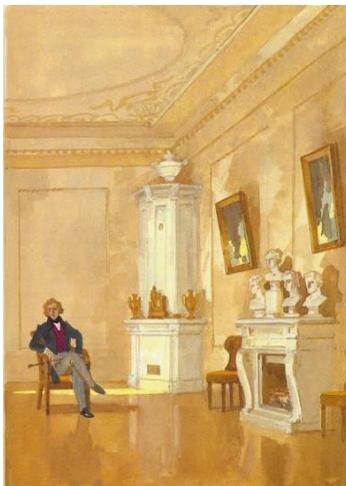
– Об вас столько пишут; ваши портреты, говорят, верх совершенства. – Сказав это, дама наставила на глаз лорнет и побежала быстро осматривать стены, на которых ничего не было. – А где же ваши портреты?

– Вынесли, – сказал художник, несколько смешавшись, – я только что переехал еще на эту квартиру, так они еще в дороге... не доехали.

– Вы были в Италии? – сказала дама, наводя на него лорнет, не найдя ничего другого, на что бы можно было навесь его.

– Нет, я не был, но хотел быть... впрочем теперь пока я отложил... Вот кресла-с; вы устали?..

– Благодарю, я сидела долго в карете. А, вон наконец вижу вашу работу! – сказала дама, наводя лорнет на стоявшие на полу его этюды, программы, перспективы и портреты. – *C'est charmant, Lise,*

Lise, venez ici¹! Комната во вкусе Теньера², видишь: беспорядок, беспорядок, стол, на нем бюст, рука, палитра; вон пыль, видишь, как пыль нарисована! C'est charmant! А вон на другом холсте женщина, моющая лицо, – quelle jolie figure!³ Ах, мужичок! Lise, Lise, мужичок в русской рубашке! смотри: мужичок! Так вы занимаетесь не одними только портретами?

– О, это вздор... Так, шалил... этюды...

– Скажите, какого вы мнения на счет нынешних портретистов? Не правда ли, теперь нет таких, как был Тициан? Нет той силы в колорите, нет той... как жаль, что я не могу вам выразить по-русски (дама была любительница живописи и обошла с лорнетом все галереи в Италии). Вы знаете, что мы приехали с тем, чтобы сей же час начали с Lise портрет.

– Как же, я готов сию минуту.

И в одно мгновение придвинул он станок с готовым холстом, взял в руки палитру, вперил глаз в бледное личико дочери. И уже заранее готовился торжествовать, показать легкость и блеск своей кисти, имевшей доселе дело только с жесткими чертами грубых моделей и копиями кое-каких классических мастеров.

Чартков принялся за дело, усадил оригинал, провел по воздуху кистью, мысленно устанавливая пункты; прищурил несколько глаз, подался назад, взглянул издали – и в один час начал и кончил подмалёвку⁴. Довольный ею, он

¹ Это очаровательно! Лиза, Лиза, иди сюда!

² **Теньер** – Теньер Давид (1610-1690) – фламандский художник, писавший сцены крестьянского и городского быта и пейзажи

³ Какая красивая фигура!

⁴ **подмалёвка** – в живописи: подготовительная стадия работы над картиной

принялся уже писать, работа его завлекла. Уже он позабыл всё, позабыл даже, что находится в присутствии аристократических дам, начал даже выказывать иногда кое-какие художнические ухватки, произнося вслух разные звуки, временами подпевая, как случается с художником, погруженным всею душою в свое дело. Одним движеньем кисти заставлял он оригинал поднимать голову, который наконец начал сильно вертеться и выражать совершенную усталость.

– Довольно, на первый раз довольно, – сказала дама.

– Минуточку только, – говорил Чартков простодушным и просящим голосом ребенка.

Но дама, казалось, совсем не была расположена угождать его художественным потребностям и обещала вместо того просидеть в другой раз долее.

«Это, однако ж, досадно, – подумал про себя Чартков, – рука только что расходилась». И, недовольный, положил он свою кисть и палитру на стул, и остановился смутно пред холстом. Compliment, сказанный светской дамой, пробудил его из усыпления. Он бросился быстро к дверям провожать их; на лестнице получил приглашение прийти на следующей неделе обедать, и с веселым видом возвратился к себе в комнату.

Во все эти дни обычная работа ему не шла вовсе на ум. Он только приготовлялся и ждал минуты, когда раздастся звонок. Наконец аристократическая дама приехала вместе с своею бледненькою дочерью. Он усадил их, придвинул холст уже с ловкостью и претензиями на светские замашки и стал писать. Солнечный день и ясное освещение много помогли ему. Он увидел в легоньком своем оригинале много такого, что могло придать высокое достоинство портрету. Сердце его начало даже слегка трепетать, когда он почувствовал, что выразит то, чего еще не заметили другие. Работа заняла его всего, весь погрузился он в кисть, позабыв опять об аристократическом происхождении оригинала. С волнением видел, как выходили у него легкие черты и это почти прозрачное тело семнадцатилетней девушки. Он ловил всякий оттенок, легкую желтизну, едва заметную голубизну под глазами, как вдруг услышал над собою голос матери: «Ах, зачем это? это не нужно». Объявлено

было, что Lise только сегодня немножко не расположена, а что желтизны в ней никакой не бывает и лицо поражает особенно свежестью краски. С грустью принялся он изглаживать то, что кисть его заставила выступить на полотно. Исчезло много почти незаметных черт, а вместе с ними исчезло отчасти и сходство.

Дамы поднялись и собирались выйти. Он положил кисть, проводил их до дверей и после того долго оставался смутным на одном и том же месте перед своим портретом. Он глядел на него глупо, а в голове его между тем носились те легкие женственные черты, те оттенки и воздушные тоны, им подмеченные, которые уничтожила безжалостно его кисть. Он отставил портрет в сторону и отыскал у себя где-то заброшенную головку Психеи¹, которую когда-то давно и эскизно набросал на полотно. Это было личико, ловко написанное, но совершенно идеальное, холодное, состоявшее из одних общих черт, не принявшее живого тела. От нечего делать он теперь принялся работать над ним, припоминая на нем всё, что случилось ему подметить в лице аристократической посетительницы. Психея стала оживать. Тип лица молоденькой светской девицы невольно сообщился Психее, и чрез то получила она своеобразное выражение, дающее право на название истинно оригинального произведения. В продолжение нескольких дней он был занят только ею. И за этой самой работой застал его приезд знакомых дам. Он не успел снять со станка картину. Обе дамы издали радостный крик изумленья и всплеснули руками.

– Lise, Lise! Ах, как похоже! Superbe, superbe!² Как хорошо вы придумали, что одели ее в греческий костюм. Ах, какой сюрприз!

Художник не знал, как вывести дам из приятного заблуждения. Совестясь и опустив голову, он произнес тихо:

– Это Психея.

– В виде Психеи? C'est charmant! – сказала мать, улыбнувшись; причем улыбнулась также и дочь. – Не правда ли, Lise, тебе больше всего идет быть изображенной в виде Психеи? Но какая работа! Это

¹ Психея – в мифах древних греков олицетворение души, дыхания. Психея представлялась в виде бабочки, летящей птицы или девушки.

² Великолепно, великолепно!

Корредж¹. Признаюсь, я читала и слышала о вас, но я не знала, что у вас такой талант. Нет, вы непременно должны написать также и с меня портрет.

Даме, как видно, хотелось также предстать в виде какой-нибудь Психеи.

«Что мне с ними делать? – подумал художник. – Если они сами того хотят, так пусть Психея пойдет за то, что им хочется», – и произнес вслух:

– Потрудитесь еще немножко присесть, я кое-что немножко трону.

– Ах, я боюсь, чтобы вы как-нибудь не... она так теперь похожа.

Но художник понял, что опасенья были насчет желтизны, и успокоил их, сказав, что он только придаст более блеску и выраженья глазам. А по справедливости, ему было слишком совестно и хотелось хоть сколько-нибудь более придать сходства с оригиналом, чтобы его не обвинили в решительном бесстыдстве. И точно, черты бледной девушки стали наконец выходить яснее из облика Психеи.

– Довольно! – сказала мать, начинавшая бояться, чтобы сходство не приблизилось наконец уже чересчур близко.

Художник был награжден всем: улыбкой, деньгами, комплиментом, искренним пожатием руки, приглашением на обеды; словом, получил тысячу лестных наград. Портрет произвел по городу шум. Дама показала его приятельницам; все изумлялись искусству, с каким художник умел сохранить сходство и вместе с тем придать красоту оригиналу. Последнее замечено было, разумеется, не без легкой краски зависти в лице. И художник вдруг был осажден работами. Казалось, весь город хотел у него писаться. У дверей по минутно раздавался звонок. С одной стороны это могло быть хорошо, представляя ему бесконечную практику разнообразием, множественностью лиц. Но, на беду, это всё был народ, с которым было трудно ладить, народ торопливый, занятой, или же принадлежащий свету, –

¹ **Корредж** – настоящее имя Антонио Аллегри, прозванный Корреджио по месту своего рождения (в Моденской области) – знаменитый итальянский живописец (1494-1534)

стало быть, еще более занятой, нежели всякий другой, и потому нетерпеливый до крайности. Со всех сторон только требовали, чтоб было хорошо и скоро. Художник увидел, что оканчивать решительно было невозможно, что всё нужно было заменить ловкостью и быстрой бойкостью кисти. Схватывать одно только целое, одно общее выражение и не углубляться кистью в утонченные подробности. Дамы требовали, чтобы преимущественно только душа и характер изображались в портретах, чтобы остального иногда вовсе не придерживаясь, округлить все углы, облегчить все изъяны и даже, если можно, избежать их вовсе. Словом, чтобы на лицо можно было засмотреться, если даже не совершенно влюбиться. И вследствие этого, садясь писаться, они принимали иногда такие выражения, которые приводили в изумление художника: та старалась изобразить в лице своем меланхолию, другая мечтательность, третья во что бы ни стало хотела уменьшить рот и сжимала его до такой степени, что он обращался наконец в одну точку, не больше булавоочной головки. И, несмотря на всё это, требовали от него сходства и непринужденной естественности. Мужчины тоже были ничем не лучше дам. Один требовал себя изобразить в сильном, энергическом повороте головы; другой с поднятыми кверху вдохновенными глазами; офицер требовал непременно, чтобы в глазах виден был Марс¹; гражданский чиновник норовил так, чтобы побольше было прямоты, благородства в лице и чтобы рука оперлась на книгу, на которой бы четкими словами было написано: «Всегда стоял за правду». Сначала художника бросали в пот такие требования: всё это нужно было сообразить, обдумать, а между тем сроку давалось очень немного. Наконец он добрался, в чем было дело, и уж не затруднялся нисколько. Даже из двух, трех слов догадывался, кто чем хотел изобразить себя. Кто хотел Марса, он в лицо совал Марса; кто метил в Байрона², он давал ему байроновское положение и поворот. Он с большой охотой соглашался на всё и прибавлял от себя уже всякому вдоволь благообразия, которое, как известно,

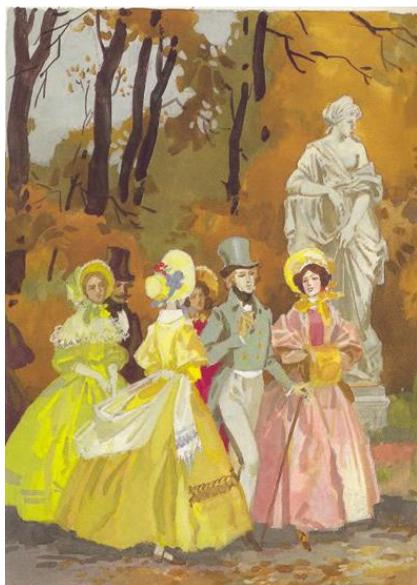
¹ **Марс** – римский бог войны

² **Байрон** – Джордж Гордон (1788-1824), великий английский поэт

нигде не подгадит и за что простят иногда художнику и самое несходство. Скоро он уже сам начал дивиться чудной быстроте и бойкости своей кисти. А писавшиеся, само собою разумеется, были в восторге и провозглашали его гением.

Чартков сделался модным живописцем во всех отношениях. Стал ездить на обеды, сопровождать дам в галереи и даже на гулянья, щегольски одеваться и утверждать, что художник должен принадлежать к обществу, что нужно поддержать его званье, что художники одеваются как сапожники, не умеют прилично вести себя, не соблюдают высшего тона и лишены всякой образованности. О художниках и об искусстве он изъяснялся теперь резко: утверждал, что прежним художникам уже чересчур много приписано достоинства, что все они до Рафаэля писали не фигуры, а селедки; что существует только в воображении рассматривателей мысль, будто бы видно в них присутствие какой-то святости; что сам Рафаэль даже писал не всё хорошо и за многими произведениями его удержалась только по преданию слава; что Микель-Анжел¹ хвастун, потому что хотел только похвастать знанием анатомии, что грациозности в нем нет никакой, и что настоящий блеск, силу кисти и колорит нужно искать только теперь, в нынешнем веке. Тут натурально невольным образом доходило дело и до себя.

– Нет, я не понимаю, – говорил он, – напряженья

¹ **Микель-Анжел** – Микеланджело Буонаротти – один из величайших художников итальянского Возрождения; скульптор, живописец и поэт, автор фресок в Сикстинской капелле в Ватикане

других сидеть и корпеть за трудом. Этот человек, который копается по несколько месяцев над картиною, по мне, труженик, а не художник. Я не поверю, чтобы в нем был талант. Гений творит смело, быстро.

И посетители дивились силе и бойкости его кисти, и потом пересказывали друг другу: «Это талант, истинный талант! Посмотрите, как он говорит, как блестят его глаза!»

Художнику было лестно слышать о себе такие слухи. Когда в журналах появлялась печатная хвала ему, он радовался, как ребенок, хотя эта хвала была куплена им за свои же деньги. Он разносил такой печатный лист везде и, будто бы ненарочно, показывал его знакомым и приятелям, и это его тешило до самой простодушной наивности. Слава его росла, работы и заказы увеличивались. Уже стали ему надоедать одни и те же портреты и лица. Уже без большой охоты он писал их, стараясь набросать только кое-как одну голову, а остальное давал доканчивать ученикам. Прежде он всё-таки пытался дать какое-нибудь новое положение, поразить силою, эффектом. Теперь и это становилось ему скучно. Кисть его хладела и тупела, и он нечувствительно заключился в однообразные, определенные, давно изношенные формы. Однообразные, холодные, вечно прибранные и, так сказать, застегнутые лица чиновников, военных и штатских не много представляли поля для кисти: она позабывала и великолепные драпировки, и сильные движения, и страсти. Даже достоинств самых обыкновенных уже не было видно в его произведениях, а между тем они всё еще пользовались славою, хотя истинные знатоки и художники только пожимали плечами, глядя на последние его работы. А некоторые, знавшие Чарткова прежде, не могли понять, как мог исчезнуть в нем талант, и напрасно старались разгадать, каким образом может угаснуть дарованье в человеке, тогда как он только что достигнул еще полного развития всех сил своих.

Но этих толков не слышал опьяненный успехом художник. Уже он начинал достигать поры степенности ума и лет; стал толстеть и видимо раздаваться в ширину. Уже стали ему предлагать по службе

почетные места, приглашать на экзамены, в комитеты. Уже он начинал брать сильно сторону Рафаэля и старинных художников, не потому, что убедился вполне в их высоком достоинстве, но потому, чтобы колоть ими в глаза молодых художников. Уже начинал он верить, что всё на свете делается просто, вдохновенья свыше нет. Одним словом, жизнь его уже коснулась тех лет, когда прикосновенье красоты уже не превращает сил в огонь и пламя, но все отгоревшие чувства становятся доступнее к звуку золота, вслушиваются внимательней в его заманчивую музыку и мало-помалу нечувствительно позволяют ей совершенно усыпить себя. Золото сделалось его страстью, идеалом, страхом, наслаждением, целью. Он начал становиться скучным, недоступным ко всему, кроме золота, беспричинным скрягой¹, и уже готов был обратиться в одно из тех странных существ, на которых с ужасом глядит исполненный жизни и сердца человек, которому кажутся они движущимися каменными гробами с мертвецом внутри вместо сердца. Но одно событие сильно потрясло и разбудило весь его жизненный состав.

В один день увидел он на столе своем записку, в которой Академия Художеств просила его приехать дать суждение свое о новом, присланном из Италии, произведении усовершенствовавшегося там русского художника. Этот художник был один из прежних его товарищей, который от ранних лет носил в себе страсть к искусству, с пламенной душой труженика погрузился в него всей душою своею, оторвался от друзей, от родных, от милых привычек, и помчался в тот чудный Рим, при имени которого так полно и сильно бьется пламенное сердце художника. Там, как отшельник, погрузился он в труд. Всем пренебрегал он, всё отдал искусству. Неумоимо посещал галереи, по целым часам застаивался перед произведениями великих мастеров, лоя и преследуя чудную кисть, извлекая из всего только то, что было в нем прекрасно, и наконец оставил себе в учителя одного божественного Рафаэля. Так великий поэт-художник, перечитавший много всяких творений, полных многих прелестей и величавых красот, оставлял наконец себе настольною кни-

¹ **скряга** – очень скупой человек

гой одну только «Илиаду» Гомера, открыв, что в ней есть всё, что хочешь, и нет ничего, что бы уже не отразилось здесь в таком глубоком и великом совершенстве. И вынес он из своей школы величавую идею создания, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти.

Войдя в залу, Чартков нашел уже целую огромную толпу посетителей, собравшихся перед картиною. Глубочайшее безмолвие, какое редко бывает между многолюдными ценителями, на этот раз царствовало всюду. Он поспешил принять значительную физиономию знатока и приблизился к картине; но, боже, что он увидел!

Чистое, непорочное, прекрасное как невеста, стояло пред ним произведение художника. Скромно, божественно, невинно и просто как гений возносилось оно над всем. Казалось, небесные фигуры, изумленные столькими устремленными на них взорами, стыдливо опустили прекрасные ресницы. С чувством невольного изумления созерцали знатоки новую невиданную кисть. Всё тут, казалось, соединилось вместе: изучение Рафаэля, отраженное в высоком благородстве положений, изучение Корреджия, дышавшее в окончательном совершенстве кисти. Но властительней всего видна была сила создания, уже заключенная в душе самого художника. Каждый предмет в картине был им проникнут; во всем постигнут закон и внутренняя сила. И стало ясно даже непосвященным, какая неизмеримая пропасть существует между созданием и простой копией с природы. Почти невозможно было выразить той необыкновенной тишины, которою невольно были объаты все, вперившие глаза на картину, – ни шелеста, ни звука. Невольные слезы готовы были покатиться по лицам посетителей, окруживших картину. Неподвижно, с открытым ртом стоял Чартков перед картиною, и наконец, когда мало-помалу посетители и знатоки зашумели и начали рассуждать о достоинстве произведения, и когда наконец обратились к нему с просьбою объявить свои мысли, он пришел в себя; хотел принять равнодушный, обыкновенный вид, хотел сказать обыкновенное, пошлое суждение зачерствелых художников, вроде следующего: «Да, конечно, правда, нельзя отнять таланта от художника; есть кое-

что; видно, что хотел он выразить что-то; однако же, что касается до главного...» И вслед за этим прибавить, разумеется, такие похвалы, от которых бы не поздоровилось никакому художнику. Хотел это сделать, но речь умерла на устах его, слезы и рыдания нестройно вырвались в ответ, и он как безумный выбежал из залы.

С минуту неподвижный и бесчувственный стоял он посреди своей великолепной мастерской. Вся жизнь его была разбужена в одно мгновение, как будто молодость возвратилась к нему, как будто потухшие искры таланта вспыхнули снова. С очей его вдруг слетела повязка. Боже! Погубить так безжалостно лучшие годы своей юности; истребить, погасить искру огня, может быть, теплившегося в груди, может быть, развившегося бы теперь в величии и красоте! И погубить всё это, погубить без всякой жалости! Казалось, как будто в эту минуту разом и вдруг ожили в душе его те напряжения и порывы, которые некогда были ему знакомы. Он схватил кисть и приблизился к холсту. Пот усилия проступил на его лице; весь обратился он в одно желание и загорелся одною мыслию: ему хотелось изобразить падшего ангела. Эта идея была более всего согласна с состоянием его души.

Но, увы! фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображение слишком уже заключились в одну мерку, и бессильный порыв преступить границы и цепи, им самим на себя наброшенные, уже отзывался неправильностию и ошибкою. В досаде он велел вынести прочь из своей мастерской все последние произведения, все безжизненные модные картинки, все портреты офицеров, дам и высших

чиновников. Заперся один в своей комнате, не велел никого впускать и весь погрузился в работу. Как терпеливый юноша, как ученик, сидел он за своим трудом.

Но как беспощадно-неблагодарно было всё то, что выходило из-под его кисти! Кисть невольно обращалась к затверженным формам, руки складывались на один заученный манер, голова не смела сделать необыкновенного поворота, даже самые складки платья не хотели повиноваться и драпироваться на незнакомом положении тела. И он чувствовал, он чувствовал и видел это сам!

«Но точно ли был у меня талант? – сказал он наконец, – не обманулся ли я?» И, произнесши эти слова, он подошел к прежним своим произведениям, которые работали когда-то так чисто, так бескорыстно, вдали от людей, избытка и всяких прихотей. Он подошел теперь к ним и стал внимательно рассматривать их все, и вместе с ними стала представлять в его памяти вся прежняя бедная жизнь его. «Да, – проговорил он отчаянно, – у меня был талант. Везде, на всем видны его признаки и следы...»

Он остановился и вдруг затрясся всем телом: глаза его встретились с неподвижно-вперившимися на него глазами.

Это был тот необыкновенный портрет, который он купил на Щукинском дворе. Всё время он был закрыт, загроможден другими картинами и вовсе вышел у него из мыслей. Теперь же, как нарочно, когда были вынесены все модные портреты и картины, наполнявшие мастерскую, он выглянул наверх вместе с прежними произведениями его молодости. Как вспомнил он всю странную его историю, как вспомнил, что некоторым образом он, этот странный

портрет, был причиной его превращения, что денежный клад, полученный им таким чудесным образом, родил в нем все суетные¹ побуждения, погубившие его талант, – почти бешенство готово было ворваться к нему в душу. Он в ту ж минуту велел вынести прочь ненавистный портрет. Но душевное волнение от того не умирилось: все чувства были потрясены до дна, и он узнал ту ужасную муку, которая делает человека способным на ужасные злодеяния.

Им овладела ужасная зависть, зависть до бешенства. Желчь проступала у него на лице, когда он видел произведение, носившее печать таланта. Он скрежетал зубами и пожирал его взором василиска². В душе его возродилось самое адское намерение, какое когда-либо питал человек. Он начал скупать всё лучшее, что только производило художество. Купивши картину дорогою ценою, осторожно приносил в свою комнату и с бешенством тигра на нее кидался, рвал, разрывал ее, изрезывал в куски и топтал ногами, сопровождая смехом наслаждения. Бесчисленные собранные им богатства позволяли ему удовлетворять эти адские желания. Он развязал все свои золотые мешки и раскрыл сундуки. Никогда ни одно чудовище невежества не истребило столько прекрасных произведений, сколько истребил этот свирепый мститель. На всех аукционах, куда только показывался он, всякий заранее отчаивался в приобретении художественного создания. Казалось, как будто разгневанное небо нарочно послало в мир это ужасное бедствие, желая отнять у него всю его гармонию. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный колорит на него: вечная желчь присутствовала на лице его. Кроме ядовитого слова и вечного неодобрения ничего не произносили его уста. Подобно какой-то гарпии³, попадался он на улице, и все его знакомые, завидя его издали, старались увернуться и избежать такой встречи.

К счастью мира и искусств, такая напряженная и насильственная

¹ **суетный** – не имеющий истинной ценности, мелкий, пустой, ничтожный

² **василиск** – мифический чудовищный змей, способный убивать не только ядом, но и взглядом и дыханием

³ **гарпия** – мифологическое чудовище, полуженщина-полуптица – символ ненасытной жадности и скупости

жизнь не могла долго продолжаться. Припадки бешенства и безумия начали оказываться чаще, и наконец всё это обратилось в самую ужасную болезнь. Жестокая горячка овладела им так свирепо, что в три дня оставалась от него одна тень только. К этому присоединились все признаки безнадежного сумасшествия. Иногда несколько человек не могли удержать его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновенного портрета, и тогда бешенство его было ужасно. Все люди, окружавшие его постель, казались ему ужасными портретами. Он двоился, четверился в его глазах; все стены казались увешаны портретами, вперившими в него свои неподвижные, живые глаза. Страшные портреты глядели с потолка, с полу, комната расширялась и продолжалась бесконечно. Доктор, принявший на себя обязанность его лечить и уже несколько наслышавшийся о странной его истории, старался всеми силами отыскать тайное отношение между чудившимися ему привидениями и происшествиями его жизни, но ничего не мог успеть. Больной ничего не понимал и не чувствовал, кроме своих страданий, и издавал одни ужасные вопли и непонятные речи. Наконец жизнь его прервалась в последнем, уже безгласном порыве страдания. Труп его был страшен. Ничего тоже не могли найти от огромных его богатств; но, увидевши изрезанные куски тех высоких произведений искусства, которых цена превышала миллионы, поняли ужасное их употребление.

1842 г.

щегольнуть – ցուցամոլել, ցուցամոլութիւն անել, պարծենալ
впериться – ուղղվելով մի կողմ՝ վրան մեխվել, հայացքը սևեռել
ширма – շիրմա, վարագույր
фантом – տեսիլք
червонный – հնգժ. ոսկեդրամ
квартильный надзиратель – հնգժ. թաղամասային հսկիչ
лорнет – լոռնետ, կոթավոր ակնոց
подмалёвка – նախանկարում, նախաներկում

скряга – սիստիկ ժլատ

суетный – ունայն, փուշ, գուր, չնչին

василиск – *տիւիւլ*. արքայօձ

гарпия – *տիւիւլ*. հարպիա՝ գիշատիչ թռչուն կնոջ գլխով

Вопросы и задания:

1. Что вы узнали о жизни и творчестве Н.В. Гоголя?
2. Какова основная тема повести «Портрет»?
3. В тексте есть понятия, относящиеся к живописи: *холст, эскиз, драпировка, мольберт, палитра, этюд, гравюра* и др. Найдите в словарях толкование этих слов и переведите их на армянский язык.
4. Расскажите, каким образом к Чарткову попал портрет старика.
5. Почему купленный портрет тревожит Чарткова?
6. Каким образом автору удалось передать ощущение Чартковым полной реальности того, что происходило во сне? Какие приемы использует Гоголь?
7. Перескажите сцену визита квартального надзирателя. Как Чартков обнаружил клад?
8. Какие возможности даёт Чарткову неожиданно раскрытый клад, и как он его использует?
9. Что стало отправной точкой в развитии блестящей карьеры молодого живописца?
10. Опишите первых посетителей художника.
11. Почему работа над портретом девушки «завлекла» Чарткова? Что и почему не соответствовало действительности в портрете аристократической девушки?
12. Как изменилось отношение Чарткова к любимому делу? Каким стал модный живописец Чартков?
13. Как вы понимаете выражение «Золото сделалось... страстью, идеалом, страхом, целью» Чарткова?
14. Вспомните, как высказывался о таланте Чарткова его наставник и от чего предостерегал его.
15. Чем отличается художник, усовершенствовавшийся в Италии, от

Чарткова?

16. Расскажите, как отреагировал Чартков на картину своего прежнего товарища.
17. Как Чартков пытался вернуть свой утраченный дар? Удалось ли ему это?
18. Опишите последние дни жизни главного героя.
19. Как вы думаете, почему в первой редакции фамилия главного героя была Чертков, и почему автор решил изменить ее во второй редакции?
20. Как вы думаете, в чем, по мнению Гоголя, состоит «истинное призвание» художника?

-
- 21*. Знакомы ли вы с картиной А.А. Иванова «Явление Христа народу» («Явление Мессии»), о которой, как считается, и идет речь в «Портрете»? Опишите ее.
 - 22*. Прочитайте вторую часть повести «Портрет» и расскажите историю создания портрета ростовщика. Почему в конце повести портрет старика-ростовщика исчезает?
 - 23*. Знакомы ли вы с произведением Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея»? Какие параллели можно провести между этими двумя книгами?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

1818-1883

Родился Иван Сергеевич Тургенев 9 ноября 1818 года в городе Орел. Семья его и по матери, и по отцу принадлежала к дворянскому сословию. Первое образование было получено мальчиком в имении Спасском-Лутовинове. Грамоте мальчика учили немецкие и французские учителя. Вскоре семья Тургеневых переехала в Москву. Обучение Тургенева проходило в частных пансионах Москвы, после чего – в Московском университете. Не окончив его, Тургенев перевелся на философский факультет Петербургского университета. Он также учился за границей, после чего путешествовал по Европе.

Портрет И.С. Тургенева,
худ. А.П. Никитин (1857)

В 1841 году, вернувшись в Россию, занимался научной деятельностью, написал диссертацию и получил степень магистра филологии. По инициативе Некрасова в журнале «Современник» были опубликованы первые главы «Записок охотника», которые принесли автору огромный успех.

В конце 40-х-начале 50-х годов писатель активно занимался драматургией, писал пьесы, которые ставились на театральных сценах и имели успех у публики. Тургенев переводил на русский язык произведения Байрона и Шекспира, у них он учился мастерству владения литературными приёмами.

После смерти Гоголя Тургенев написал некролог, за который Иван Сергеевич был отправлен на два года в ссылку в родное село. Существует мнение, что истинной причиной ссылки стали радикальные взгляды писателя, а также сочувственное отношение к крепостным крестьянам, которое он выражал в своем творчестве.

Во время ссылки Тургенев написал рассказ «Муму». Затем в печати появились наиболее известные произведения Тургенева:

«Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Отцы и дети». К другим известным произведениям писателя можно отнести романы «Дым» и «Новь», повести и рассказы «Дневник лишнего человека», «Бежин луг», «Ася», «Вешние воды» и многие другие.

Автопортрет Полины Виардо

Личная жизнь писателя сложилась не очень удачно. У него было много романов, но ни один из них не закончился браком. Самой большой любовью в его жизни была оперная певица Полина Виардо. На протяжении 38 лет Тургенев был рядом с ней и ее мужем Луи, ездил с ними по всему свету.

С 1863 года Тургенев уехал в Германию, где познакомился с выдающимися писателями Западной Европы. Он работал редактором и консультантом, сам занимался переводами с русского языка на немецкий и французский и наоборот. Он стал самым популярным и читаемым русским писателем в Европе, получил звание почетного доктора Оксфордского университета. Именно благодаря стараниям Ивана Сергеевича Тургенева были переведены лучшие произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Толстого.

С 1882 года писателя начали одолевать болезни. В результате мучительной болезни (саркомы) он умер в 1883 году в Буживале (пригород Парижа). Тело его было привезено в Петербург и погребено на Волковском кладбище.

Стихотворения в прозе

Начиная с 1877 года Тургенев стал создавать «Стихотворения в прозе», которым суждено было остаться в русской литературе непревзойденным образцом этого сложного и своеобразного жанра. Тургенев хотел сблизить прозаическую речь со стихотворной, соз-

дать особый жанр лирического дневника, в котором бы соединились воспоминания о прошедшем, мимолетные впечатления, размышления о будущем. В этих стихотворениях были затронуты самые разнообразные темы: философские, социальные, психологические; говорилось о жизни вселенной, о природе, о любви, о смерти, о родине, о красоте, о подвиге, о дружбе. Тургенев дал стихотворениям общее заглавие «Senilia» («Старческое»). Пятьдесят одно стихотворение из этого цикла было опубликовано в «Вестнике Европы» в 1882 году. Вскоре они были переведены Полиной Виардо на французский язык, а затем были осуществлены переводы и на другие европейские языки.

КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ

Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочел одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти:

Как хороши, как свежи были розы...

Теперь зима; мороз запушил¹ стекла окон; в темной комнате горит одна свеча. Я сижу, забившись в угол, а в голове все звенит и звенит:

Как хороши, как свежи были розы...

И вижу я себя перед низким окном загородного русского дома. Летний вечер тихо тает и переходит в ночь, в теплом воздухе пахнет резедой² и липой; а на окне, опершись на выпрямленную руку и склонив голову к плечу, сидит девушка – и безмолвно и внимательно смотрит на небо, как бы выжидая появления первых звезд. Как простодушно-вдохновенны задумчивые глаза, как трогательно-

¹ **запушить** – покрыться тонким пушистым слоем снега

² **резеда** – садовое растение с пахучими цветками

невинны раскрытые, вопрошающие губы, как ровно дышит еще не вполне расцветшая, еще ничем не взволнованная грудь, как чист и нежен облик юного лица! Я не осмеливаюсь заговорить с нею, – но как она мне дорога, как бьется мое сердце!

Как хороши, как свежи были розы...

А в комнате все темней да темней... Догорающая свеча трещит, беглые тени колеблются на низком потолке, мороз скрипит и злится за стеною – и чудится скучный, старческий шепот...

Как хороши, как свежи были розы...

Встают передо мною другие образы... Слышится веселый шум

Спаское-Лутовиново.
Усадебный дом И.С. Тургенева

семейной, деревенской жизни. Две русые головки, прислонясь друг к дружке, бойко смотрят на меня своими светлыми глазками, алые щеки дрожат от смеха, руки ласково сплелись, вперебивку звучат молодые, добрые голоса; а немного подальше, в глубине уютной комнаты,

другие, тоже молодые руки бегают, путаясь пальцами, по клавишам старенького пианино – и ланнеровский вальс¹ не может заглушить звуки патриархального самовара...

Как хороши, как свежи были розы...

Свеча меркнет и гаснет... Кто это кашляет там так хрипло и глухо? Свернувшись в калачик, жметесь и вздрагивает у ног моих старый пес, мой единственный товарищ... Мне холодно... Я мерзну... и все они умерли... умерли...

Как хороши, как свежи были розы...

сентябрь 1879 г.

¹ ланнеровский вальс – вальс, написанный композитором XIX века Ланнером

запустить – փաթիլափախել, փաթիլակալել, снег запустил окно – ձյունը լուսամուտը փաթիլակալել է
резеда – հափրուկ, հափուկ

Вопросы и задания

1. В какое время жил и творил И.С. Тургенев? Какие его произведения вам известны?
2. О чем рассказывается в произведении «Как хороши, как свежи были розы»?
3. О каких периодах жизни героя мы узнаем?
4. Что можно сказать о нынешнем положении героя, его возрасте, настроении?
5. Что он вспоминает? Какие эмоции вызывают эти воспоминания?
6. Какая фраза все звенит в его голове? Какую роль играет в тексте эта фраза?
7. Какие способы использует автор, чтобы передать мрачное настоящее героя? Изменяется ли оно в течение повествования? Как вы понимаете выражения *мороз запустил стекла окон; беглые тени колеблются на низком потолке; свернувшись в калачик, жметя и вздрагивает у ног моих старый пес?*
8. Опишите облик юной девушки. Какие определения использует автор? Как по-вашему, почему девушка смотрит на небо? Аромат каких растений разлит в летнем воздухе?
9. Какие еще образы вспоминает автор?
10. Какими цветами окрашены воспоминания автора? Сравните звуки, которые звучали в прошлой жизни героя, со звуками, сопровождающими его в настоящем.
11. Как вы объясните слово *патриархальный*? Почему так назван самовар? Чем является самовар для русского человека?
12. Найдите разницу между словами *старенький* и *старческий*.
13. Что символизируют в тексте «свеча» и «роза»?

- 14*. Почему Тургенев назвал свое произведение стихотворением в прозе? Как оно построено?
- 15*. Знаете ли вы, что такое антитеза? Какую роль играет антитеза в данном стихотворении?
- 16*. Найдите и прочитайте стихотворения И. Мятлева «Как хороши, как свежи были розы», А.С. Пушкина «Где наша роза», И. Северянина «Классические розы» и проведите параллели со стихотворением в прозе И. Тургенева.
- 17*. Посмотрите видеоролик [«Как хороши, как свежи были розы»](#). Соответствует ли видеоряд содержанию произведения?

Повести И.С. Тургенева о любви

Перу Тургенева принадлежит несколько повестей о любви – «Ася», «Первая любовь», «Вешние¹ воды» и другие. Главным героем этих повестей является молодой человек, от лица которого и ведется повествование. В повестях Тургенева много автобиографического. Например, в повести «Вешние воды» главный герой влюбляется в иностранку. Известно, что роковой любовью в жизни самого писателя была оперная певица Полина Виардо. Черты этой женщины, а также чувство Тургенева к ней присутствует на страницах его повестей, посвященных любви. Объединяет повести и ретроспективная композиция – произведение представляет собой воспоминания уже зрелого человека о событиях юности, которые оставили след в его душе и повлияли на его судьбу. Так, в повести «Вешние воды» любовь Санина к Джемме не угадала и по прошествии тридцати лет.

Главные герои повестей Тургенева – чистые душой и разумом люди, способные искренне и сильно любить, мечтать, совершать

¹ вешний – весенний

безумные поступки. И в то же время это безвольные люди, интеллигенты, потерявшие свою любовь в силу слабого характера и нерешительности.

И все же главным героем повестей о любви Тургенева является женщина. Именно ее писатель выдвигает на первый план, любуясь ее красотой, свежестью, прелестью. Мастерски изображается Тургеневым и роковая женщина, порочная, уничтожающая чужое счастье ради своей прихоти (например, Мария Полозова из повести «Вешние воды»).

Эти повести, как и многие другие произведения Тургенева, рассказывают о первой, как правило, несчастливой любви, но именно она остается самым светлым воспоминанием в жизни каждого человека.

ВЕШНИЕ ВОДЫ (отрывки)

Санину исполнилось двадцать два года, и он находился во Франкфурте, на обратном пути из Италии в Россию. У него после смерти отдаленного родственника оказалось несколько тысяч рублей – и он решил погулять за границей перед поступлением на службу. Времени оставалось много. Он посетил музей, погулял по берегу Майна, поскучал, как следует добропорядочному путешественнику; наконец, в шестом часу вечера, усталый, очутился на одной из самых незначительных улиц Франкфурта. На одном из домов он увидел вывеску: «Итальянская кондитерская Джиованни Розелли». Санин зашел в нее, чтобы

«Санин»,
иллюстрации Д. Боровского

выпить стакан лимонаду. Смутный шум слышался в соседней комнате. Санин постоял – и, дав колокольчику на дверях прозвенеть до конца, произнес, возвысив голос: «Никого здесь нет?» В то же мгновение дверь из соседней комнаты растворилась – и Санину поневоле пришлось изумиться.

В кондитерскую, с рассыпанными по плечам темными кудрями, с протянутыми вперед обнаженными руками, быстро вбежала девушка лет девятнадцати и, увидев Санина, тотчас бросилась к нему, схватила его за руку и повлекла за собою, приговаривая задыхавшимся голосом: «Скорей, скорей, сюда, спасите!» Не из нежелания повиноваться, а просто от большого изумления Санин не тотчас последовал за девушкой – и как бы уперся на месте: он в жизни не встречал подобной красавицы.

В комнате, куда он вбежал вслед за девушкой, на старомодном диване лежал, весь белый, как воск или как древний мрамор, мальчик лет четырнадцати, поразительно похожий на девушку, очевидно, ее брат. Казалось, он не дышал; одна рука опустилась на пол, другую он закинул за голову.

Девушка с воплем бросилась к только что вошедшему с бутылкой воды старику.

– Эмиль умирает! – воскликнула девушка и протянула руки к Санину.

Хотя Санин не имел ни малейшего представления о медицине,

«Джемма», илл. Д.Боровского

однако одно он знал достоверно: с четырнадцатилетними мальчиками ударов не случается. Он попросил принести щетки и, сняв с мальчика верхнюю одежду, стал растирать его, посматривая на девушку. Боже мой! Какая же это была красавица!

Нос у нее был несколько велик, но красивый, орлиный, цвет лица, ровный и матовый, ни дать ни взять слоновая кость или молочный

янтарь, волнистый блеск волос, – и особенно глаза, темно-серые, с черной каемкой вокруг зрачков, великолепные, торжествующие глаза, – даже теперь, когда испуг и горе омрачили их блеск... Санину невольно вспомнился чудесный край, откуда он возвращался... Да он и в Италии не встречал ничего подобного!

По лицу молодого человека выступила краска; веки шевельнулись... ноздри дрогнули.

– Эмилио mio!

Медленно раскрылись большие черные глаза. Потом он двинул слабой рукою – и с размаху положил ее себе на грудь. Мужчина пожилых лет вошел вместе с женщиной в комнату.

– Он спасен, мама, он жив! – воскликнула она, нервно обнимая вошедшую даму.

Джемма (так звали девушку) принялась рассказывать, что случилось, а доктор подошел к больному, который все более и более приходил в себя.

– Гм! Покажите-ка язык!

Дама заботливо наклонилась к нему. Санин уже собрался уходить. Но не успел он еще взяться за ручку уличной двери, как девушка опять появилась перед ним и остановила его.

– Вы должны сказать нам, кто вы, вы должны порадоваться вместе с нами...

– Но я уезжаю сегодня в Берлин, – начал было Санин.

– Придите к нам через час на чашку шоколада.

Она устремила на него глаза, доверчивые и благодарные по-прежнему. Теплый блеск вечернего солнца озарял ее молодую голову – и она казалась светлее и ярче самого этого блеска. Красавица быстро пожала ему руку, выпорхнула вон – и он очутился на улице.

... Дверь из соседней комнаты растворилась, и на пороге появилась молодая, красивая дама в белом шелковом платье, с черными кружевами, в бриллиантах на руках и на шее – Марья

Николаевна Полозова. Ее густые русые волосы падали с обеих сторон головы – заплетенными, но не подобранными косами.

– Ах, извините! – проговорила она с полусмущенной, полунасмешливой улыбкой, мгновенно прихватив рукою конец одной косы и взглянув на Санина своими большими серыми светлыми глазами. – Я не думала, что вы уже пришли.

– Санин, Дмитрий Павлович, приятель мой с детства, – промолвил Полозов, не оборачиваясь к нему и не вставая, но указывая на него пальцем.

– Да... знаю... Ты мне уже говорил. Очень рада познакомиться. Но я хотела было попросить тебя, Ипполит Сидорыч... Моя горничная сегодня какая-то бестолковая...

– Волосы тебе убрать?

«Полозова», илл. Д. Боровского

– Да, да, пожалуйста. Извините, – повторила Марья Николаевна с прежней улыбкой, кивнула головою Санину и, быстро повернувшись, скрылась за дверью, оставив за собою мимолетное, но стройное впечатление прелестной шеи, удивительных плеч, удивительного стана¹.

Санин ни одной секунды не сомневался в том, что присутствие его в доме было как нельзя лучше известно самой хозяйке; весь фокус состоял в том, чтобы показать свои волосы, которые были точно хороши. Но душа Санина до того была наполнена Джеммой, что все другие женщины уже не имели для него никакого значения. Он едва замечал их. И на этот раз он ограничился только тем, что подумал: «Да, вправду говорили мне: эта барыня хоть куда!»

¹ стан – туловище человека

А будь он не в таком душевном состоянии, он бы, вероятно, иначе выразился: Мария Николаевна Полозова была очень замечательная особа. И не то чтобы она была истинная красавица: в ней даже довольно явственно сказывались следы ее плебейского¹ происхождения. Лоб у нее был низкий, нос несколько мясистый и вздернутый; ни тонкостью кожи, ни изяществом рук и ног она похвалиться не могла – но что все это значило? Всякий, кто бы встретился с нею, остановился бы не перед «святыней красоты», говоря словами Пушкина, но перед обаянием мощного, не то русского, не то цыганского, цветущего женского тела. Минут десять спустя Марья Николаевна появилась опять в сопровождении своего супруга. Она подошла к Санину, а походка у нее была такая, что иные от одной этой походки с ума сходили. Санин наклонился почтительно, а Марья Николаевна уже исчезала за дверью – и, исчезая, опять повернула голову назад через плечо – и опять улыбнулась, и опять оставила за собою прежнее, стройное впечатление. Когда она улыбалась – не одна и не две, а целых три ямочки обозначались на каждой щеке – и ее глаза улыбались больше, чем алые губы с двумя крошечными родинками на левой их стороне. Полозов ввалился в комнату – и опять поместился на кресле. Выпив чашечку горячего, как кипятка, кофе и прикусив гаванскую сигару своими желтыми, кривыми зубами, он, по обычаю своему, задремал. Но через некоторое время хозяин и гость перешли в гостиную, и началась игра, разумеется, не на деньги.

Вошла Мария Николаевна, прошумев платьем. Свое нарядное платье она заменила широкой шелковой блузой лилового цвета с открытыми висячими рукавами; толстый шнурок перехватывал ее талию. Она под села к мужу и сказала ему: «Я вижу, ты спать хочешь; целуй ручку и отправляйся; а мы с господином Саниным побеседуем вдвоем».

– Спать я не хочу, – промолвил Полозов, тяжело поднимаясь с кресла, – а отправиться – отправлюсь, и ручку поцелую.

¹ **плебейский** – низкого происхождения, неблагородный

Она подставила ему свою ладонь, не переставая улыбаться и глядеть на Санина. Полозов тоже глянул на него – и ушел не простившись.

Марья Николаевна немножко нагнула голову набок, чтобы пристальнее и глубже заглянуть Санину в глаза.

1872 г.

вешний – ƒʁŋʃɪʃɪ, ƒʁŋʃɪʃɪʃjɪ

стан – ʃrɪʃɪ

плебейский – от **плебей**: ɡwɪɔr ɔʃɑpɪɫ ɪɫɪɛɡnɐ, ɪʃɪʃɪɫ

Вопросы и задания

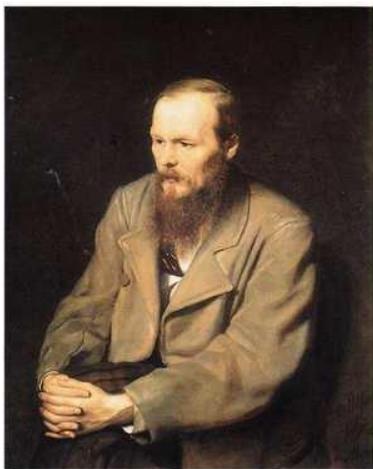
1. При каких обстоятельствах встретился Санин с красавицей-итальянкой?
2. Чем был поражен Санин, увидев Джемму? Опишите внешность девушки.
3. Как Санину удалось вывести Эмилио из состояния обморока?
4. Произвела ли внешность Марии Полозовой особое впечатление на Санина? Опишите внешность этой женщины.
5. Какие отношения, по-вашему, были между супругами Полозовыми?
6. Как относится сам автор к Марии Полозовой?
7. Есть ли в тексте противопоставление женских образов?
8. Можно ли составить представление о характерах героинь по их описанию?
9. Опишите ваш любимый женский персонаж (в литературе, живописи, кино).

10*. Сравните образы итальянских красавиц в произведениях Тургенева и Нар-Доса.

11*. Как, на ваш взгляд, могут развиваться дальнейшие события в романе? Прочитайте произведение целиком.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

1821-1881

Портрет Ф.М. Достоевского,
худ. Василий Перов (1872)

Ф.М. Достоевский родился 11 ноября 1821 года в Москве в семье лекаря Мариинской больницы для бедных. Получил прекрасное образование в частном пансионе. В семье любили читать Карамзина, Жуковского, Пушкина.

Тяжело пережив смерть матери, Достоевский по решению отца поступил в Петербургское военно-инженерное училище – одно из лучших учебных заведений того времени. Известие о неожиданной смерти отца, убитого крепостными крестьянами, потрясло Достоевского и спровоцировало тяжелый припадок эпилепсии, которой он страдал с 15-ти лет.

Через год после зачисления на службу в инженерном департаменте вышел в отставку, убежденный, что его призвание – литература. После издания первого романа Достоевского «Бедные люди» заговорили о появлении необыкновенного таланта. Позднее вышли «Белые ночи» (1848) и «Неточка Незванова» (1849), в которых обнаруживались черты реализма Достоевского, выделявшие его из среды писателей «натуральной школы»: углубленный психологизм, исключительность характеров и ситуаций.

Достоевский стал одним из членов кружка Петрашевского. На собраниях кружка обсуждали различные философские учения, предлагали организовать подпольную типографию и заняться пропагандой социалистических идей. В 1849 году за участие в этом кружке писателя арестовывают и приговаривают к смертной казни, замененной затем четырьмя годами каторги и поселением в Сибири.

Единственной книгой Достоевского на каторге было Евангелие, которое он неоднократно перечитывал. Он по-новому осмыслил образ Христа и идею христианства в целом. Лишь в 1859 году Достоевский получает разрешение жить в Твери, а затем и в Петербурге.

Почти десять лет физических и моральных мучений обострили восприимчивость Достоевского к человеческим страданиям. Достоевский начинает скептически относиться к революционным путям преобразования России и Европы и высказывает эти сомнения в художественных произведениях и статьях.

В 1865 году, будучи за границей для поправки здоровья, в курортном Висбадене писатель начал работу над романом «Преступление и наказание», в котором отразился весь сложный путь его внутренних исканий. В 1867 году Достоевский женился на Анне Григорьевне Сниткиной, своей стенографистке, ставшей для него близким и преданным другом. Они жили в Германии, Швейцарии, Италии. В эти годы писатель работал над романами «Идиот» и «Бесы».

В мае 1872 года Достоевские уехали на лето из Петербурга в Старую Русу, где они впоследствии купили скромную дачу и жили здесь с двумя детьми даже зимой. В Старой Русе написаны почти целиком романы «Подросток» и «Братья Карамазовы».

С 1873 года писатель стал редактором журнала «Гражданин», на страницах которого начал печатать «Дневник писателя», ставший очень популярным. 8 июня 1880 года, за полгода до смерти, Достоевский произнёс свою знаменитую речь, посвящённую открытию памятника А.С. Пушкину и названную современниками «историческим событием».

Здоровье писателя ухудшалось, и 9 февраля 1881 года в Петербурге Ф.М. Достоевский скончался. Похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

Мир Достоевского – это мир человеческих страданий, трагедия униженной личности. Писатель показал, как подавление достоинства человека разрушает его душу, раздваивает его сознание. Герой Достоевского ощущает свое ничтожество, однако в то же время в нем зреет протест против реальности. Подобным персонажам Достоевский противопоставляет «кротких» героев, обладающих добрым сердцем. Таковы Соня Мармеладова, Лев Мышкин, Алеша Карамазов, готовые пострадать за всё человечество. Признавая свободу личности, Достоевский вместе с тем считал, что неограниченная свобода несет с собой антигуманные поступки. Преступление он рассматривал как проявление самоутверждения индивидуалистов.

Произведения великого писателя отличаются динамичностью композиции, напряженностью в развитии конфликтов, экспрессивностью слога. Достоевский – создатель романа, в котором развитие сюжета определяется борьбой идей, столкновением мировоззрений, воплощенных в характерах персонажей. Этим и объясняется мощное воздействие Достоевского не только на художественную культуру, но и на философскую и эстетическую мысль XX столетия.

ЁЛКА И СВАДЬБА **(Из записок неизвестного)**

На днях я видел свадьбу... но нет! Лучше я вам расскажу про елку. Свадьба хороша; она мне очень понравилась, но другое происшествие лучше. Не знаю, каким образом, смотря на эту свадьбу, я вспомнил про эту елку. Это вот как случилось. Ровно лет пять назад, накануне Нового года, меня пригласили на детский бал. Лицо приглашавшее было одно известное деловое лицо, со связями, с знакомством, так что можно было подумать, что детский бал этот был предлогом для родителей сойтись в кучу и потолковать о своих

интересных делах невинным, случайным, нечаянным образом. Я был человек посторонний; материй у меня не было никаких, и потому я провел вечер довольно независимо.

Понравился мне там один господин. Это было Лицо. Звали его Юлиан Маста́кович. С первого взгляда можно было видеть, что он был гостем почетным. Хозяин и хозяйка говорили ему массу любезностей, ухаживали, поили его, подводили к нему, для рекомендации, своих гостей, а его самого ни к кому не подводили. Я заметил, что у хозяина заискрилась слеза на глазах, когда Юлиан Мастакович сказал о вечере, что он редко проводит таким приятным образом время. Мне как-то стало страшно в присутствии такого лица, и потому, полюбовавшись на детей, я ушел в маленькую гостиную, которая была совершенно пуста, и засел в цветочную беседку хозяйки, занимавшую почти половину всей комнаты.

Дети все были до невероятности милы и решительно не хотели походить на больших, несмотря на все уговоры гувернанток¹ и маманек. Они разобрали всю елку вмиг², до последней конфетки, и успели уже переломать половину игрушек, прежде чем узнали, кому какая назначена. Всех более обратила на себя внимание девочка лет одиннадцати, прелестная, как амурчик³, тихонькая, задумчивая, бледная, с большими задумчивыми глазами навывкате. Ее как-то обидели дети, и потому она ушла в ту самую гостиную, где сидел я, и занялась в уголку – своей куклой. Гости с уважением указывали на одного богатого господина, ее родителя, и кое-кто замечал шепотом, что за ней уже отложено на приданое триста тысяч рублей. Я

«Могу я вас пригласить на этот танец?»,
худ. А.М. Росси

¹ **гувернантка** – воспитательница и учительница детей

² **разобрали всю елку вмиг** – *здесь*: взяли сладости с елки и подарки из-под нее

³ **амурчик** – уменьшительное от «Амур» – бог любви в античной мифологии, *здесь*: ангелочек

оборотился взглянуть на любопытствующих о таком обстоятельстве, и взгляд мой упал на Юлиана Мастаковича, который, закинув руки за спину и наклонив немножечко голову набок, как-то чрезвычайно внимательно прислушивался к словам этих господ. Потом я не мог не удивиться мудрости хозяев при раздаче детских подарков. Девочка, уже имевшая триста тысяч рублей приданого, получила богатейшую куклу. Потом следовали подарки, понижаясь, смотря по понижению рангов¹ родителей всех этих счастливых детей. Наконец, последний ребенок, мальчик лет десяти, худенький, маленький, веснушчатый, рыженький, получил только одну книжку повестей, рассказывавших о величии природы и прочее, и даже без картинок. Он был сын гувернантки хозяйских детей, одной бедной вдовы², мальчик крайне жалкий и запуганный. Одет он был в курточку из дешевой и грубоватой ткани. Получив свою книжку, он долгое время ходил около других игрушек; ему ужасно хотелось поиграть с другими детьми, но он не смел; видно было, что он уже чувствовал и понимал свое положение. Я очень люблю наблюдать за детьми. Чрезвычайно любопытно в них первое, самостоятельное проявление в жизни. Я заметил, что рыженький мальчик до того соблазнился богатыми игрушками других детей, особенно театром, в котором ему непременно хотелось взять на себя какую-то роль, что решился поподличать. Он улыбался и заигрывал с другими детьми, он отдал свое яблоко одному толстому мальчишке, у которого навязан был полный платок подарочков, и даже решился повозить одного на себе, чтоб только не отогнали его от театра. Но через минуту какой-то озорник сильно поколотил его. Ребенок не посмел заплакать. Тут явилась гувернантка, его маменька, и велела ему не мешать играть другим детям. Ребенок вошел в ту же гостиную, где была девочка. Она пустила его к себе, и оба принялись наряжать богатую куклу.

Я сидел уже с полчаса в беседке и почти задремал, прислушиваясь к маленькому говору рыженького мальчика и красавицы с тремястами тысяч приданого, возившихся с куклой, как

¹ **ранг** – положение, занимаемое в обществе, звание

² **вдова** – женщина, у которой умер муж

вдруг в комнату вошел Юлиан Мастакович. Он воспользовался скандальной сценой ссоры детей и вышел потихоньку из зала. Я заметил, что он с минуту назад весьма горячо говорил с папенькой будущей богатой невесты, с которым только что познакомился, о преимуществе какой-то службы перед другою.

Теперь он стоял в раздумье и как будто что-то рассчитывал по пальцам.

– Триста... триста, – шептал он. – Одиннадцать... двенадцать... тринадцать и так далее. Шестнадцать – пять лет! Ну, пятьсот, положим, пятьсот тысяч, по крайней мере, это наверно; ну, излишек на платье, гм...

Он кончил раздумье, высморкался и хотел уже выйти из комнаты, как вдруг взглянул на девочку и остановился. Он меня не видал за горшками с зеленью. Мне казалось, что он был крайне взволнован. Или расчет подействовал на него, или что-нибудь другое, но он потирал себе руки и не мог постоять на месте. Это волнение увеличилось, когда он остановился и бросил другой, решительный взгляд на будущую невесту. Он было двинулся вперед, но сначала огляделся кругом. Потом, на цыпочках, как будто чувствуя себя виноватым, стал подходить к ребенку. Он подошел с улыбочкой, нагнулся и поцеловал ее в голову. Та, не ожидая нападения, вскрикнула от испуга.

– А что вы тут делаете, милое дитя? – спросил он шепотом, оглядываясь и трепля девочку по щеке.

– Игруем...

– А? с ним? – Юлиан Мастакович покосился на мальчика.

– А ты бы, душенька, пошел в залу, – сказал он ему. Мальчик молчал и глядел на него во все глаза. Юлиан Мастакович опять осмотрелся кругом и опять нагнулся к девочке.

– А что это у вас, куколка, милое дитя? – спросил он.

– Куколка, – отвечала девочка, морщась и немножко робея¹.

– Куколка... А знаете ли вы, милое дитя, из чего ваша куколка сделана?

¹ робеть – бояться, стесняться

– Не знаю... – отвечала девочка шепотом и совершенно опустив голову.

– А из тряпочек, душенька. Ты бы пошел, мальчик, в залу, к своим сверстникам¹, – сказал Юлиан Мастакович, строго посмотрев на ребенка. Девочка и мальчик поморщились и схватились друг за друга. Им не хотелось разлучаться.

– А знаете ли вы, почему подарили вам эту куколку? – спросил Юлиан Мастакович, понижая всё более и более голос.

– Не знаю.

– А оттого, что вы были милое и благонравное дитя всю неделю.

Тут Юлиан Мастакович, сильно взволнованный, осмотрелся кругом и, понижая всё более и более голос, спросил наконец неслышным, почти совсем замирающим от волнения и нетерпения голосом:

– А будете ли вы любить меня, милая девочка, когда я приеду в гости к вашим родителям?

Сказав это, Юлиан Мастакович хотел еще один раз поцеловать милую девочку, но рыженький мальчик, видя, что она совсем хочет заплакать, схватил ее за руки и захныкал от полнейшего сочувствия к ней. Юлиан Мастакович рассердился не в шутку.

– Пошел, пошел отсюда, пошел! – говорил он мальчишке. – Пошел в залу! пошел туда, к своим сверстникам!

– Нет, не нужно, не нужно! подите вы прочь, – сказала девочка, – оставьте его, оставьте его! – говорила она, почти совсем заплакав.

Кто-то зашумел в дверях, Юлиан Мастакович испугался и тотчас же величественно приподнялся. Но рыженький мальчик испугался еще более Юлиана Мастаковича, бросил девочку и тихонько, опираясь о стенку, прошел из гостиной в столовую. Чтоб не подать подозрений, Юлиан Мастакович пошел также в столовую. Он был красен, как рак, и, взглянув в зеркало, как будто сконфузился² себя самого. Ему, может быть, стало досадно за

¹ **сверстник** – человек того же возраста, ровесник

² **skonфyзитcя** – почувствовать конфуз, неловкость, смущение; смутиться

горячку свою и свое нетерпение. Может быть, его так поразил вначале расчет по пальцам, так соблазнил и вдохновил, что он, несмотря на всю солидность и важность, решился поступить как мальчишка и прямо атаковать свой предмет, несмотря на то что предмет мог быть настоящим предметом по крайней мере пять лет спустя. Я вышел за почтенным господином в столовую и увидел странное зрелище. Юлиан Мастакович, весь покраснев от досады и злости, пугал рыжего мальчишка, который, уходя от него всё дальше и дальше, не знал – куда забежать от страха.

– Пошел, что здесь делаешь, пошел, негодник, пошел! Ты здесь фрукты таскаешь, а? Ты здесь фрукты таскаешь? Пошел, негодник, пошел, сопливый, пошел, пошел к своим сверстникам!

Перепуганный мальчик, решившись на отчаянное средство, попробовал было залезть под стол. Тогда его гонитель, разгоряченный донельзя, вынул свой длинный батистовый платок и начал им выгонять из-под стола ребенка, присмирившего до последней степени. Нужно заметить, что Юлиан Мастакович был немножко толстенок. Это был человек сытенький, румянький, плотненький, с брюшком, с жирными ногами, словом, что называется, крепняк, кругленький, как орешек. Он вспотел, пыхтел и краснел ужасно. Наконец он почти расвирепел, так велико было в нем чувство негодования и, может быть (кто знает?), ревности. Я захохотал во всё горло. Юлиан Мастакович оборотился и, несмотря на всё значение свое, сконфузился в прах. В это время из противоположной двери вошел хозяин. Мальчишка вылез из-под стола и обтирал свои колени и локти. Юлиан Мастакович поспешил поднести к носу платок, который держал, за один кончик, в руках.

Хозяин немножко с недоумением посмотрел на троих нас; но, как человек, знающий жизнь и смотрящий на нее с точки серьезной, тотчас же воспользовался тем, что поймал наедине своего гостя.

– Вот-с тот мальчик-с, – сказал он, указав на рыженького, – о котором я имел честь просить...

– А? – отвечал Юлиан Мастакович, еще не совсем оправившись.

– Сын гувернантки детей моих, – продолжал хозяин просительным тоном, – бедная женщина, вдова, жена одного честного чиновника; и потому... Юлиан Мастакович, если возможно...

– Ах, нет, нет, – поспешно закричал Юлиан Мастакович, – нет, извините меня, Филипп Алексеевич, никак невозможно-с. Я интересовался: вакансии¹ нет, а если бы и была, то на нее уже десять кандидатов, гораздо более имеющих право, чем он... Очень жаль, очень жаль...

– Жаль-с, – повторил хозяин, – мальчик скромненький, тихонький...

– Шалун большой, как я замечаю, – отвечал Юлиан Мастакович, истерически скривив рот, – пошел, мальчик, что ты стоишь, пойди к своим сверстникам! – сказал он, обращаясь к ребенку.

Тут он, кажется, не мог утерпеть и взглянул на меня одним глазом. Я тоже не мог утерпеть и захохотал ему прямо в глаза.

Сцены из семейной жизни императора Николая I.
Рождественская елка в Аничковом дворце.
Худ. А. Ф. Чернышев

Юлиан Мастакович тотчас же отвернулся и довольно явственно для меня спросил у хозяина, кто этот странный молодой человек? Они зашептались и вышли из комнаты. Я видел потом, как Юлиан Мастакович, слушая хозяина, с недоверчивостию качал головою.

Надохотавшись вдоволь, я воротился в залу. Там великий муж, окруженный отцами и матерями семейств, хозяйкой и хозяином, что-то с жаром толковал одной даме, к которой его только что подвели. Дама держала за руку девочку, с которой десять минут

¹ **вакансия** – свободное (незанятое) место, здесь: для учащегося в учебном заведении

назад Юлиан Мастакович имел сцену в гостиной. Теперь он рассыпался в похвалах и восторгах о красоте, талантах, грации и благовоспитанности милого дитяти. Мать слушала его чуть ли не со слезами восторга. Губы отца улыбались. Хозяин радовался излипаниям всеобщей радости. Даже все гости сочувствовали, даже игры детей были остановлены, чтоб не мешать разговору. Весь воздух был напоен благоговением. Я слышал потом, как тронутая до глубины сердца маменька интересной девочки в отборных выражениях просила Юлиана Мастаковича сделать ей особую честь, подарить их дом своим драгоценным знакомством; слышал, с каким неподдельным восторгом Юлиан Мастакович принял приглашение и как потом гости, разойдясь все, как приличие требовало, в разные стороны, рассыпались друг перед другом в умиленных похвалах девочке, ее папеньке, маменьке и, в особенности, Юлиану Мастаковичу.

– Женат этот господин? – спросил я, почти вслух, одного из знакомых моих, стоявшего ближе всех к Юлиану Мастаковичу.

Юлиан Мастакович бросил на меня испытующий и злобный взгляд.

– Нет! – отвечал мне мой знакомый, огорченный до глубины сердца моею неловкостью, которую я сделал умышленно...

Недавно я проходил мимо ***ской церкви; съехавшиеся

«Неравный брак», худ. В.В. Пукирев (1862)

поразили меня. Кругом говорили о свадьбе. День был пасмурный, начинался противный дождик; я пробрался за толпою в церковь и увидел жениха. Это был маленький, кругленький, сытенький человечек с брюшком, весьма разукрашенный. Он бегал, суетился и распоряжался. Наконец раздался говор, что привезли невесту. Я протеснился сквозь толпу и увидел чудную красавицу, для которой едва настала первая весна. Но красавица была бледна и грустна. Она смотрела рассеянно; мне показалось даже, что глаза ее были красны от недавних слез. Античная строгость каждой черты лица ее придавала какую-то важность и торжественность ее красоте. Но сквозь эту строгость и важность, сквозь эту грусть просвечивал еще первый детский, невинный облик; сказывалось что-то донельзя наивное, неустановившееся, юное и, казалось, без просьб само за себя молившее о пощаде.

Говорили, что ей едва минуло шестнадцать лет. Взглянув внимательно на жениха, я вдруг узнал в нем Юлиана Мастаковича, которого не видел ровно пять лет. Я поглядел на нее... Боже мой! Я стал проталкиваться скорее из церкви. В толпе толковали, что невеста богата, что у невесты пятьсот тысяч приданого... и на сколько-то тряпками...

«Однако расчет был хорош!» – подумал я, выбравшись на улицу...

1848 г.

гувернантка – *հնգծ. տնային դաստիարակչուհի*

амурчик – *աշխարհիկ. ամուր, սիրո աստվածություն*

ранг – *աստիճան, կարգ, տարակարգ*

вдова – *այրի կին*

робеть – *վախվախել, տառապանք*

сверстница, сверстник – *հասակակից, տարեկից*

сконфузиться – *ամաչել, շփոթվել, անհարմար զգալ*

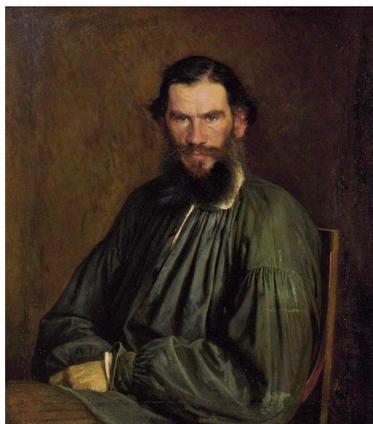
вакансия – *ազատ տեղ ուսումնական հիմնարկում*

Вопросы и задания

1. Что вы узнали о жизни и творчестве Ф.М. Достоевского?
 2. Какие темы затрагивает в своем творчестве Достоевский? Какие люди становятся героями его произведений?
 3. На каком торжестве происходят события, описанные в рассказе?
 4. Почему рассказчик решил, что Юлиан Мастакович был важный гость?
 5. Почему Юлиан Мастакович проявил интерес к девочке?
 6. Что интересного отметил рассказчик в подарках для детей на этом празднике?
 7. Расскажите, как вели себя дети на празднике. Как получилось, что мальчик и девочка стали играть вместе?
 8. Как автор описывает в рассказе мальчика, сына гувернантки? Как по отношению к нему ведет себя мать? Как к нему относятся другие персонажи рассказа?
 9. Расскажите, почему Юлиан Мастакович все время оглядывался, когда разговаривал с девочкой? Как он повел себя по отношению к мальчику? Почему?
 10. Чем был этот праздник для взрослых, по мнению рассказчика?
 11. Опишите манеру поведения Юлиана Мастаковича при разговоре с детьми и в беседе с их родителями.
 12. О чем, по-вашему, говорил Юлиан Мастакович с родителями девочки в конце вечера? Почему, начав говорить о свадьбе, рассказчик вспомнил о детском бале?
-
- 13*. Что такое, по-вашему, «неравный брак»? Прокомментируйте картину В.В. Пукирева «Неравный брак». Может ли она служить иллюстрацией к прочитанному рассказу? Найдите живописные полотна на тему «неравного брака», сравните их с картиной В.В. Пукирева.
- 14*. Прочитайте другие произведения Федора Михайловича Достоевского («Белые ночи», «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» и др.) и сравните их проблематику с темами, обозначенными в рассказе «Ёлка и свадьба».

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

1828-1910

Портрет Л.Н. Толстого,
худ. И.Н. Крамской (1873)

Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой был четвертым ребенком в большой дворянской семье. Детские воспоминания всегда оставались для Толстого самыми радостными: семейные предания, первые впечатления от жизни дворянской усадьбы послужили богатым материалом для его произведений, отразились в автобиографической повести «Детство».

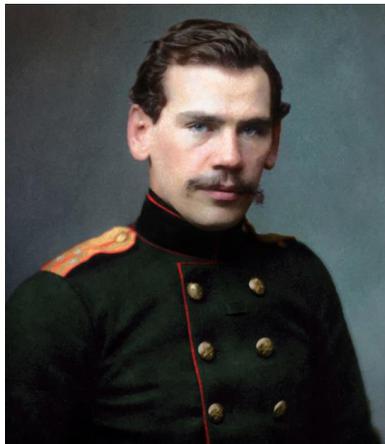
Когда Толстому было 13 лет, семья переехала в Казань.

В 1844 году Толстой поступил в Казанский университет на отделение восточных языков философского факультета, затем перевелся на юридический факультет, где проучился неполных два года: занятия не вызывали у него интереса, и он проводил время в светских развлечениях.

Весной 1847 года, покинув университет, Толстой уехал в свое имение Ясная Поляна с твердым намерением заняться самообразованием, написать диссертацию и «достигнуть высшей степени совершенства в музыке и живописи».

Образ его жизни в этот период часто менялся: Москва, Петербург, напряженная учеба чередовалась с кутежами, картами, поездками к цыганам. Однако именно эти годы окрашены напряженным самоанализом и борьбой с собой, что отражено в дневнике, который Толстой вел в течение всей жизни. Тогда же у него возникло серьезное желание писать и появились первые незавершенные художественные наброски.

В 1851 году старший брат Л. Толстого Николай, офицер действующей армии, уговорил Толстого ехать вместе на Кавказ. Почти три года Толстой прожил на берегу Терека, участвуя в военных действиях. Кавказские впечатления дали материал для повести «Кзаки», а также для поздней повести «Хаджи-Мурат». Там же Толстой написал повесть «Детство» и отправил ее в журнал «Современник», не раскрыв своего имени.

Л.Н. Толстой (1857), фото С. Левицкого

Литературный дебют сразу принес Толстому настоящее признание.

В ноябре 1855 года Толстой приехал в Петербург и сразу вошел в кружок литературного журнала «Современник» (Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, А.Н. Островский, И.А. Гончаров и др.), где его встретили как «великую надежду русской литературы».

В 1859 году Толстой открыл в деревне школу для крестьянских детей, помог устроить более 20 школ в окрестностях Ясной Поляны. Собственные идеи Толстой изложил в специальных статьях, доказывая, что основой обучения должна быть «свобода учащегося» и отказ от насилия в преподавании.

В сентябре 1862 года Толстой женился на восемнадцатилетней дочери врача Софье Андреевне Берс и сразу после венчания увез жену из Москвы в Ясную Поляну, где полностью отдался семейной жизни и хозяйственным заботам. Однако уже с осени 1863 года он был захвачен новым литературным замыслом, будущим романом «Война и мир». Толстой читал воспоминания и переписку людей той эпохи, работал в архивах, ездил на Бородинское поле, продвигаясь в работе медленно, через множество редакций (в копировании рукописей ему помогала жена), и лишь в начале 1865 года напечатал в «Русском вестнике» первую часть «Войны и мира». Роман был

завершен в 1869 году и читался в захлеб, вызвал множество откликов, поразив сочетанием широкого эпического полотна с тонким психологическим анализом, с живой картиной частной жизни, органично вписанной в историю. Сам Толстой характеризовал свой замысел как попытку «писать историю народа».

В 1870-е годы Толстой работал над романом «Анна Каренина» о жизни современного ему общества, построив композицию на противопоставлении двух сюжетных линий: семейная драма Анны Карениной рисуется по контрасту с жизнью и домашней идиллией молодого помещика Константина Левина (чья фамилия связана с именем автора), близкого самому писателю и по образу жизни, и по убеждениям, и по психологическому рисунку личности.

Анна Каренина – один из обаятельнейших женских образов русской литературы. Она обладает ясным умом, чистым и добрым сердцем. Анну совсем еще юной отдали замуж за Каренина, преуспевающего чиновника. Страстно полюбив Вронского, она попыталась вырваться на волю из фальшивого, бездушного мира, но не сумела. Обманывать мужа, как делали женщины ее круга, никем за это не осуждаемые, она не могла. Развестись с ним тоже было невозможно: это означало отказаться от сына. Сережу, горячо любящего мать, Каренин не отдает ей. Вокруг Анны вырастает стена отчуждения.

Толстой не оправдывает свою героиню, но он защищает ее от суда светской морали. «Мне отмщение, и аз (т.е. я) воздам» – этот евангельский текст Толстой взял эпитафией к роману. Не вам судить и карать ее, а только Богу, – таково одно из возможных прочтений этого выражения. Так решает писатель одну из центральных нравственных проблем, поставленных в романе.

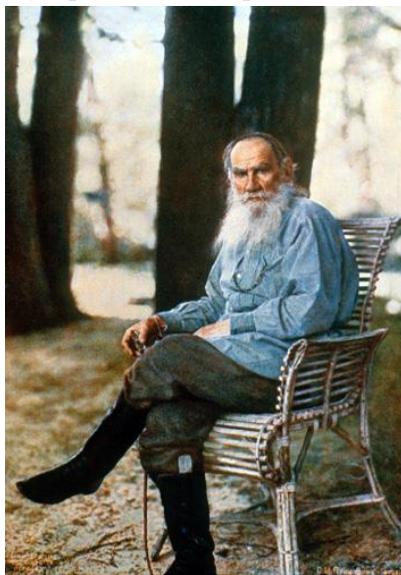
В произведениях 1880-х годов («Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната», «Отец Сергей», «Живой труп», «После бала», роман «Воскресение») Толстой ставит вопросы смысла жизни и веры, подвергает критике все государственные институты.

В рамках нового миропонимания и представлений о христианстве Толстой выступал против христианской догматики и

критиковал сближение церкви с государством, что привело его к полному разобщению с православной церковью. В 1901 году последовала реакция Синода¹: всемирно признанный писатель был официально отлучен от церкви, что вызвало громадный общественный резонанс.

Годы перелома круто изменили личную биографию писателя, обернувшись разрывом с социальной средой и приведя к семейному разладу (провозглашенный Толстым отказ от владения частной собственностью вызывал резкое недовольство членов семьи, прежде всего – жены).

Поздней осенью 1910 года, ночью, втайне от семьи, 82-летний Толстой, сопровождаемый лишь личным врачом Д.П. Маковицким, покинул Ясную Поляну. Дорога оказалась для него непосильной: в пути Толстой заболел и вынужден был сойти с поезда. В доме начальника станции он провел последние семь дней своей жизни. За сообщениями о здоровье Толстого, который к этому времени приобрел уже мировую известность не только как писатель, но и как религиозный мыслитель, следила вся Россия. Событием общероссийского масштаба стали похороны Толстого в Ясной Поляне.

Л.Н. Толстой (1908),
фото С.М. Прокудина-Горского

¹ Синод – высший орган управления Русской православной церкви

«АННА КАРЕНИНА»

отрывок

«Анна Каренина», илл. К.Рудакова (1941)

Княжне Кити Щербацкой было восемнадцать лет. Успехи ее в светской жизни были больше, чем обеих ее старших сестер, и больше, чем даже ожидала княгиня. Мало того, что юноши, танцующие на московских балах, почти все были влюблены в Кити, уже в первую зиму представились две серьезные партии¹: Левин и, тотчас же после его отъезда, граф Вронский.

Появление Левина в начале зимы, его частые посещения и явная любовь к Кити были поводом к первым серьезным разговорам между родителями Кити о ее будущем и к спорам между князем и княгиней. Князь был на стороне Левина, говорил, что

он ничего не желает лучшего для Кити. Княгиня же говорила, что Кити слишком молода, что Левин ничем не показывает, что имеет серьезные намерения, что Кити не имеет к нему привязанности, и другие доводы; но не говорила главного, того, что она ждет лучшей партии для дочери, и что Левин несимпатичен ей, и что она не понимает его. Когда же Левин внезапно уехал, княгиня была рада и с торжеством говорила мужу: «Видишь, я была права». Когда же

¹ **партия** – тот, кто подходит для вступления в брак

появился Вронский, она еще более была рада, утвердившись в своем мнении, что Кити должна сделать не просто хорошую, но блестящую партию.

Для матери не могло быть никакого сравнения между Вронским и Левиным. Матери не нравились в Левине и его странные и резкие суждения, и его неловкость в свете, основанная, как она полагала, на гордости, и его, по ее понятиям, дикая какая-то жизнь в деревне; не нравилось очень и то, что он, влюбленный в ее дочь, ездил в дом полтора месяца, чего-то как будто ждал, высматривал, как будто боялся, не велика ли будет честь, если он сделает предложение, и не понимал, что, ездя в дом, где девушка невеста, надо было объясниться. И вдруг, не объяснившись, уехал. «Хорошо, что он так непривлекателен, что Кити не влюбилась в него», – думала мать.

Вронский удовлетворял всем желаниям матери. Очень богат, умен, знатен, на пути блестящей военно-придворной карьеры и обворожительный человек. Нельзя было ничего лучшего желать.

Вронский на балах явно ухаживал за Кити, танцевал с нею и ездил в дом, стало быть, нельзя было сомневаться в серьезности его намерений. Но, несмотря на то, мать всю эту зиму находилась в страшном беспокойстве и волнении.

Сама княгиня вышла замуж тридцать лет тому назад, по сватовству¹ тетки. Жених, о котором было все уже вперед известно, приехал, увидел невесту, и его увидали; сваха тетка узнала и передала взаимно произведенное впечатление; впечатление было хорошее; потом в назначенный день было сделано родителям и принято ожидаемое предложение. Все произошло очень легко и просто. По крайней мере, так казалось княгине. Но на своих дочерях она испытала, какое это нелегкое и непростое дело – выдавать дочерей замуж. Сколько страхов было пережито, сколько мыслей передумано, сколько денег потрачено, сколько столкновений с мужем при выдаче замуж старших двух, Дарьи и Натальи! Теперь, с младшей, переживались те же страхи, те же сомнения и еще бóльшие, чем из-за старших, ссоры с мужем. Старый князь, как и все

¹ **сватать** – предлагать кого-либо в мужа или жены, обычно этим занимались свахи

отцы, был чрезмерно внимателен к дочерям, и особенно к Кити, которая была его любимица. Княгиня привыкла к этому еще с первыми дочерьми, но теперь она чувствовала, что придирчивость князя имеет больше оснований. Она видела, что в последнее время многое изменилось в обществе, что обязанности матери стали еще труднее. Она видела, что сверстницы¹ Кити составляли какие-то общества, отправлялись на какие-то курсы, свободно обращались с мужчинами, ездили одни по улицам, многие не приседали² и, главное, были все твердо уверены, что выбрать себе мужа есть их дело, а не родителей. «Нынче уж так не выдают замуж, как прежде», – думали и говорили все эти молодые девушки и все даже старые люди. Но как же нынче выдают замуж, княгиня ни от кого не могла узнать. Французский обычай – родителям решать судьбу детей – был не принят, осуждался. Английский обычай – совершенной свободы девушки – был тоже не принят и невозможен в русском обществе. Русский обычай сватовства считался чем-то безобразным, над ним смеялись все и сама княгиня. Но как надо выходить и выдавать замуж, никто не знал. Все, с кем княгине случалось беседовать об этом, говорили ей одно: «В наше время уж пора оставить эту старину. Ведь молодым людям в брак вступать, а не родителям; стало быть, и надо оставить молодых людей устраиваться, как они знают». Но хорошо было говорить так тем, у кого не было дочерей; а княгиня понимала, что дочь могла влюбиться, и влюбиться в того, кто не захочет жениться, или в того, кто не годится в мужья. И сколько бы ни внушали княгине, что в наше время молодые люди сами должны устраивать свою судьбу, она не могла верить этому, как не могла бы верить тому, что для пятилетних детей самыми лучшими игрушками должны быть заряженные пистолеты. И потому княгиня беспокоилась с Кити больше, чем со старшими дочерьми.

Теперь она боялась, чтобы Вронский не ограничился одним ухаживанием за ее дочерью. Она видела, что дочь уже влюблена в

¹ сверстница, сверстник – человек того же возраста, ровесник

² присесть – приветственно кланяться; согнув колени, опуститься в полупоклоне

него, но утешала себя тем, что он честный человек и потому не сделает этого. Но вместе с тем она знала, как с такой свободой обращения легко вскружить голову девушки и как вообще мужчины легко смотрят на эту вину. На прошлой неделе Кити рассказала матери свой разговор во время танца с Вронским. Разговор этот отчасти успокоил княгиню; но совершенно спокойною она не могла быть. Вронский сказал Кити, что они, оба брата, так привыкли во всем подчиняться своей матери, что никогда не решатся предпринять что-нибудь важное, не посоветовавшись с нею. «И теперь я жду, как особенного счастья, приезда матушки из Петербурга», – сказал он.

Кити рассказала это, не придавая никакого значения этим словам. Но мать поняла это иначе. Она знала, что старуху ждут со дня на день, знала, что старуха будет рада выбору сына, и ей странно было, что он, боясь оскорбить мать, не делает предложения: однако ей так хотелось и самого брака и, более всего, успокоения от своих тревог, что она верила этому. Как ни горько было теперь княгине видеть несчастье старшей дочери Долли, собиравшейся оставить мужа, волнение о решавшейся судьбе меньшей дочери поглощало все ее чувства. А теперь, с появлением Левина, ей прибавилось еще новое беспокойство. Она боялась, чтобы дочь, имевшая, как ей казалось, одно время чувство к Левину, из излишней честности не отказала бы Вронскому и вообще чтобы приезд Левина не запутал, не задержал дела, столь близкого к окончанию.

– Что он, давно ли приехал? – сказала княгиня про Левина, когда они вернулись домой.

– Только, маман.

– Я одно хочу сказать... – начала княгиня, и по серьезно-оживленному лицу ее Кити угадала, о чем будет речь.

– Мама, – сказала она, вспыхнув и быстро поворачиваясь к ней, – пожалуйста, пожалуйста, не говорите ничего про это. Я знаю, я все знаю.

Она желала того же, чего желала и мать, но мотивы желания матери оскорбляли ее.

– Я только хочу сказать, что, подав надежду одному...

– Мама, голубчик, ради бога, не говорите. Так страшно говорить про это.

– Не буду, не буду, – сказала мать, увидав слезы на глазах дочери, – но одно, моя душа: ты мне обещала, что у тебя не будет от меня тайны. Не будет?

– Никогда, мама, никакой, – отвечала Кити, покраснев и взглянув прямо в лицо матери. – Но мне нечего говорить теперь. Я... я... если бы хотела, я не знаю, что сказать и как... я не знаю...

«Нет, неправду не может она сказать с этими глазами», – подумала мать, улыбаясь на ее волнение и счастье. Княгиня улыбалась тому, как огромно и значительно кажется ей, бедняжке, то, что происходит теперь в ее душе.

Кити испытывала после обеда до начала вечера чувство, подобное тому, какое испытывает юноша перед битвою. Сердце ее билось сильно, и мысли не могли ни на чем остановиться.

Она чувствовала, что нынешний вечер, когда они оба в первый раз встречаются, должен быть решительный в ее судьбе. И она беспрестанно представляла себе их, то каждого по отдельности, то вместе обоих. Когда она думала о прошедшем, она с удовольствием, с нежностью останавливалась на воспоминаниях своих отношений к Левину. Воспоминания детства и воспоминания о дружбе Левина с ее умершим братом придавали особенную поэтическую прелесть ее отношениям с ним. Его любовь к ней, в которой она была уверена, была лестна¹ и радостна ей. И ей легко было вспоминать о Левине. К воспоминаниям о Вронском, напротив, примешивалось что-то неловкое, хотя он был в высшей степени светский и спокойный человек; как будто фальшь какая-то была, – не в нем, он был очень прост и мил, – но в ней самой, тогда как с Левиным она чувствовала себя совершенно простою и ясною. Но зато, как только она думала о будущем с Вронским, пред ней вставала перспектива блестяще-счастливая; с Левиным же будущность представлялась туманною.

¹ **лестный** – похвальный, одобрительный, приятный

Поднявшись наверх одеться для вечера и взглянув в зеркало, она с радостью заметила, что выглядит очень хорошо, и чувствовала в себе силы для предстоящего вечера.

В половине восьмого, только что она сошла в гостиную, лакей доложил: «Константин Дмитрич Левин». Княгиня была еще в своей комнате, и князь не выходил. «Так и есть», – подумала Кити, и вся кровь прилила ей к сердцу. Она ужаснулась своей бледности, взглянув в зеркало.

Теперь она верно знала, что он затем и приехал раньше, чтобы застать ее одну и сделать предложение. И тут только в первый раз все дело представилось ей совсем с другой, новой стороны. Тут только она поняла, что вопрос касается не ее одной, – с кем она будет счастлива и кого она любит, – но что сию минуту она должна оскорбить человека, которого она любит. И оскорбить жестоко... За что? За то, что он, милый, любит ее, влюблен в нее. Но, делать нечего, так нужно, так должно.

«Боже мой, неужели это я должна сама сказать ему? – подумала она. – Ну что я скажу ему? Неужели я скажу ему, что я его не люблю? Это будет неправда. Что ж я скажу ему? Скажу, что люблю другого? Нет, это невозможно. Я уйду, уйду».

Она уже подходила к дверям, когда услышала его шаги. «Нет! нечестно. Чего мне бояться? Я ничего дурного не сделала. Что будет, то будет! Скажу правду. Да с ним не может быть неловко. Вон он», – сказала она себе, увидав всю его сильную и робкую фигуру с блестящими, устремленными на нее глазами. Она прямо взглянула ему в лицо, как бы умоляя его о пощаде, и подала руку.

– Я не вовремя, кажется, слишком рано, – сказал он, оглянув пустую гостиную. Когда он увидел, что его ожидания сбылись, что ничто не мешает ему высказаться, лицо его сделалось мрачно.

– О, нет, – сказала Кити и села к столу.

– Но я только того и хотел, чтобы застать вас одну, – начал он, не садясь и не глядя на нее, чтобы не потерять смелости.

– Мама сейчас выйдет. Она вчера очень устала. Вчера...

Она говорила, сама не зная, что говорят ее губы, и не спуская с него умоляющего и ласкающего взгляда. Он взглянул на нее; она покраснела и замолчала.

– Я сказал вам, что не знаю, надолго ли я приехал... что это от вас зависит...

Она все ниже и ниже склоняла голову, не зная сама, что будет отвечать на приближавшееся.

– Что это от вас зависит, – повторил он. – Я хотел сказать... я хотел сказать... Я за этим приехал... что... быть моею женой! – проговорил он, не зная сам, что говорил; но, почувствовав, что самое страшное сказано, остановился и посмотрел на нее.

Она тяжело дышала, не глядя на него. Она испытывала восторг. Душа ее была переполнена счастьем. Она никак не ожидала, что высказанная любовь его произведет на нее такое сильное впечатление. Но это продолжалось только одно мгновение. Она вспомнила Вронского. Она подняла на Левина свои светлые правдивые глаза и, увидав его отчаянное лицо, поспешно ответила:

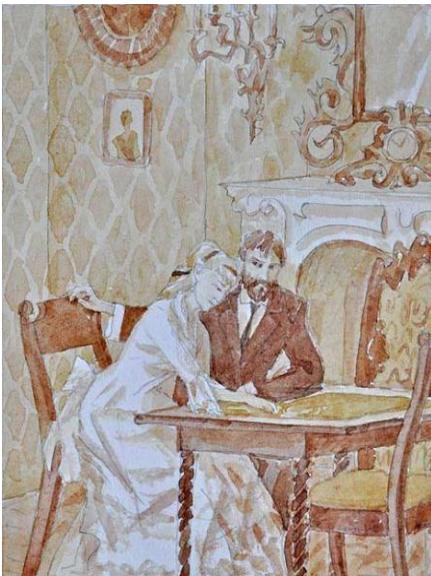
– Этого не может быть... простите меня...

Как за минуту тому назад она была близка ему, как важна для его жизни! И как теперь она стала чужда и далека ему!

– Это не могло быть иначе, – сказал он, не глядя на нее.

Он поклонился и хотел уйти.

Но в это самое время вышла княгиня. На лице ее изобразился ужас, когда она увидела их одних и их расстроенные лица. Левин

«Левин и Китти», илл. А. Жлабовича (1989)

поклонился ей и ничего не сказал. Кити молчала, не поднимая глаз. «Слава богу, отказала», – подумала мать, и лицо ее просияло обычной улыбкой, с которой она встречала по четвергам гостей. Она села и начала расспрашивать Левина о его жизни в деревне. Он сел опять, ожидая приезда гостей, чтоб уехать незаметно.

Через пять минут вошла подруга Кити, прошлую зиму вышедшая замуж, графиня Нордстон.

Это была сухая, желтая, с черными блестящими глазами, болезненная, нервная женщина. Она любила Кити, и любовь ее к ней, как и всегда любовь замужних к девушкам, выражалась в желании выдать Кити замуж по своему идеалу счастья, и потому желала выдать ее за Вронского. Левин, которого она в начале зимы часто у них встречала, был всегда неприятен ей. Между Нордстон и Левиным установилось то нередко встречающееся в свете отношение, что два человека, оставаясь по внешности в дружелюбных отношениях, презирают друг друга до такой степени, что не могут даже серьезно обращаться друг с другом и не могут даже быть оскорблены один другим.

Графиня Нордстон тотчас же накинулась на Левина.

– А! Константин Дмитрич! Опять приехали в наш развратный Вавилон, – сказала она, подавая ему крошечную желтую руку и вспоминая его слова, сказанные как-то в начале зимы, что Москва есть Вавилон. – Что, Вавилон исправился или вы испортились? – прибавила она, с усмешкой оглядываясь на Кити.

– Мне очень лестно, графиня, что вы так помните мои слова, – отвечал Левин, успевший оправиться и сейчас же по привычке входя в свое шуточно-враждебное отношение к графине Нордстон. – Верно, они на вас очень сильно действуют.

– Ах, как же! Я все записываю. Ну что, Кити, ты опять каталась на коньках?..

И она стала говорить с Кити. Как ни неловко было Левину уйти теперь, ему все-таки легче было сделать эту неловкость, чем остаться весь вечер и видеть Кити, которая изредка взглядывала на него и избегала его взгляда.

В это время еще дама вошла в комнату, Левин встал и оглянулся на входившего вслед за дамой военного.

«Это должен быть Вронский», – подумал Левин и, чтоб убедиться в этом, взглянул на Кити. Она уже успела взглянуть на Вронского и оглянулась на Левина. И по одному этому взгляду невольно просиявших глаз ее Левин понял, что она любила этого человека, понял так же верно, как если б она сказала ему это словами. Но что же это за человек?

Теперь – хорошо ли это, дурно ли, – Левин не мог не остаться; ему нужно было узнать, что за человек был тот, кого она любила.

Есть люди, которые, встречая своего счастливого в чем бы то ни было соперника, готовы сейчас же отвернуться от всего хорошего, что есть в нем, и видеть в нем одно дурное; есть люди, которые, напротив, более всего желают найти в этом счастливом сопернике те качества, которыми он победил их, и ищут в нем с болью в сердце только хорошее. Левин принадлежал к таким людям. Но ему нетрудно было отыскать хорошее и привлекательное во Вронском. Оно сразу бросилось ему в глаза. Вронский был невысокий, плотно сложенный брюнет, с добродушно-красивым, чрезвычайно спокойным и твердым лицом. В его лице и фигуре, от коротко обстриженных черных волос и свежевыбритого подбородка до широкого с иголочки нового мундира, все было просто и вместе изящно. Дав дорогу входившей даме, Вронский подошел к княгине и потом к Кити.

В то время как он подходил к ней, красивые глаза его особенно нежно заблестели, и с чуть заметною счастливою и скромно-торжествующей улыбкой (так показалось Левину), почтительно и осторожно наклонясь над нею, он протянул ей свою небольшую, но широкую руку.

Со всеми поздоровавшись и сказав несколько слов, он сел, ни разу не взглянув на не спускавшего с него глаз Левина.

– Позвольте вас познакомить, – сказала княгиня, указывая на Левина. – Константин Дмитрич Левин. Граф Алексей Кириллович Вронский.

Вронский встал и, дружелюбно глядя в глаза Левину, пожал ему руку.

– Я этой зимой должен был, кажется, обедать с вами, – сказал он, улыбаясь своею простою и открытою улыбкой, – но вы неожиданно уехали в деревню.

– Константин Дмитрич презирает и ненавидит город и нас, горожан, – сказала графиня Нордстон.

– Должно быть, мои слова на вас сильно действуют, что вы их так помните, – сказал Левин и, вспомнив, что он уже сказал это прежде, покраснел.

Вронский взглянул на Левина и графиню Нордстон и улыбнулся.

– А вы всегда в деревне? – спросил он. – Я думаю, зимой скучно?

– Не скучно, если есть занятия, да и с самим собой не скучно, – резко отвечал Левин.

– Я люблю деревню, – сказал Вронский, замечая и делая вид, что не замечает тона Левина.

– Но надеюсь, граф, что вы бы не согласились жить всегда в деревне, – сказала графиня Нордстон.

– Не знаю, я не пробовал подолгу. Я испытал странное чувство, – продолжал он. – Я нигде так не скучал по деревне, русской деревне, с лаптями и мужиками, как прожив с матушкой зиму в Ницце. Ницца сама по себе скучна, вы знаете. Да и Неаполь, Сорренто хороши только на короткое время. И именно там особенно живо вспоминается Россия, и именно деревня. Они точно как...

Он говорил, обращаясь и к Кити и к Левину и переводя с одного на другого свой спокойный и дружелюбный взгляд, – говорил, очевидно, что приходило в голову.

Левин хотел и не мог вступить в общий разговор; ежеминутно говоря себе: «теперь уйти», он не уходил, чего-то дожидаясь.

Разговор зашел о вертящихся столах и духах, и графиня Нордстон, верившая в спиритизм¹, стала рассказывать чудеса, которые она видела.

– Ах, графиня, непременно свезите, ради бога, свезите меня к ним! Я никогда ничего не видал необыкновенного, хотя везде отыскиваю, – улыбаясь, сказал Вронский.

– Хорошо, в будущую субботу, – отвечала графиня Нордстон. – Но вы, Константин Дмитрич, верите? – спросила она Левина.

– Мое мнение только то, – отвечал Левин, – что эти вертящиеся столы доказывают, что так называемое образованное общество не выше мужиков. Они верят в глаз, и в приметы, а мы...

– Что ж, вы не верите?

– Не могу верить, графиня.

– Но если я сама видела?

– И бабы рассказывают, как они сами видели домовых².

– Так вы думаете, что я говорю неправду?

И она невесело засмеялась.

– Да нет, Маша, Константин Дмитрич говорит, что он не может верить, – сказала Кити, краснея за Левина, и Левин понял это и, еще более раздражившись, хотел отвечать, но Вронский со своею открытою веселою улыбкой тотчас же пришел на помощь разговору, угрожавшему сделаться неприятным.

– Вы совсем не допускаете возможности? – спросил он. – Почему же мы допускаем существование электричества, которого мы не знаем; почему не может быть новая сила, еще нам неизвестная, которая...

– Когда найдено было электричество, – быстро перебил Левин, – то было только открыто явление, и неизвестно было, откуда оно происходит и что оно производит, и века прошли прежде, чем подумали о приложении его. Спириты же, напротив, начали с того,

¹ **спиритизм** – вера в возможность непосредственного общения с душами умерших при помощи стуков, условной азбуки, верчения столов и т.д.

² **домовой** – в славянской мифологии дух дома

что столики им пишут и духи к ним приходят, а потом уже стали говорить, что это есть сила неизвестная.

Вронский внимательно слушал Левина, как он всегда слушал, очевидно, интересуясь его словами.

– Да, но спириты говорят: теперь мы не знаем, что это за сила, но сила есть, и вот при каких условиях она действует. А ученые пускай разбирают, в чем состоит эта сила. Нет, я не вижу, почему это не может быть новая сила, если она...

– А потому, – опять перебил Левин, – что при электричестве каждый раз, как вы потрете смолу о шерсть, обнаруживается известное явление, а здесь не каждый раз, стало быть, это не природное явление.

Вероятно, чувствуя, что разговор принимает слишком серьезный для гостиной характер, Вронский не возражал, а, стараясь переменить предмет разговора, весело улыбнулся и повернулся к дамам.

– Давайте сейчас попробуем, графиня, – начал он; но Левин хотел досказать то, что он думал.

– Я думаю, – продолжал он, – что эта попытка спиритов объяснять свои чудеса какою-то новою силой – самая неудачная. Они прямо говорят о силе духовной и хотят ее подвергать материальному опыту.

Все ждали, когда он кончит, и он чувствовал это.

– А я думаю, что вы будете отличный медиум, – сказала графиня Нордстон, – в вас есть что-то восторженное.

Левин открыл рот, хотел сказать что-то, покраснел и ничего не сказал.

– Давайте сейчас, княжна, испытаем столы, пожалуйста, – сказал Вронский. – Княгиня, вы позволите?

И Вронский встал, отыскивая глазами столик.

Кити встала за столиком и, проходя мимо, встретила глазами с Левиным. Ей всею душой было жалко его, тем более что она жалела его в несчастии, причиною которого была сама. «Если можно меня простить, то простите, – сказал ее взгляд, – я так счастлива».

«Всех ненавижу, и вас, и себя», – отвечал его взгляд, и он взялся за шляпу.

Левин незаметно вышел, и последнее впечатление, вынесенное им с этого вечера, было улыбающееся, счастливое лицо Кити, обращенное к Вронскому.

Вронский никогда не знал семейной жизни. Мать его была в молодости блестящая светская женщина, имевшая во время замужества, и в особенности после, много известных всему свету связей с мужчинами. Отца своего он почти не помнил и был воспитан в Пажеском корпусе¹.

Выйдя очень молодым блестящим офицером из школы, он сразу попал в круг богатых петербургских военных. Хотя он и ездил изредка в петербургский свет, все любовные интересы его были вне света.

В Москве в первый раз он испытал, после роскошной и грубой петербургской жизни, прелесть сближения со светскою, милою и невинною девушкой, которая полюбила его. Ему и в голову не приходило, чтобы могло быть что-нибудь дурное в его отношениях к Кити. На балах он танцевал преимущественно с нею; он ездил к ним в дом. Он говорил с нею то, что обыкновенно говорят в свете, всякий вздор, но вздор, которому он невольно придавал особенный для нее смысл. Несмотря на то, что он ничего не сказал ей такого, чего не мог бы сказать при всех, он чувствовал, что она все более и более становилась в зависимость от него, и чем больше он это чувствовал, тем ему было приятнее и его чувство к ней становилось нежнее. Он не знал, что его образ действий относительно Кити имеет определенное название, что это есть заманиванье барышень без намерения жениться и что это заманиванье есть один из дурных поступков, обычных для таких блестящих молодых людей, как он.

¹ Пажеский корпус – элитное военно-учебное заведение в России

Ему казалось, что он первый открыл это удовольствие, и наслаждался своим открытием.

Если б он мог слышать, что говорили ее родители в этот вечер, если б он мог перенестись на точку зрения семьи и узнать, что Кити будет несчастна, если он не женится на ней, он бы очень удивился и не поверил бы этому. Он не мог поверить тому, что то, что доставляло такое большое и хорошее удовольствие ему, а главное, ей, могло быть дурно. Еще меньше он мог бы поверить тому, что он должен жениться.

Женитьба для него никогда не представлялась возможностью. Он не только не любил семейной жизни, но в семье, и, в особенности, в муже, по тому общему взгляду холостого¹ мира, в котором он жил, он представлял себе нечто чуждое, враждебное, а всего более – смешное. Но хотя Вронский и не подозревал того, что говорили родители, он, выйдя в этот вечер от Щербацких, почувствовал, что та духовная тайная связь, которая существовала между ним и Кити, утвердилась нынешний вечер так сильно, что надо предпринять что-то. Но что можно и что должно было предпринять, он не мог придумать.

Он прошел прямо в свой номер у Дюссо, велел подать себе ужинать и потом, раздевшись, только успел положить голову на подушку, заснул крепким и спокойным, как всегда, сном.

На другой день, в 11 часов утра, Вронский выехал на станцию Петербургской железной дороги встречать мать, и первое лицо,

Илл. А. Баррет

¹ холостой – неженатый

попавшееся ему на ступеньках большой лестницы, был Облонский, ожидавший с этим же поездом сестру.

– А! Ваше сиятельство! – крикнул Облонский. – Ты за кем?

– Я за матушкой, – улыбаясь, как и все, кто встречался с Облонским, отвечал Вронский, пожимая ему руку, и вместе с ним поднялся на лестницу. – Она сегодня должна быть из Петербурга.

– Познакомился ты вчера с моим приятелем Левиным? – спросил Степан Аркадьич.

– Как же. Но он что-то скоро уехал.

– Он славный малый, – продолжал Облонский. – Не правда ли?

– Я не знаю, – отвечал Вронский, – отчего это во всех москвичах, разумеется исключая тех, с кем говорю, – шутиливо вставил он, – есть что-то резкое. Что-то они всё упорствуют, сердятся, как будто всё хотят дать почувствовать что-то...

– Нет, – сказал Степан Аркадьич, которому очень хотелось рассказать Вронскому о намерениях Левина относительно Кити. – Нет, ты неверно оценил моего Левина. Он очень нервный человек и бывает неприятен, правда, но зато иногда он бывает очень мил. Это такая честная, правдивая натура, и сердце золотое. Но вчера были особенные причины, – с значительной улыбкой продолжал Степан Аркадьич. – Да, была причина, почему он мог быть или особенно счастлив, или особенно несчастлив.

Вронский остановился и прямо спросил:

– То есть что же? Или он вчера сделал предложение твоей свояченице¹?..

– Может быть, – сказал Степан Аркадьич. – Что-то мне показалось такое вчера. Да если он рано уехал и был еще не в духе, то это так... Он так давно влюблен, и мне его очень жаль.

– Вот как!.. Я думаю, впрочем, что она может рассчитывать на лучшую партию, – сказал Вронский и, выпрямив грудь, опять принялся ходить. – Впрочем, я его не знаю, – прибавил он. – Да, это тяжелое положение! Однако вот и поезд.

¹ свояченица – сестра жены

Вронский пошел в вагон и при входе в отделение остановился, чтобы дать дорогу выходящей даме. С привычным тактом светского человека, по одному взгляду на внешность этой дамы, Вронский определил ее принадлежность к высшему свету. Он

Илл. А.Н.Самохвалова (1952)

извинился и пошел было в вагон, но почувствовал необходимость еще раз взглянуть на нее – не потому, что она была очень красива, не по тому изяществу и скромной грации, которые видны были во всей ее фигуре, но потому, что в выражении милостивого лица, когда она прошла мимо его, было что-то особенно ласковое и нежное. Когда он оглянулся, она тоже повернула голову. Блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц, серые глаза дружелюбно, внимательно остановились на его лице, как будто она признавала его, и тотчас же перенеслись на подходящую толпу, как бы ища кого-то. В этом коротком взгляде

Вронский успел заметить сдержанную оживленность, которая играла на ее лице и появлялась то в блестящих глазах, то в чуть заметной улыбке, изгибавшей ее румяные губы. Как будто избыток чего-то так переполнял ее существо, что помимо ее воли выражался то в блеске взгляда, то в улыбке. Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против ее воли в чуть заметной улыбке.

Вронский вошел в вагон. Мать его, сухая старушка с черными глазами, вглядывалась в сына и слегка улыбалась тонкими губами. Поднявшись с диванчика, она подала маленькую сухую руку сыну и, подняв его голову от руки, поцеловала его в лицо.

– Получил телеграмму? Здоров? Слава богу.

– Хорошо доехали? – сказал сын, садясь подле нее и невольно прислушиваясь к женскому голосу из-за двери. Он знал, что это был голос той дамы, которая встретилась ему при входе.

– Посмотрите, не тут ли брат, и пошлите его ко мне, – сказала дама у самой двери и снова вошла в отделение.

– Что ж, нашли брата? – сказала Вронская, обращаясь к даме.

Вронский вспомнил теперь, что это была Каренина.

– Ваш брат здесь, – сказал он, вставая. – Извините меня, я не узнал вас, да и наше знакомство было так коротко, – сказал Вронский, кланяясь, – что вы, верно, не помните меня.

– О, нет, – сказала она, – я бы узнала вас, потому что мы с вашею матушкой, кажется, всю дорогу говорили только о вас, – сказала она, позволяя, наконец, просившемуся наружу оживлению выразиться в улыбке. – А брата моего все-таки нет.

– Позови же его, Алеша, – сказала старая графиня. Вронский вышел из вагона и крикнул:

– Облонский! Здесь!

Но Каренина не дождалась брата, а, увидав его, решительным легким шагом вышла из вагона. И, как только брат подошел к ней, она движением, поразившим Вронского своею решительностью и грацией, обхватила брата левой рукой за шею, быстро притянула к себе и крепко поцеловала. Вронский, не спуская глаз, смотрел на нее и, сам не зная чему, улыбался. Но, вспомнив, что мать ждала его, он опять вошел в вагон.

– Не правда ли, очень мила? – сказала графиня про Каренину. – Ее муж со мною посадил, и я очень рада была. Всю дорогу мы с ней проговорили.

Каренина опять вошла в вагон, чтобы проститься с графиней.

– Ну вот, вы, графиня, встретили сына, а я брата, – весело сказала она. – И все истории мои закончились; дальше нечего было бы рассказывать.

– Ну нет, милая, – сказала графиня, взяв ее за руку, – я бы с вами объехала вокруг света и не соскучилась бы. Вы одна из тех

милых женщин, с которыми и поговорить и помолчать приятно. А о сыне вашем, пожалуйста, не думайте: нельзя же никогда не разлучаться.

Каренина стояла неподвижно, держась чрезвычайно прямо, и глаза ее улыбались.

– У Анны Аркадьевны, – сказала графиня, объясняя сыну, – есть сыночек восьми лет, кажется, и она никогда с ним не разлучалась и все мучается, что оставила его.

– Да, мы все время с графиней говорили, я о своем, она о своем сыне, – сказала Каренина, и опять улыбка осветила ее лицо, улыбка ласковая, относившаяся к нему.

– Вероятно, это вам очень наскучило, – сказал он, сейчас, на лету, подхватывая этот мяч кокетства¹, который она бросила ему. Но она, видимо, не хотела продолжать разговора в этом тоне и обратилась к старой графине.

– Очень благодарю вас. Я и не видала, как провела вчерашний день. До свиданья, графиня.

– Прощайте, мой дружок, – отвечала графиня. – Дайте поцеловать ваше хорошенькое личико. Я просто, по-старушечьи, прямо говорю, что полюбила вас.

Как ни обычна была эта фраза, Каренина, видимо, от души поверила и порадовалась этому. Она покраснела, слегка нагнулась, подставила свое лицо губам графини, опять выпрямилась и с той же улыбкой подала руку Вронскому. Он пожал ее маленькую руку и, как чему-то особенному, обрадовался тому энергическому пожатию, с которым она крепко и смело тряхнула его руку. Она вышла

Илл. К. Рудакова

¹ **кокетство** – желание понравиться, привлечь к себе внимание, флирт

быстрою походкой, так странно легко носившей ее довольно полное тело.

– Очень мила, – сказала старушка.

То же самое думал ее сын. Он провожал ее глазами до тех пор, пока не скрылась ее грациозная фигура, и улыбка остановилась на его лице. В окно он видел, как она подошла к брату, положила ему руку на руку и что-то оживленно начала говорить ему, очевидно о чем-то не имеющем ничего общего с ним, с Вронским, и ему это показалось досадным.

– Пойдемте, теперь мало народа, – сказал Вронский.

Вронский взял под руку мать; но когда они уже выходили из вагона, вдруг несколько человек с испуганными лицами пробежали мимо. Пробежал и начальник станции в своей необыкновенного цвета фуражке. Очевидно, что-то случилось необыкновенное. Народ от поезда бежал назад.

– Что?.. Что?.. Где?.. Бросился!.. задавило!.. – слышалось между проходившими.

Степан Аркадьич с сестрой под руку, тоже с испуганными лицами, вернулись и остановились, избегая народ, у входа в вагон.

Дамы вошли в вагон, а Вронский со Степаном Аркадьичем пошли за народом узнавать подробности несчастья.

Сторож, был ли он пьян или слишком закутан от сильного мороза, не слышал отодвигаемого назад поезда, и его раздавило.

Еще прежде, чем вернулись Вронский и Облонский, дамы узнали эти подробности от служащего.

Облонский и Вронский оба видели обезображенный труп. Облонский, видимо, страдал. Он морщился и, казалось, готов был плакать.

– Ах, какой ужас! Ах, Анна, если бы ты видела! Ах, какой ужас! – приговаривал он.

Вронский молчал, и красивое лицо его было серьезно, но совершенно спокойно.

– Ах, если бы вы видели, графиня, – говорил Степан Аркадьич. – И жена его тут... Ужасно видеть ее... Она бросилась на тело. Говорят, он один кормил огромное семейство. Вот ужас!

– Нельзя ли что-нибудь сделать для нее? – взволнованным шепотом сказала Каренина.

Вронский взглянул на нее и тотчас же вышел из вагона.

– Я сейчас приду, татап, – прибавил он, оборачиваясь в дверях.

Когда он возвратился через несколько минут, Степан Аркадьич уже разговаривал с графиней о новой певице, а графиня нетерпеливо оглядывалась на дверь, ожидая сына.

– Теперь пойдете, – сказал Вронский, входя.

Они вместе вышли. Вронский шел впереди с матерью. Сзади шла Каренина с братом. У выхода к Вронскому подошел догнавший его начальник станции.

– Вы передали моему помощнику двести рублей. Потрудитесь обозначить, кому вы назначаете их?

– Вдове, – сказал Вронский, пожимая плечами. – Я не понимаю, о чем спрашивать.

– Вы дали? – крикнул сзади Облонский и, прижав руку сестры, прибавил: – Очень мило, очень мило! Не правда ли, славный малый? Мое почтение, графиня.

Когда они вышли, карета Вронских уже отъехала. Выходившие люди все еще переговаривались о том, что случилось.

– Вот смерть-то ужасная! – сказал какой-то господин, проходя мимо. – Говорят, на два куска.

– Я думаю, напротив, самая легкая, мгновенная, – заметил другой.

– Как это не примут мер, – говорил третий,

Каренина села в карету, и Степан Аркадьич с удивлением увидал, что губы ее дрожат и она с трудом удерживает слезы.

– Что с тобой, Анна? – спросил он, когда они отъехали.

– Дурное предзнаменование¹, – сказала она.

¹ **предзнаменование** – знак, примета, предсказывающие наступление чего-либо

– Какие пустяки! – сказал Степан Аркадьич. – Ты приехала, это главное. Ты не можешь представить себе, как я надеюсь на тебя.

– Ты давно знаешь Вронского? – спросила она.

– Да. Ты знаешь, мы надеемся, что он женится на Кити.

– Да? – тихо сказала Анна. – Ну, теперь давай говорить о тебе, – прибавила она, встряхивая головой, как будто хотела физически отогнать что-то лишнее и мешавшее ей. – Давай говорить о твоих делах. Я получила твое письмо и вот приехала.

– Да, вся надежда на тебя, – сказал Степан Аркадьич.

– Ну, расскажи мне все.

И Степан Аркадьич стал рассказывать.

«Петербург. Аничков мост»,
илл. О.Г. Верейского (1979-1981)

1873-1877 гг.

партия – *հնգծ*. ամուսնություն, сделать хорошую партию – հաջող ամուսնանալ

сватать – հարսնախոսել, խնամախոսել

сверстница, сверстник – հասակակից, տարեկից

приседать – ծնկածալ բարևել

лестный – գովասանական, բարձր, դրական

спиритизм – ոգեհնայություն, ոգեհարցություն

домовой – *տիպիլ*. տնապայ, տան ոգի

холостой – չամուսնացած, ամուրի տղամարդ

свояченица – քենի

кокетство от кокетничать – կոտրատվել, պչրել, հոպտել

предзнаменование – նախանշան

Вопросы и задания

1. Что вы узнали о Льве Николаевиче Толстом? С какими его произведениями вы знакомы?
2. Какие темы затронуты в романе «Анна Каренина»?
3. Какие успехи в светской жизни были у Кити Щербацкой?
4. Кого из двух женихов Кити предпочитала ее мать? Почему?
5. Кому из возможных женихов симпатизировал отец?
6. Как выходила замуж мать Кити? В чем особенности русского сватовства?
7. Что переживает Кити в ожидании серьезного объяснения с Левиным?
8. Какой чувствовала себя Кити рядом с Левиным и что изменялось в ней в присутствии Вронского?
9. Какое будущее виделось Кити рядом с Вронским, а какое рядом с Левиным?
10. Перескажите сцену объяснения Левина в любви.
11. Как Левин ведет себя при Вронском? Сравните образы «соперников».
12. Как по-вашему, в чьих отношениях проявляется настоящая любовь? Какие герои произведения способны на любовь?
13. Обратите внимание, насколько детально Л.Н. Толстой описывает чувства и переживания своих героев. Охарактеризуйте героев, опираясь на данные автором психологические портреты.
14. Что такое, на ваш взгляд, светская беседа? Как ведут себя собеседники? Кто из них является «истинно» светским человеком?
15. Что является темой разговора в гостиной Щербацких? Чье мнение вы разделяете? Почему?
16. Как относится к семейной жизни Вронский? Каковы его основные жизненные принципы?
17. Каковы обстоятельства встречи Анны Карениной и Вронского?
18. Опишите Анну глазами Вронского. Чем она его привлекла?

19. Какие отношения сложились между Анной и матерью Вронского за время поездки?
20. Какой несчастный случай произошел на железнодорожной станции во время знакомства Вронского и Карениной?
21. Как восприняла Анна Каренина это событие?
22. Как отреагировал Вронский? Как вы думаете, почему?

-
- 23*. Прочитайте весь роман. Что в произведении понравилось вам больше всего, что заинтересовало и заставило задуматься?
 - 24*. Книга была написана более ста лет назад, почувствовали ли вы эту временную дистанцию? Утратила ли проблематика произведения свою актуальность за прошедший век? Можете ли вы утверждать, что данное произведение не «постарело»?
 - 25*. Опираясь на текст, выскажите мнение, возможна ли любовь в браке (русском браке 19 века)? В чем выражалось неравноправие между мужчинами и женщинами? Изменилась ли нынешняя ситуация? Каково отношение к этому вопросу в Армении?
 - 26*. Какие экранизации романа вы смотрели? Соответствует ли экранный образ Анны литературному персонажу?
 - 27*. Рекомендуем обратиться к курсу лекций [Лев Толстой «Анна Каренина»](#) на портале «Полка».

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

1860-1904

Антон Павлович Чехов – русский драматург и новеллист. Родился 17 января 1860 года в Таганроге в семье купца. С ранних лет вместе с братьями помогал отцу в его лавке. В 19 лет поступил в Московский университет на медицинский факультет, который окончил в 1884 году, а затем занимался врачебной практикой.

Жизнерадостный по природе, одаренный редкой наблюдательностью, остроумием и способностью схватывать смешные черты в поступках и характерах людей, Чехов сочинял рассказы, анекдоты, остроты и заметки для юмористических журналов под псевдонимами Антоша Чехонте, Балдастов и Человек без селезенки.

В 1886 году Чехов начал сотрудничать с общероссийской газетой «Новое время», издатель которой предложил ему публиковать более длинные рассказы за более высокие гонорары. Первый сборник «Пестрые рассказы» был издан в 1886 году, а следующий сборник рассказов «В сумерках» принес ему Пушкинскую премию.

В 1888-1890 годах Чехов предпринял поездку в каторжные поселения на острове Сахалин, где он провел работу исследователя, медика, социолога. Результатом поездки стала публикация труда «Остров Сахалин».

По возвращении Чехов поселился вместе с семьей в усадьбе близ подмосковной деревни Мелихово и занялся всевозможной благотворительной деятельностью: лечил бесплатно окрестных крестьян, организовывал помощь голодающим, боролся с эпидемией холеры и строил сельские школы.

Портрет А. П. Чехова,
худ. О.Э. Браз (1898)

В первой половине 1890-х годов Чехов становится одним из самых читаемых писателей России – его произведения регулярно появляются в журналах, газетах; выходят отдельные издания и сборники, которые постоянно переиздаются, вызывая широкий резонанс в литературных кругах.

В своих повестях и рассказах, таких как «Степь», «Палата № 6», «Дуэль», «Человек в футляре», «Моя жизнь», «Скучная история», драмы «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад», Чехов с невероятной художественной силой изобразил выпуклые и яркие картины из быта купцов, чиновников, актеров, врачей, учителей.

Главный герой Чехова – рядовой человек со своими каждодневными делами и заботами. Чехов – тонкий психолог, мастер подтекста, своеобразно сочетающий юмор и лиризм.

Слабое здоровье вынудило Чехова переехать в 1897 году в Ялту. Особенно много сил в этот последний период отдавалось драматургии. Главные его пьесы предназначались для постановки в Московском Художественном театре (МХТ).

А.П. Чехов в 1902 г.

В пьесах Чехова появилась психологическая насыщенность действия, напряженность которого поддерживали «случайные» реплики, а также паузы, жесты персонажей, «посторонние» звуки, мелочи обстановки, вместе создававшие психологический подтекст. Однако новаторский характер пьес Чехова был понят не сразу. Так, например, провалилась премьера «Чайки» в Санкт-Петербурге. Когда же К.С. Станиславский поставил пьесу на сцене МХТ в Москве, она имела оглушительный успех.

В сентябре 1898 года Чехов присутствует на репетициях своей пьесы «Чайка» в Московском Художественном театре, знакомится

с актрисой Ольгой Леонардовной Книппер, будущей женой (они обвенчались в Москве 25 мая 1901 года).

Закончив «Вишневый сад», Чехов приехал в Москву весной 1904 года, чтобы присутствовать на премьере. После обострения туберкулеза он вынужден был отправиться в Германию, на курорт Баденвейлер. Там Чехов и скончался 15 июля 1904 года.

МАЛЬЧИКИ

– Володя приехал! – крикнул кто-то на дворе.

– Володичка приехали! – завопила Наталья, вбегая в столовую. – Ах, боже мой!

Вся семья Королёвых, с часу на час поджидавшая своего Володю, бросилась к окнам. У подъезда стояли широкие сани, и от тройки белых лошадей шел густой туман. Сани были пусты, потому что Володя уже стоял в прихожей и красными, замерзшими пальцами расстегивал пальто. Его гимназическое¹ пальто, фуражка, обувь и волосы на висках были покрыты инеем, и весь он от головы до ног издавал такой вкусный морозный запах, что, глядя на него, хотелось замерзнуть и сказать:

Илл. А.З. Иткина

«Бррр!» Мать и тетка бросились обнимать и целовать его, Наталья повалилась к его ногам и начала стаскивать с него валенки, сестры подняли визг, двери скрипели,

¹ **гимназия** – среднее учебное заведение (7 классов), ученики которого обязаны были носить форму даже вне уроков, и их жизнь находилась под контролем школьного начальства

хлопали, а отец Володи в одной жилетке и с ножницами в руках вбежал в переднюю и закричал испуганно:

– А мы тебя еще вчера ждали! Хорошо доехал? Благополучно? Господи боже мой, да дайте же ему с отцом поздороваться! Что я не отец, что ли?

– Гав! Гав! – ревел басом Милорд, огромный черный пес, стуча хвостом по стенам и по мебели.

Всё смешалось в один сплошной радостный звук, продолжавшийся минуты две. Когда первый порыв радости прошел, Королёвы заметили, что кроме Володи в прихожей находился еще один маленький человек, сильно закутанный и покрытый инеем; он неподвижно стоял в углу в тени.

– Володичка, а это же кто? – спросила шёпотом мать.

– Ах! – спохватился Володя. – Это, честь имею представить, мой товарищ Чечевицын, ученик второго класса... Я привез его с собой погостить у нас.

– Очень приятно, милости просим! – сказал радостно отец. – Извините, я по-домашнему, без пиджака... Пожалуйста! Наталья, помоги господину Черепицыну раздеться! Господи боже мой, да прогоните эту собаку! Это наказание!

Немного погодя Володя и его друг Чечевицын, ошеломленные шумной встречей и всё еще розовые от холода, сидели за столом и пили чай. Зимнее солнышко, проникая сквозь снег и узоры на окнах, дрожало на самоваре и купало свои чистые лучи в чашке. В комнате было тепло, и мальчики чувствовали, как в их телах, не желая уступать друг другу, щекались тепло и мороз.

– Ну, вот скоро и Рождество! – говорил нараспев отец, крутя из темно-рыжего табаку папиросу. – А давно ли было лето и мать плакала, тебя провожая? Вон ты и приехал... Время, брат, идет быстро! Ахнуть не успеешь, как старость придет. Господин Чибисов, кушайте, прошу вас, не стесняйтесь! У нас попросту.

Три сестры Володи, Катя, Соня и Маша – самой старшей из них было одиннадцать лет, – сидели за столом и не отрывали глаз от нового знакомого. Чечевицын был такого же возраста и роста, как

Володя, но не так пухл и бел, а худ, смугл, покрыт веснушками. Волосы у него были щетинистые, глаза узенькие, губы толстые, вообще был он очень некрасив, и если б на нем не было гимназической куртки, то по наружности его можно было бы принять за кухаркина сына. Он был угрюм, всё время молчал и ни разу не улыбнулся. Девочки, глядя на него, сразу сообразили, что это, должно быть, очень умный и ученый человек. Он о чем-то всё время думал и так был занят своими мыслями, что когда его спрашивали о чем-нибудь, то он вздрагивал, встряхивал головой и просил повторить вопрос.

Девочки заметили, что и Володя, всегда веселый и разговорчивый, на этот раз говорил мало, вовсе не улыбался и как будто даже не рад был тому, что приехал домой. Пока сидели за чаем, он обратился к сестрам только раз, да и то с какими-то странными словами. Он указал пальцем на самовар и сказал:

– А в Калифорнии вместо чаю пьют джин.

Он тоже был занят какими-то мыслями и, судя по тем взглядам, какими он изредка обменивался с другом своим Чечевицыным, мысли у мальчиков были общие.

После чаю все пошли в детскую. Отец и девочки сели за стол и занялись работой, которая была прервана приездом мальчиков. Они делали из разноцветной бумаги цветы и украшения для елки. Это была увлекательная и шумная работа. Каждый вновь сделанный цветок девочки встречали восторженными криками, даже криками ужаса, точно этот цветок падал с неба; папаша тоже восхищался и изредка бросал ножницы на пол, сердясь на них за то, что они тупы. Мамаша вбегала в детскую с очень озабоченным лицом и спрашивала:

– Кто взял мои ножницы? Опять ты, Иван Николаич, взял мои ножницы?

– Господи боже мой, даже ножниц не дают! – отвечал

Илл. Е.Володькиной

плачущим голосом Иван Николаич и, откинувшись на спинку стула, принимал позу оскорбленного человека, но через минуту опять восхищался.

В предыдущие свои приезды Володя тоже занимался приготовлениями для елки или бегал на двор поглядеть, как кучер и пастух делали снеговую гору, но теперь он и Чечевицын не обратили никакого внимания на разноцветную бумагу и ни разу даже не побывали в конюшне, а сели у окна и стали о чем-то шептаться; потом они оба вместе раскрыли географический атлас и стали рассматривать какую-то карту.

– Сначала в Пермь... – тихо говорил Чечевицын... – оттуда в Тюмень... потом Томск... потом... потом... в Камчатку... Отсюда местные жители перевезут на лодках через Берингов пролив... Вот тебе и Америка... Тут много пушных зверей¹.

– А Калифорния? – спросил Володя.

– Калифорния ниже... Лишь бы в Америку попасть, а Калифорния не за горами. Добывать же себе пропитание можно охотой и грабежом.

Илл. А.З.Иткина

Чечевицын весь день сторонился девочек и глядел на них недоверчиво. После вечернего чая случилось, что его минут на пять оставили одного с девочками. Неловко было молчать. Он сурово кашлянул, потер правой ладонью левую руку, поглядел угрюмо на Катю и спросил:

– Вы читали Майн-Рида²?

– Нет, не читала... Послушайте, вы умеете на коньках кататься?

¹ **пушные звери** – дикие животные, из шкурок которых изготавливают меховые изделия

² **Майн-Рид** – Томас Майн Рид (1818-1883), писатель, автор авантюрно-приключенческих романов «Всадник без головы», «Оцеола, вождь семиолов», «Квартеронка», «Белый вождь» и др.

Погруженный в свои мысли, Чечевицын ничего не ответил на этот вопрос, а только сильно надул щеки и сделал такой вздох, как будто ему было очень жарко. Он еще раз поднял глаза на Катю и сказал:

– Когда стадо бизонов бежит через пампасы¹, то дрожит земля, а в это время мустанги², испугавшись, брыкаются и ржут.

Чечевицын грустно улыбнулся и добавил:

– А также индейцы нападают на поезда. Но хуже всего это москиты и термиты.

– А что это такое?

– Это вроде муравчиков, только с крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто я?

– Господин Чечевицын.

– Нет. Я Монтигомо, Ястребиный Коготь³, вождь непобедимых.

Маша, самая маленькая девочка, поглядела на него, потом на окно, за которым уже наступал вечер, и сказала в раздумье:

– А у нас чечевицу вчера готовили.

Совершенно непонятные слова Чечевицына и то, что он постоянно шептался с Володей, и то, что Володя не играл, а всё думал о чем-то, – всё это было загадочно и странно. И обе старшие девочки, Катя и Соня, стали внимательно следить за мальчиками. Вечером, когда мальчики ложились спать, девочки подкрались к двери и подслушали их разговор. О, что они узнали! Мальчики собирались бежать куда-то в Америку добывать золото; у них для дороги было уже всё готово: пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля денег. Они узнали, что мальчикам придется пройти пешком несколько тысяч километров, а по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, убивать врагов, поступать в морские разбойники, пить джин и в конце концов

¹ **пампасы** – обширные равнины в Южной Америке

² **мустанги** – дикие лошади американских степей

³ **Монтигомо, Ястребиный Коготь** – индеец, герой романа «Следопыт» американского писателя, классика приключенческой литературы Фенимора Купера

жениться на красавицах и обрабатывать плантации¹. Володя и Чечевицын говорили и в увлечении перебивали друг друга. Себя Чечевицын называл при этом так: «Монтигомо Ястребиный Коготь», а Володю – «бледнолицый брат² мой».

– Ты смотри же, не говори маме, – сказала Катя Соне, отправляясь с ней спать. – Володя привезет нам из Америки золота и слоновой кости, а если ты скажешь маме, то его не пустят.

Накануне Рождества Чечевицын целый день рассматривал карту Азии и что-то записывал, а Володя, грустный, пухлый, как укушенный пчелой, угрюмо ходил по комнатам и ничего не ел. И раз даже в детской он остановился перед иконой, перекрестился и сказал:

– Господи, прости меня грешного! Господи, сохрани мою бедную, несчастную маму!

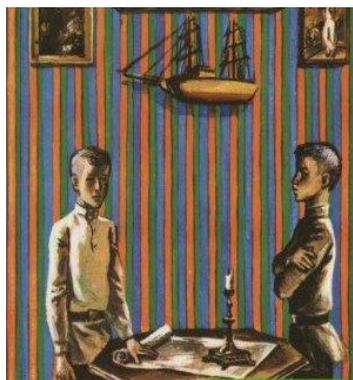
К вечеру он расплакался. Идя спать, он долго обнимал отца, мать и сестер. Катя и Соня понимали, в чем тут дело, а младшая, Маша, ничего не понимала, решительно ничего, и только при взгляде на Чечевицына задумывалась и говорила со вздохом:

– Когда пост, няня говорит, надо кушать горох и чечевицу.

Рано утром в рождество Катя и Соня тихо поднялись с постелей и пошли посмотреть, как мальчики будут бежать в Америку. Подкрались к двери.

– Так ты не поедешь? – сердито спрашивал Чечевицын. – Говори: не поедешь?

– Господи! – тихо плакал Володя. – Как же я поеду? Мне маму жалко.

Илл. В.В. Алантьева

¹ **плантация** – большой участок земли в Америке, на котором выращивают определенную культуру, например, чайная плантация

² **бледнолицый брат** – так индейцы называли белых людей, которые дружили с ними

– Бледнолицый брат мой, я прошу тебя, поедем! Ты же уверял, что поедешь, сам меня уговорил, а как ехать, так вот и струсил.

– Я... я не струсил, а мне... мне маму жалко.

– Ты говори: поедешь или нет?

– Я поеду, только... только погоди. Мне хочется дома пожить.

– В таком случае я сам поеду! – решил Чечевицын. – И без тебя обойдусь. А еще тоже хотел охотиться на тигров, сражаться! Когда так, отдай же мои патроны!

Володя заплакал так горько, что сестры не выдержали и тоже тихо заплакали. Наступила тишина.

– Так ты не поедешь? – еще раз спросил Чечевицын.

– По... поеду.

– Так одевайся!

И Чечевицын, чтобы уговорить Володю, хвалил Америку, рычал как тигр, изображал пароход, ругался, обещал отдать Володе всю слоновую кость и все львиные и тигровые шкуры.

И этот худенький смуглый мальчик со щетинистыми волосами и веснушками казался девочкам необыкновенным, замечательным. Это был герой, решительный, неустрашимый человек, и рычал он так, что, стоя за дверями, в самом деле можно было подумать, что это тигр или лев.

Когда девочки вернулись к себе и одевались, Катя с глазами полными слез сказала:

– Ах, мне так страшно!

До двух часов, когда сели обедать, всё было тихо, но за обедом вдруг оказалось, что мальчиков нет дома. Искали в комнате у слуг, в конюшне – там их не было. Искали в деревне – и там не нашли. И чай потом тоже пили без мальчиков, а когда садились ужинать, мамаша очень беспокоилась, даже плакала. А ночью опять ходили в деревню, искали, ходили с фонарями на реку. Боже, какая поднялась неразбериха!

На другой день приезжал полицейский, писали в столовой какую-то бумагу. Мамаша плакала.

Но вот у крыльца остановились сани, и от тройки белых лошадей валил пар.

– Володя приехал! – крикнул кто-то на дворе.

– Володичка приехали! – завопила Наталья, вбегая в столовую.

И Милорд залаял басом: «Гав! гав!» Оказалось, что мальчиков задержали в городе, в большом магазине (там они ходили и всё спрашивали, где продается порох). Володя, как вошел в прихожую, так и зарыдал и бросился матери на шею. Девочки, дрожа, с ужасом думали о том, что теперь будет, слышали, как папаша повел Володю и Чечевицына к себе в кабинет и долго там говорил с ними; и мамаша тоже говорила и плакала.

– Разве это так можно? – убеждал папаша. – Не дай бог, узнают в гимназии, вас исключат. А вам стыдно, господин Чечевицын! Нехорошо! Вы это задумали, и, надеюсь, вы будете наказаны вашими родителями. Разве это так можно! Вы где ночевали?

– На вокзале! – гордо ответил Чечевицын.

Володя потом лежал, и ему к голове прикладывали полотенце, смоченное в уксусе. Послали куда-то телеграмму, и на другой день приехала дама, мать Чечевицына, и увезла своего сына.

Когда уезжал Чечевицын, то лицо у него было суровое, надменное, и, прощаясь с девочками, он не сказал ни одного слова; только взял у Кати тетрадку и написал в знак памяти:

«Монтигомо Ястребиный Коготь».

пушной зверь – մուշտախկամորթ զազան

пампасы – հարավամերիկյան խոտառատ հարթ տափաստան

мустанг – մուստանգ (վարիացած ձի)

плантация – պլանտացիա, տնկադաշտ

бледнолицый – սպիտակամորթ մարդ

Вопросы и задания

1. Что вы знаете о А.П. Чехове? Какие его произведения вы читали?

2. Расскажите, какая семья у Володи Королёва. Опишите сцену встречи.
 3. Сравните внешность обоих мальчиков.
 4. Отец Володи неправильно называл приятеля сына. Почему?
 5. Как сам господин Чечевицын называет себя? Можно ли понять, какими книжками он увлекается?
 6. Как отнеслись к Чечевицыну сёстры Володи?
 7. Почему они не рассказали родителям о предстоящем побеге мальчиков?
 8. Где и когда возник план побега у мальчиков? Почему Володя вдруг передумал бежать? Как Чечевицын уговаривал Володю?
 9. Как вы считаете, почему они решили бежать в Америку? Насколько продуманный план был у мальчиков? Попробуйте проследить маршрут, которому они собирались следовать.
 10. Сравните характеры друзей. Какие из следующих слов вы можете применить при их описании: *смелый, безрассудный, отчаянный, авантюрный, осторожный, боязливый, робкий, трусливый, нерешительный*?
 11. Как чувствовали и вели себя герои рассказа после всех описанных событий?
 12. Обратите внимание на начало и концовку рассказа. Как изменилась ситуация и как теперь воспринимаются те же реплики?
-
- 13*. Что такое *юмор* и *ирония*? Как автор относится к своим героям и сложившейся ситуации?
 - 14*. Что вы знаете о жанре рассказа, новеллы? Какие еще рассказы А.П. Чехова вы читали? С произведениями каких авторов, работавших в этом жанре, вы знакомы (С. Цвейг, Дж. Лондон, О'Генри, Г. Зограб)?
 - 15*. Какие произведения приключенческого жанра вы читали и любили в том же возрасте, что и герои рассказа Чехова? Расскажите об этом.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

1870-1953

И.А. Бунин, 1902 г.

И.А. Бунин родился 22 октября 1870 года в Воронеже в семье обедневшего дворянина. Поступив в 1881 году в гимназию в Ельце, проучился там всего пять лет, так как семья не имела средств на обучение сына.

Бунин рано начал самостоятельную жизнь. Сотрудничая с редакцией газеты «Орловский вестник», он познакомился с корректором газеты Варварой Владимировной Пашенко, вышедшей за него замуж в 1891 году. В том же году вышел первый сборник стихов Бунина. В 1895 году,

после того как жена ушла от него, Бунин переехал в Москву.

В 1900 году появился рассказ Бунина «Антоновские яблоки», отличающийся поэтичностью и художественной отточенностью. За стихотворный сборник «Листопад», а также за перевод поэмы американского поэта-романтика Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате», Российская Академия наук присудила Бунину Пушкинскую премию (позже, в 1909 году он был избран почетным членом Академии наук). Поэзия Бунина сложилась под влиянием Пушкина, Фета, Тютчева. Но она больше тяготеет к чувственно-конкретному образу, картина природы в бунинской поэзии складывается из запахов, красок, звуков.

Семейная жизнь Бунина уже с Анной Николаевной Цакни также сложилась неудачно, в 1905 году скончался их сын Коля. В 1906 Бунин познакомился с Верой Николаевной Муромцевой, ставшей впоследствии его супругой.

В 1920 году, не приняв революций 1917 года, Бунины уезжают во Францию. Произведения эмигрантского периода пронизаны мыслью о России, об одиночестве современного человека, которое только на краткий миг нарушается вторжением любви (сборники рассказов «Митина любовь», «Солнечный удар», «Темные аллеи», автобиографический роман «Жизнь Арсеньева»).

В 1933 году он стал первым русским писателем, удостоенным Нобелевской премии. В решении о присуждении Бунину премии говорится: «Решением Шведской академии от 9 ноября 1933 года Нобелевская премия по литературе за этот год присуждена Ивану Бунину за строгий артистический талант, с которым он воссоздал в литературной прозе типичный русский характер». Значительную сумму из полученной премии Бунин раздал нуждающимся.

И.А. Бунин, 1930

В 1939 году Бунины поселились на юге Франции, где и провели всю войну. В 1945 году вернулись в Париж. В последние годы писатель мечтал вернуться на родину, но эта мечта не осуществилась. Скончался Иван Алексеевич Бунин 8 ноября 1953 года в Париже. Похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

«Темные аллеи»

«Темные аллеи» – цикл рассказов о любви, как он сам сказал, «о ее «темных» и чаще всего очень мрачных и жестоких аллеях». Все рассказы сборника заканчиваются трагически – герои расстаются. Их разлучают их собственные амбиции, обстоятельства, война, смерть. Но свет от испытанной любви остается в душе героя. Испытав однажды такие глубокие чувства, человек бережно хранит

их как самое дорогое воспоминание. Память, воспоминания – одна из тем, волновавших Бунина.

Женские образы в этих рассказах поразительно глубокие. Внутренняя сила, одухотворенность, преданность, способность к самопожертвованию – Бунин раскрывает все это будто вскользь: внимание читателя приковано к деталям и описаниям жизни внешней, а сквозь них вдруг проступает целостный человек. Эта книга, по словам Бунина, «говорит о трагичном и о многом нежном и прекрасном, – думаю, что это самое лучшее и самое оригинальное, что я написал в жизни».

ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ

«Темные аллеи»

В июне того года он гостил у нас в поместье – всегда считался у нас своим человеком: покойный отец его был другом и соседом моего отца. Пятнадцатого июня убили в Сараеве¹ Фердинанда. Утром шестнадцатого привезли с почты газеты. Отец вышел из кабинета с московской вечерней газетой в руках в столовую, где он, мама и я еще сидели за чайным столом, и сказал:

– Ну, друзья мои, война! В Сараеве убит австрийский кронпринц. Это война!

На именины² отца к нам съехалось много народу, и за обедом он был объявлен моим женихом. Но девятнадцатого июля Германия объявила России войну...

В сентябре он приехал к нам всего на сутки – проститься перед отъездом на фронт (все тогда думали, что война кончится скоро, и свадьба наша была отложена до весны). И вот настал наш

¹ **Сараево** – 28 июня 1914 года в городе Сараево был убит австрийский наследник Франц Фердинанд. Убийство послужило поводом для начала Первой мировой войны.

² **именины** – в христианской традиции день памяти какого-либо святого, является праздником для человека, названного именем этого святого. Именины, или День ангела, часто совпадали с днем рождения и обязательно праздновались.

«Дама у гобелена», худ. В. Борисов-Мусатов (1903)

прощальный вечер. После ужина подали, по обыкновению, самовар, и, посмотрев на запотевшие от его пара окна, отец сказал:

– Удивительно ранняя и холодная осень!

Мы в тот вечер сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преувеличенно спокойными, скрывая свои тайные мысли и чувства. С притворной простотой сказал отец и про осень. Я подошла к балконной двери и протерла стекло платком: в саду, на черном небе, ярко и остро сверкали чистые ледяные звезды. Отец курил, откинувшись в кресло,

рассеянно глядя на висевшую над столом жаркую лампу, мама, в очках, старательно зашивала под ее светом маленький шелковый мешочек, – мы знали какой, – и это было и трогательно и жутко. Отец спросил:

– Так ты все-таки хочешь ехать утром, а не после завтрака?

– Да, если позволите, утром, – ответил он. – Очень грустно, но я еще не совсем распорядился по дому.

Отец легонько вздохнул:

– Ну, как хочешь, душа моя. Только в этом случае нам с мамой пора спать, мы непременно хотим проводить тебя завтра...

Мама встала и перекрестила своего будущего сына, он склонился к ее руке, потом к руке отца. Оставшись одни, мы еще немного побыли в столовой, – я вздумала раскладывать пасьянс, – он молча ходил из угла в угол, потом спросил:

– Хочешь пройдемся немного?

На душе у меня делалось все тяжелее, я безразлично отозвалась:

– Хорошо...

Одеваясь в прихожей, он продолжал что-то думать, с милой усмешкой вспомнил стихи Фета:

Какая холодная осень!

Надень свою шаль и капот¹...

– Капота нет, – сказала я. – А как дальше?

– Не помню. Кажется, так:

Смотри – меж чернеющих сосен

Как будто пожар восстает...

– Какой пожар?

– Восход луны, конечно. Есть какая-то деревенская осенняя прелесть в этих стихах. «Надень свою шаль и капот...» Времена наших дедушек и бабушек... Ах, Боже мой, Боже мой!

– Что ты?

– Ничего, милый друг. Все-таки грустно. Грустно и хорошо. Я очень, очень люблю тебя...

Одевшись, мы прошли через столовую на балкон, сошли в сад. Сперва было так темно, что я держалась за его рукав. Потом стали обозначаться в светлеющем небе черные сучья, осыпанные минерально блестящими звездами. Он, приостановясь, обернулся к дому:

– Посмотри, как совсем особенно, по-осеннему светят окна дома. Буду жив, вечно буду помнить этот вечер...

Я посмотрела, и он обнял меня в моей швейцарской накидке. Я отвела от лица пуховый платок, слегка отклонила голову, чтобы он поцеловал меня. Поцеловав, он посмотрел мне в лицо.

– Как блестят глаза, – сказал он. – Тебе не холодно? Воздух совсем зимний. Если меня убьют, ты все-таки не сразу забудешь меня?

Я подумала: «А вдруг правда убьют? и неужели я все-таки забуду его в какой-то срок – ведь все в конце концов забывается?» И поспешно ответила, испугавшись своей мысли:

– Не говори так! Я не переживу твоей смерти!

Он, помолчав, медленно выговорил:

¹ **капот** – женское верхнее платье, накидка

– Ну что ж, если убьют, я буду ждать тебя там. Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне.

Я горько заплакала...

Утром он уехал. Мама надела ему на шею тот мешочек, что зашивала вечером, – в нем был золотой образок¹, который носили на войне ее отец и дед, – и мы все

«Прощание. Осень 1914», худ. Д. Шмарин

перекрестили его с каким-то порывистым отчаянием. Глядя ему вслед, постояли на крыльце в том оцепении, которое всегда бывает, когда проводишь кого-нибудь на долгую разлуку, чувствуя только удивительную несовместность между нами и окружавшим нас радостным, солнечным, сверкающим изморозью на траве утром. Постояв, вошли в опустевший дом. Я пошла по комнатам, заложив руки за спину, не зная, что теперь делать с собой и зарыдать ли мне или запеть во весь голос...

Убили его – какое странное слово! – через месяц, в Галиции. И вот прошло с тех пор целых тридцать лет. И многое, многое пережито было за эти годы, кажущиеся такими долгими, когда внимательно думаешь о них, перебираешь в памяти все то волшебное, непонятное, непостижимое ни умом, ни сердцем, что называется прошлым. Весной восемнадцатого года, когда ни отца, ни матери уже не было в живых, я жила в Москве, в подвале у торговли на Смоленском рынке, которая все издевалась надо мной: «Ну, ваше сиятельство², как ваши обстоятельства?» Я тоже занималась торговлей, продавала, как многие продавали тогда, солдатам в папахах и расстегнутых шинелях кое-что из оставшегося

¹ **образок** – небольшая иконка, которую носят вместе с крестом на груди

² **ваше сиятельство** – обращение к князьям и графам в России

у меня, – то какое-нибудь колечко, то крестик, то меховой воротник, и вот тут, торгуя на углу Арбата и рынка, встретила человека редкой, прекрасной души, пожилого военного в отставке, за которого вскоре вышла замуж и с которым уехала в апреле в Екатеринодар¹. Ехали мы туда с ним и его племянником, мальчиком лет семнадцати, тоже пробиравшимся к добровольцам², чуть не две недели, – я бабой³, в лаптях⁴, он в поношенном казачьем полушубке, с опущенной черной с проседью бородой, – и пробыли на Дону и на Кубани больше двух лет. Зимой, в ураган, отплыли с огромной толпой прочих беженцев из Новороссийска в Турцию, и на пути, в море, муж мой умер в тифу⁵. Близких у меня осталось после того на всем свете только трое: племянник мужа, его молоденькая жена и их девочка, ребенок семи месяцев. Но и племянник с женой уплыли через некоторое время в Крым, к Врангелю⁶, оставив ребенка на моих руках. Там они и пропали без вести. А я еще долго жила в Константинополе, зарабатывая на себя и на девочку очень тяжелым черным трудом. Потом, как многие, где только не жила я с ней! Болгария, Сербия, Чехия, Бельгия, Париж, Ницца... Девочка давно выросла, осталась в Париже, стала совсем француженкой, очень миленькой и совершенно равнодушной ко мне, служила в шоколадном магазине возле Мадлэн, ухоженными ручками с серебряными ноготками заворачивала коробки в атласную бумагу и завязывала их золотыми шнурочками; а я жила и все еще живу в Ницце чем Бог пошлет... Была я в Ницце в первый раз в девятьсот двенадцатом году – и могла ли думать в те счастливые дни, чем некогда станет она для меня!

¹ **Екатеринодар** – современный Краснодар

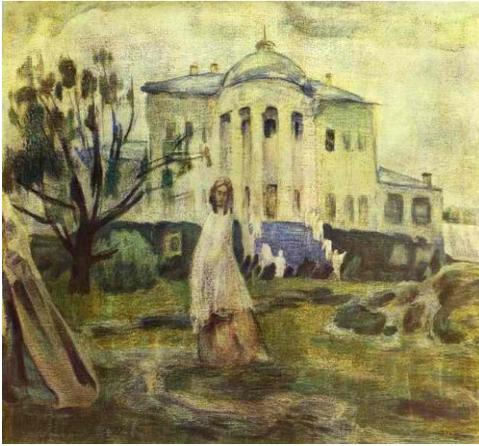
² **добровольцы** – добровольческая армия, одно из военных формирований Белой гвардии, сражалась на юге России в годы гражданской войны с Красной армией. Первоначально создавалась из добровольцев офицеров, студентов и др.

³ **бабой** – *здесь*: одетая бедной крестьянкой

⁴ **лапти** – крестьянская обувь, сплетённая из коры дерева или верёвок, охватывающая ступню ноги

⁵ **в тифу** – *здесь*: умер от тифа; тиф – острое инфекционное заболевание

⁶ **Врангель** – Петр Николаевич (1878-1928), командующий Добровольческой Белой армией в 1919-1920 годы.

«Призраки», худ. В.Борисов-Мусатов (1903)

Так и пережила я его смерть, неосторожно сказав когда-то, что я не переживу ее. Но, вспоминая все то, что я пережила с тех пор, всегда спрашиваю себя: да, а что же все-таки было в моей жизни? И отвечаю себе: только тот холодный осенний вечер. Ужели он был когда-то? Все-таки был. И это все, что было в моей жизни, – остальное ненужный сон. И я верю,

горячо верю: где-то там он ждет меня – с той же любовью и молодостью, как в тот вечер. «Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне...» Я пожила, порадовалась, теперь уже скоро приду.

3 мая 1944 г.

именины – անվանակոչության տոն

капот – կապոտ (կանացի տնային զգեստ)

образок – փոքրիկ սրբապատկեր

ваше сиятельство – ձերդ պայծառափայլություն

добровольцы – այստեղ կամավորական բանակ

баба – ամուսնացած գեղջուկ կին, *здесь: бабой* – ինչպես գյուղացի կին հագնված

лапти – տրեխ

тиф – տիֆ սուր վարակիչ հիվանդություն

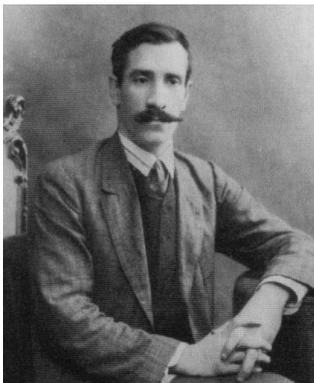
Вопросы и задания

1. Что вы узнали о лауреате Нобелевской премии Иване Бунине?
2. На фоне каких исторических событий разворачивается сюжет рассказа?
3. Как влияет война на судьбы героев? Как она показана в рассказе?
4. Сопоставьте образ жизни героини до войны и революции и после.
5. Расскажите, как сложилась судьба героини.
6. Исполнила ли героиня рассказа пожелание своего жениха: «Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне»?
7. Почему у героев рассказа нет имен? Какие собственные имена есть в рассказе?
8. Почему рассказ Бунина называется «Холодная осень»? Какое место в рассказе занимает описание холодного осеннего вечера?

-
- 9*. Найдите в рассказе детали, с помощью которых описание осеннего вечера становится выпуклым и осязаемым.
 - 10*. В рассказе Бунина много противопоставлений (антитез) и на уровне описания исторических событий, и на уровне событий, происходящих с персонажами, и на уровне представленных образов. Найдите некоторые из антитез и объясните их.
 - 11*. Обратите внимание, что в начале произведения события точно датированы, а в конце – много топонимов (названий мест), события привязаны к определенному месту. С чем, по вашему мнению, это связано?
 - 12*. Прочитайте еще несколько рассказов И. Бунина из сборника «Темные аллеи». Как описывается любовь в различных рассказах этого цикла?

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ ГРИН

1880-1932

А. Грин, С.-Петербург, 1910 г.

Настоящее имя – Александр Стефанович Гринеvский. Родился в городе Слободской в семье ссыльного поляка Стефана Гринеvского 23 августа 1880 года. В 1896 году окончил Вятское городское училище и уехал в Одессу.

Вел бродячую жизнь, работал матросом, рыбаком, мыл золото, служил в армии, где вступил в партию социалистов-революционеров, занимался социалистической агитацией, за что был арестован и осужден на

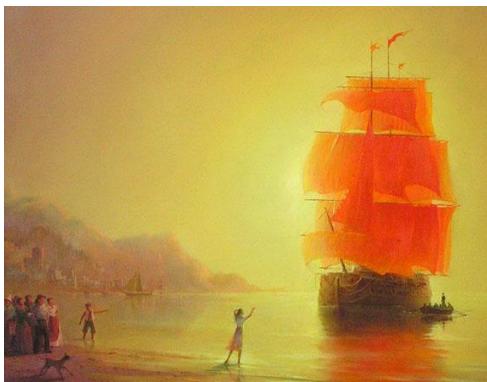
тюремное заключение и ссылку.

Грин начал публиковаться с 1906 года. Первый рассказ – «Заслуга рядового Пантелеева» – носил агитационный характер, и тираж брошюры был конфискован жандармами. Вскоре Грин отошел от непосредственной политической деятельности и в дальнейшем стал работать как профессиональный литератор.

В 1912 году Грин переехал в Петербург. После революции главной темой его творчества становится столкновение свободы и несвободы, особенно ярко проявившееся в романах «Блистающий мир» и «Дорога в никуда». Одним из лучших произведений Грина считается символическая повесть-феерия «Алые паруса».

В 1924 году Грин переехал в Феодосию. Романтическая тематика его произведений считалась неактуальной для пролетарского читателя, и его почти перестали издавать. В 1930 году писатель перебрался в Старый Крым, где два года спустя скончался от рака легких.

Грин был великолепным мастером композиции: действие в его произведениях разворачивается, как пружина, сюжеты их всегда неожиданны. Его герои – люди с яркой внутренней жизнью, их волнуют тайны, они неисправимые мечтатели. Авантюрные

«Алые паруса», худ. Г. Дмитриев (2003)

по своим сюжетам, книги Грина духовно богаты и возвышенны, они заряжены мечтой обо всем высоком и прекрасном и учат читателей мужеству и радости жизни. Писатель создал удивительную воображаемую страну с морями, по крутым волнам которых плывут белоснежные корабли с алыми парусами, придумал гавани Зурбаган, Лис, Гель-Гью и населил их людьми, наполнил кипением страстей, встреч, событий. Одна из самых притягательных черт гриновского творчества заключается в том, что мир юношеского воображения писатель изображает так, будто страна эта и в самом деле существует и знакома нам в мельчайших подробностях.

ГНЕВ ОТЦА

Накануне возвращения Беринга¹ из долгого путешествия его сын, маленький Том Беринг, подвергся нападению тетки Корнелии и ее мужа, дяди Карла. Том пускал в мрачной библиотеке цветные мыльные пузыри. За ним числились преступления более значи-

¹ **Беринг** Витус Йонассен (Иван Иванович) (1681-1741), военный моряк, капитан-командор Российского флота, полярный мореплавец и исследователь. Первым в мире плывал в водах всех четырех океанов и первым вывел российские корабли в открытый океан. А.Грин назвал своего персонажа, путешественника, именем известного мореплавателя.

тельные, например, дырка на желтой занавеси, прожженная солнечным лучом через лупу, рассматривание картинок в «Декамероне»¹, драка с сыном соседа, – но мыльные пузыри особенно взволновали Корнелию. Просторный строгий дом не выносил легкомыслия, и дядя Карл торжественно отнял у мальчика блюдце с пеной, а тетя Корнелия – стеклянную трубочку.

Корнелия долго предсказывала Тому страшную судьбу шалунов: сделаться преступником или бродягой – и, окончив выговор, сказала:

– Страхись гнева отца! Как только приедет брат, я безжалостно расскажу ему о твоих поступках, и его гнев всей тяжестью обрушится на тебя.

Дядя Карл нагнулся и прибавил:

– Его гнев будет ужасен!

Когда они ушли, Том забился в большое кресло и попытался представить, что его ожидает. Правда, Карл и Корнелия выражались всегда торжественно, но неоднократное упоминание о «гневе» отца сильно смущало Тома. Спросить тетку или дядю о том, что такое гнев, – значило бы показать, что он струсил. Том не хотел доставить им этого удовольствия.

Иллюстрации А. Иткина

Подумав, Том слез с кресла и с достоинством направился в сад, мечтая узнать кое-что от встреченных людей.

В тени дуба лежал Оскар Мунк, литератор, родственник Корнелии, читая газету.

Том приблизился к нему бесшумным индейским шагом и вскричал:

– Хуг!

¹ «Декамерон» – (букв. «Десятиднев»), собрание ста новелл итальянского писателя Джованни Боккаччо, одна из самых знаменитых книг раннего итальянского Возрождения, написанная приблизительно в 1352—1354 годы. Большинство новелл этой книги посвящено теме любви.

Мунк отложил газету, обнял мальчика за колени и притянул к себе.

– Все спокойно на Ориноко, – сказал он. – Гуроны преступили в прерию¹.

Но Том опечалился и не поддался игре.

– Не знаете ли вы, кто такой гнев? – мрачно спросил он. – Никому не говорите, что я говорил с вами о гневe.

– Гнев?

– Да, гнев отца. Отец приезжает завтра. С ним приедет гнев. Тетя будет сплетничать, что я пускал пузыри и прожег дырку. Дырка была маленькая, но я... не хочу, чтобы гнев узнал.

– Ах, так! – сказал Мунк с диким и непонятным для Тома хохотом, который заставил мальчика отступить на три шага. – Да, гнев твоего отца выглядит неважно. Чудовище, каких мало. У него четыре руки и четыре ноги. Здорово бегает! Глаза косые. Неприятная личность. Жуткое существо.

Том затосковал и отступил, с недоумением рассматривая Мунка, так весело описывающего страшное существо. У него пропала охота спрашивать кого-либо еще, и он некоторое время задумчиво бродил по аллеям, пока не увидел девочку из соседнего дома, восьмилетнюю Молли; он побежал к ней, чтобы пожаловаться на свои несчастья, но Молли, увидев Тома, пустилась бегом прочь, так как ей было запрещено играть с ним после совместного пуска стрел в стекла оранжереи. Зачинщиком², как всегда в таких случаях, считался Том, хотя на этот раз сама Молли подговорила его «попробовать» попасть в раму.

Движимый чувством привязанности и обожания к тоненькому кудрявому существу, Том бросился напрямик сквозь кусты, расцарапал лицо, но не догнал девочку и, вытерев слезы обиды, пошел домой.

¹ **Ориноко** – одна из главнейших рек Южной Америки; **гуроны** – племена североамериканских индейцев; **прерия** – обширная степь в Северной Америке

² **зачинщик** – тот, кто затевает, начинает что-либо (обычно неблагоприятное)

Служанка, накрыв к завтраку стол, ушла. Том заметил большой графин с золотистым вином и вспомнил, что капитан Кидд¹ (из книги «Береговые пираты») должен был пить ром на необитаемом острове, в совершенном и отвратительном одиночестве.

Том очень любил Кидда, а потому, влезши на стол, налил стакан вина, пробормотав:

– За ваше здоровье, капитан. Я прибыл на пароходе спасти вас. Не бойтесь, мы найдем вашу дочь.

Едва Том отпил из стакана, как вошла Корнелия, сняла пьяницу со стола и молча, но добросовестно шлепнула три раза по тому самому месту.

Затем раздался крик взбешенной старухи, и, вырвавшись из ее рук, преступник бежал в сад, где укрылся под полом деревянной беседки.

Он сознавал, что погиб. Вся его надежда была на защиту отца от гнева.

О своем отце Том помнил лишь, что у него черные усы и теплая большая рука, в которой целиком скрывалось лицо Тома. Матери он не помнил.

Он сидел и вздыхал, стараясь представить, что произойдет, когда из клетки выпустят гнев.

По мнению Тома, клетка была необходима для чудовища. Он вытащил из угла лук с двумя стрелами, которые смастерил сам, но засомневался в достаточности такого оружия. Воодушевившись, Том вылез из-под беседки и осторожно проник в кабинет дяди Карла. Там на стене висели пистолеты и ружья.

Том знал, что они не заряжены, так как говорилось об этом множество раз, но он надеялся выкрасть порох у сына садовника. Пулей мог служить камешек. Едва Том забрался на спинку дивана и начал снимать огромный пистолет с медным стволом, как вошел

¹ **Кидд** – капитан Уильям Кидд (XVII в.), один из самых известных пиратов в истории, часто упоминаемый в литературе персонаж. Считается, что любимым напитком пиратов был ром.

дядя Карл и, свистнув от удивления, ухватил мальчика жесткими пальцами за затылок. Том вырвался, упал с дивана и ушиб колено.

Он встал, прихрамывая, и, опустив голову, угрюмо уставился на огромные башмаки дяди.

– Скажи, Том, – начал дядя, – достойно ли тебя, сына Гаральда Беринга, тайком проникать в этот не знавший никогда скандалов кабинет с целью кражи? Подумал ли ты о своем поступке?

– Я думал, – сказал Том. – Мне, дядя, нужен был пистолет. Я не хочу сдаваться без боя. Ваш гнев, который придет с отцом, возьмет меня только мертвым. Живой я не поддамся ему.

Дядя Карл помолчал, издал звук, похожий на сдавленное мычание, и стал к окну, где начал набивать трубку. Когда он кончил это занятие и повернулся, его лицо чем-то напоминало выражение лица Мунка.

– Я тебя запрю здесь и оставлю без завтрака, – сказал дядя Карл, спокойно останавливаясь в дверях кабинета. – Оставайся и слушай, как щелкнет ключ, когда я закрою дверь. Так же щелкают зубы гнева. Не смей ничего трогать.

С тем он вышел и, два раза щелкнув ключом, вынул его и положил в карман.

Тотчас Том прильнул глазами к замочной скважине. Увидев, что дядя скрылся за поворотом, Том открыл окно, вылез на крышу постройки и спрыгнул с нее на цветник, подмяв цветочный куст. Им двигало холодное отчаяние погибшего существа. Он хотел пойти в лес, вырыть землянку и жить там, питаясь ягодами и цветами, пока не удастся отыскать клад с золотом и оружием.

Так размышляя, Том скользил около ограды и увидел сквозь решетку автомобиль, несущийся по шоссе к дому дяди Карла. В экипаже рядом с пожилым черноусым человеком сидела белокурая молодая женщина. За этим автомобилем мчался второй автомобиль, нагруженный ящиками и чемоданами.

Едва Том рассмотрел все это, как автомобили завернули к подъезду, и шум езды прекратился.

Смутное воспоминание о большой руке, в которой пряталось все его лицо, заставило мальчика остановиться, а затем стремительно помчаться домой. «Неужели это мой отец?» – думал он, пробегая

напрямик по клумбам, забыв о бегстве из кабинета, с жадной утешения и пощады.

С заднего входа Том пробрался через все комнаты в переднюю, и сомнения его исчезли. Корнелия, Карл, Мунк, горничная и мужская прислуга – все были здесь, все суетились вокруг высокого человека с черными усами и его спутницы.

– Да, я выехал днем раньше, – говорил Беринг, – чтобы скорее увидеть мальчика. Но где он? Не вижу его.

– Я приведу его, – сказал Карл.

– Я пришел сам, – сказал Том, протискиваясь между Корнелией и толстой служанкой.

Беринг прищурился, коротко вздохнул и, подняв сына, поцеловал его в расцарапанную щеку.

Дядя Карл вытаращил глаза.

– Но ведь ты был наказан!

Был заперт!

– Сегодня он амнистирован¹,

– заявил Беринг, подведя мальчика к молодой женщине.

«Не это ли его гнев? – подумал Том. – Едва ли. Не похоже».

– Она будет твоей матерью, – сказал Беринг. – Будьте матерью этому дурачку, Кэт.

¹ амнистировать – простить, отпустить

– Мы будем с тобой играть, – шепнул на ухо Тома теплый щекочущий голос.

Он ухватился за ее руку и, веря отцу, посмотрел в ее синие большие глаза. Все это никак не напоминало Карла и Корнелию. К тому же завтрак был обеспечен. Его затормошили и повели умываться. Однако на сердце у Тома не было достаточного спокойствия потому, что он хорошо знал как Карла, так и Корнелию. Они всегда держали свои обещания и теперь, несомненно, вошли в сговор с гневом. Воспользовавшись тем, что горничная отправилась переменить полотенце, Том бросился к комнате, которая, как он знал, была приготовлена для его отца.

Том знал, что гнев там. Он заперт, сидит тихо и ждет, когда его выпустят.

Прильнув к замочной скважине, Том никого не увидел. На полу лежали связки ковров, меха, стояли ящики. Несколько сундуков – среди них два с откинутыми к стене крышками – непривычно изменяли вид большого помещения, обставленного с тяжеловесностью спокойной и неподвижной жизни.

Страшась своих дел, но изнемогая от желания снять давящую сердце тяжесть, Том потянул дверь и вошел в комнату. К его облегчению, на кровати лежал настоящий револьвер. Ничего не понимая в револьверах, зная лишь по книгам, где нужно нажать, чтобы выстрелило, Том схватил браунинг, и, держа его в вытянутой руке, осмелев, подступил к раскрытому сундуку.

Тогда он увидел гнев.

Высотой четверти в две, белое четырехрукое чудовище злобно вытаращило на него из сундука страшные, косые глаза.

Том вскрикнул и нажал там, где нужно было нажать.

Сундук как бы взорвался. Оттуда свистнули черепки, ударив по окну и столам. Том сел на пол, сжимая не устающий палить револьвер, и, отшвырнув его, бросился, рыдая, к бледному, как бумага, Берингу, вбежавшему вместе с Карлом и Корнелией.

– Я убил твой гнев! – кричал он в восторге и потрясении. – Я его застрелил! Он не может теперь никого трогать! Я ничего не сделал! Я прожег дырку, и я пил ром с Киддом, но я не хотел гнева!

– Успокойся, Том, – сказал Беринг, со вздохом облегчения сжимая трепещущее тело сына. – Я все знаю. Мой маленький Том... бедная, живая душа!

1929 г.

зачинщик – հրահրող, խառնակիչ, վատ գործի հեղինակ
амнистировать – ներում շնորհել

Вопросы и задания

1. Что вы узнали о жизни и творчестве А. Грина?
 2. Какой мир создает писатель в своих произведениях?
 3. Расскажите о семье и друзьях маленького Тома Беринга.
 4. Перечислите «преступления», которые совершил Том.
 5. Как повёл себя мальчик, услышав про «гнев отца»?
 6. Расскажите, какой у ребёнка характер.
 7. Как вам кажется, мальчик безобразничает или просто фантазирует и играет в любимых героев?
 8. Как отреагировал отец на неожиданный поступок Тома? Понял ли он своего сына?
 9. Как вы думаете, почему одним из любимых героев маленького Тома был пират Кидд? Расскажите о своих любимых книжных героях. Почему они полюбились вам?
-
- 10*. Сравните героя рассказа А. Грина с героями Марка Твена («Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна») и Р.Л. Стивенсона («Остров сокровищ»).

АКВАРЕЛЬ

Клиссон проснулся не в духе.

Вчера вечером Бетси жестоко упрекала его за то, что он сидит на ее шее, в то время как Вильсон поступил на речной пароход «Деннем».

Должность кочегара¹ предназначалась Клиссону, но он с намерением опоздал к поезду, чтобы «Деннем» ушел в рейс. Прачка² зарабатывала неплохо. Клиссон обдуманно поощрял наклонности Бетси к выпивке. Выпившая женщина давала ему деньги довольно легко. Она считалась хорошей прачкой, поэтому у нее всегда было много работы.

Лежа на кровати с тяжелой головой, с жжением в груди, Клиссон курил папироску и размышлял: каким образом получить крону³? День был праздничный; вчера кочегар условился с приятелями, что встретит их в пивной Фукса.

Веселое зеленое утро шевелило за рамой окна листья плюща. Благоухали кусты, росшие под стеной дома. Клиссон, смотря на желтые и белые цветы, представлял, что это серебряные и золотые монеты. Он насчитал сорок штук и вздохнул.

Бетси внесла железный чайник. Зевая, стала она накрывать на стол.

В комнате не было другой мебели, кроме табуретов, двух кроватей и старого плетеного кресла.

За дверью, в углу, целую неделю копился сор. На подоконнике лежали объедки; пол был усеян огуречной и яблочной кожурой. У стены огромные корзины с грязным бельем распространяли запах сырости.

Двигаясь около стола, прачка задела ногой пустую бутылку; она выразительно откатилась, напомнив Клиссону, что надо выпить.

¹ **кочегар** – рабочий, обслуживающий топку паровых котлов

² **прачка** – работница, занимающаяся стиркой белья

³ **крона** – монета в некоторых европейских странах

Хмурый вид Бетси не вызывал в нем особых надежд. Жалея, что вчера забыл выпросить у нее денег, Клиссон уныло оделся; опасаясь повторения вчерашних нападков, он не торопился вступать в разговор.

Они стали молча пить чай. По тому, как Бетси вырвала из руки кочегара нож, которым тот резал хлеб, Клиссон мрачно убедился, что прачка не забыла «Деннем».

Терять было нечего.

Клиссон сказал:

– Опоздал на поезд. Разве я хотел опоздать? Случай, больше ничего. Не дашь ли ты мне шиллинг?

– А будь я проклята, если дам, – спокойно ответила Бетси. – Я пять домов перестирала за эту неделю. Брошу работать; начну пить, как ты.

Они поругались, потом затихли. Клиссон с отвращением проглотил кружку чая, завидуя Бетси, у которой никогда не болела голова. Чтобы отомстить, он сказал:

– Ты сама пьешь. Вчера напилась, стала петь. Надела рубашку чужую, с кружевами, и хвасталась!

– Так ты мне не давал бы пить. Я столько не пила прежде. Теперь пью и буду пить, денег не дам.

Едва не загорелась драка, но тут прачку через окно окликнула соседка, и Бетси вышла, бросив взгляд на угол корзины с бельем. Едва жена скрылась, Клиссон подскочил к корзине и разрыв бельё в том месте, куда посмотрела Бетси. В коробке от папирос лежали деньги. Клиссон взял крону и быстро привел бельё в порядок, сев затем снова к столу.

Почти тотчас вернувшаяся Бетси с сомнением уставилась на Клиссона, но не догадалась о краже. Вздохнув, она стала вытряхивать за окно одеяло, а Клиссон спрятал кепи во внутренний карман пиджака и через пустые комнаты, напрасно ожидавшие жильцов, прошел к раскрытому окну; он выпрыгнул из него и обогнул сарай, где Бетси летом стирала. Тогда он надел кепи и, убедаясь, что прачка не преследует его, поспешил к станции трамвая.

В переполненном вагоне Клиссон окончательно успокоился.

Приехав через полчаса в город, Клиссон полюбовался своей кроной и направился в пивную Фукса. Переходя с тротуара на тротуар, кочегар посмотрел вокруг и вздрогнул: Бетси быстро шла прямо к нему, не сводя глаз, и значительно кивнула, когда он, невольно остановясь, втянул голову в плечи.

Предстоящее объяснение так тяжело сжало сердце Клиссону, что у него не хватило мужества встретить грозу. Вид черной юбки и клетчатого платка, приближающихся с неумолимой быстротой, вынудил его к бегству, и Клиссон устремился прочь, разглядывая все двери и входы с мечтой найти спасительный путь.

Услышав за спиной крик: «Не уйдешь, подлец!» – Клиссон пустился бежать и свернул за угол. Там был глубокий вход с вращающимися дверьми. Со всей быстротой соображения, вызванной ужасом, Клиссон прочел надпись овального щита: «Весенняя выставка акварелистов» – и вбежал по солнечной лестнице к входу в зал, где его остановила девица решительного вида, заставив купить билет. Меняя крону, он испытывал некоторое удовольствие при мысли, что часть денег все-таки им истрачена и что Бетси потеряла из вида его убегающую спину.

Клиссон прошел в зал, где с высоких стен глянуло на него множество лиц. В его планы не входило критиковать Смайльса и Дежруа; он хотел лишь побыть и уйти. Он видел задумчивых посетителей, обменивающихся тихими замечаниями, и затем... ясно разглядел Бетси: она, холодно улыбаясь, приближалась к нему. Ее глаза были прищурены¹, и она не видела ничего и никого, кроме Клиссона, взявшего ее крону.

– Не ушел? – сказала Бетси ледяным тоном. – Пойдем-ка поговорим.

– Только не здесь, – взмолился Клиссон, устремляясь вперед. – Здесь выставка... Я поехал на выставку... Где же ты была? Не видел тебя в трамвае...

– В следующем вагоне. Ответь: долго будет так? Подлец!

¹ прищуриться – прикрыть веками глаза

– Я не на привязи у тебя, – грубо ответил Клиссон, шагая все быстрее среди толпы.

Стараясь говорить тихо, они ругались, осыпали друг друга проклятиями, и Бетси заплакала. Вороватая душевная тяжесть Клиссона достигла предела. Он видел, что посетители обращают внимание на него и на прачку, подметил вопросительные взгляды, улыбки. Не зная, что делать, Клиссон поворачивал из одной двери в другую, а Бетси следовала за ним, как проникающее в дерево сверло, и Клиссон начал останавливаться возле картин, – хотя ему было не до картин, – выбирая такие места, где толпилось больше публики. В таких случаях Бетси молчала, но стоило ему отойти, как он слышал сдавленный шепот: «Бездельник! Лицемер! Пьяница!» – или: «Немедленно уходи отсюда! Отдай деньги!».

– Замолчи! – сказал Клиссон так громко, что, побоясь скандала, женщина утихла. Следом за ним она подошла к картине, на которую Клиссон уставился угрюмо, как на улыбающегося врага. Человек десять рассматривали картину. Дорожка с полосами света, проникающего сквозь листву и падающего на заросшую плющом стену кирпичного дома с крыльцом, возле которого на деревянной скамейке валялась пустая клетка, показалась Клиссону знакомой.

– Похоже, что это наш дом, – произнес он тоном мольбы, надеясь прекратить казнь.

– С ума сошел?

Но чем больше прачка всматривалась в картину, тем понятнее становилось ей, что это точно тот дом, откуда исчезла злополучная крона. Она узнала окна, скамейку; узнала ветви клена и дуба, между которых протягивала веревки. Яма среди кустов, поворот за угол, наклон крыши, даже выброшенная банка из-под консервов – все это не оставляло сомнений. Глаза и память указывали, что Бетси и Клиссон смотрят на собственное жилище. Восхищенные, испуганные, перебивая друг друга подробными замечаниями, они немедленно доказали сами себе, что ошибки нет.

– За крыльцом мусорное ведро; его не видно! – радостно заявила Бетси.

– Да-а... а внутри-то?! Хоть бы ты подмела, – с горечью отозвался Клиссон.

Они отошли в угол; там, шепчась между собой, старались они понять, как попало сюда изображение дома. Клиссон высказал догадку, не есть ли картина раскрашенная фотография. Но Бетси вспомнила человека, который месяца полтора назад шел с ящиком и складным стулом.

«Сцена на выставке», илл. А. Бруньковского (1987)

– Я тогда же подумала, – сказала она, – идет и ни на что не обращает внимания. Я хотела вернуться, было мне странно его там встретить – ни на кого не похож! А ты пропал три дня. Два дня я тебя искала.

Они наговорились и вернулись к картине, так необычно уничтожившей их враждебное настроение. Перед картиной стояло несколько человек. Видеть этих людей казалось Клиссону так же странным, как если бы они пришли в дом смотреть жизнь. Дама сказала:

– Самая прекрасная вещь сезона. Как хорош свет! Посмотрите на плющ!

Услышав это, Клиссон и Бетси ободрились, подошли ближе.

Их терзало опасение, что зрители увидят пустые бутылки и узлы с грязным бельем. Между тем картина начала действовать, они проникались прелестью запущенной зелени, обвинившей кирпичный дом в то утро, когда по пересеченной светом тропе прошел человек со складным стулом.

Они оглядывались с гордым видом, страшно жалея, что никогда не решатся заявить о принадлежности этого жилья им.

«Живем там второй год», – мелькнуло у них. Клиссон выпрямился. Бетси запахнула на худой груди платок.

9*. С какими произведениями А. Грина вы знакомы? Какие экранизации его произведений вы видели (рекомендуем посмотреть фильм [«Алые паруса»](#)).

МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ БУЛГАКОВ

1891-1940

Родился 15 мая 1891 года в Киеве в семье профессора Киевской духовной академии. В 1909 году после окончания лучшей в Киеве гимназии Булгаков поступил на медицинский факультет Киевского университета. В 1916 году, получив диплом, работал врачом в селе Никольское Смоленской губернии. Впечатления тех лет легли в основу цикла рассказов «Записки юного врача».

М.А.Булгаков в 1926 г.

Еще студентом Булгаков начал писать прозу, в основном, связанную с врачебной практикой. После Октябрьской революции 1917 года Булгаков вместе с женой Т. Лаппа вернулся в Киев. Когда в 1919 году в Киев вошла Добровольческая армия белых, Булгаков был мобилизован и в качестве военного врача уехал на Северный Кавказ. Заболев тифом, Булгаков не смог покинуть Владикавказ вместе с Добровольческой армией. Некоторое время он оставался там, зарабатывая на жизнь пьесами, написанными по заказу местного театра.

1928 г.

В 1921 году Булгаков приехал в Москву. Начал сотрудничество с несколькими газетами и журналами в качестве фельетониста. В эти годы написаны повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце».

В 1925 году Булгаков опубликовал в журнале «Россия» роман «Белая гвардия» (неполный вариант), работу над которым начал еще во Владикавказе. Трагедия гражданской войны, разыгрывающаяся в родном писателю Киеве,

показана как трагедия не только народа в целом, но и «отдельно взятой» семьи интеллигентов Турбиных и их близких друзей. Булгаков с любовью рассказал об атмосфере уютного дома, в котором живут любящие друг друга люди.

В год публикации романа Булгаков начал работу над пьесой, сюжетно и тематически связанной с «Белой гвардией» и получившей впоследствии название «Дни Турбиных». Премьера спектакля состоялась в 1926 году во МХАТе (Московский Художественный академический театр), пьеса имела огромный успех у зрителей. Спектакль выдержал 987 представлений. По воспоминаниям современников, пьеса понравилась Сталину, он смотрел ее более 10 раз.

В конце 1920-х годов Булгаков стал подвергаться нападкам официальной критики. В марте 1930 года Булгаков обратился к И. Сталину с письмом, в котором просил либо дать ему возможность выехать из СССР, либо разрешить зарабатывать на жизнь в театре. Через месяц Сталин позвонил Булгакову и разрешил ему работать, после чего писатель получил должность ассистента режиссера во МХАТе. Но произведения писателя по-прежнему не публиковались.

Булгаков с третьей женой
Еленой Сергеевной, 1939 г.

В 1936 году Булгаков зарабатывал переводами и написанием либретто¹ для Большого театра, а также играл в некоторых спектаклях МХАТа. В 1938 году он написал пьесу «Батум», центральной фигурой которой стал молодой Сталин, но пьеса была запрещена. В это же время Булгаков писал роман, начатый еще в 1929 году. Первоначальный вариант (по собственному определению писателя, «роман о дьяволе») был им уничтожен. В 1934 году была создана первая полная редакция текста, получившего в дальнейшем название «Мастер и Маргарита». В это время Булгаков был уже смертельно болен, некоторые главы романа он диктовал жене, Елене

¹ **либретто** – краткое изложение содержания пьесы, оперы, балета

Булгаковой. Работа над романом была закончена за месяц до смерти писателя. Умер Булгаков в Москве 10 марта 1940 года.

Роман «Мастер и Маргарита»

За годы работы над «Мастером и Маргаритой» авторская концепция существенно изменилась – от сатирического романа до философского произведения, в котором сатирическая линия является только составляющей сложного композиционного целого. Текст насыщен множеством ассоциаций – в первую очередь, с «Фаустом» Гете, из которого взят эпиграф к роману и имя сатаны – Воланд.

Роман «Мастер и Маргарита» состоит как бы из двух романов (*роман в романе* – прием, используемый Булгаковым и в других произведениях). Один роман, в котором художественно переосмыслены евангельские истории, написан Мастером; другой показывает современную Москву и повествует о судьбе самого Мастера. На первый взгляд – два, совершенно не связанных друг с другом повествования: ни по содержанию, ни даже по исполнению.

Яркие краски, фантастические образы, причудливый стиль в современных картинах и очень точный, строгий, даже несколько торжественный тон в романе о Понтии Пилате, который выдерживается во всех библейских главах. Но, как отмечают исследователи, оба плана булгаковского романа – современный и древний – композиционно связаны посредством ассоциаций, повторов и параллелей.

Обложка романа «Мастер и Маргарита» работы Е.Еськовой

Яркие краски, фантастические образы, причудливый стиль в современных картинах и очень точный, строгий, даже несколько торжественный тон в романе о Понтии Пилате, который выдерживается во всех библейских главах. Но, как отмечают исследователи, оба плана булгаковского романа – современный и древний – композиционно связаны посредством ассоциаций, повторов и параллелей.

Булгаков пытался опубликовать свое произведение. Однако подвергнутый тщательной цензуре роман появился в журнале «Москва» лишь в 1967 г., через 27 лет после смерти автора. Публикация стала важнейшим культурным событием того времени. Многие фразы из романа («Рукописи не горят»; «Квартирный вопрос только испортил их» и др.) перешли в разряд фразеологизмов.

МАСТЕР И МАРГАРИТА

*...Так кто ж ты, наконец?
– Я – часть той силы,
Что вечно хочет зла
И вечно совершает благо.
Гете. «Фауст»*

Глава 1. Никогда не разговаривайте с неизвестными

Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина. Первый из них, одетый в летний серенький костюм, был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной оправе. Второй – плечистый, рыжеватый молодой человек в сдвинутой на затылок клетчатой кепке – был в ковбойке, жеваных белых брюках и в черных тапочках.

Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой Массолит, и редактор толстого художественного журнала, а молодой спутник его – поэт Иван Николаевич Понырев, пишущий под псевдонимом Бездомный.

Попав в тень чуть зеленеющих лип, писатели первым делом бросились к пестро раскрашенной будочке с надписью «Пиво и воды».

Да, следует отметить первую странность этого страшного майского вечера. Не только у будочки, но и во всей аллее, параллельной Малой Бронной улице, не оказалось ни одного человека. В тот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, – никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея.

– Дайте нарзану¹, – попросил Берлиоз.

– Нарзану нету, – ответила женщина в будочке и почему-то обиделась.

– Пиво есть? – сильным голосом осведомился Бездомный.

– Пиво привезут к вечеру, – ответила женщина.

– А что есть? – спросил Берлиоз.

– Абрикосовая, только теплая, – сказала женщина.

– Ну, давайте, давайте, давайте!..

Абрикосовая дала обильную желтую пену, и в воздухе запахло парикмахерской. Напившись, литераторы немедленно начали икать, расплатились и уселись на скамейке лицом к пруду и спиной к Бронной.

Тут приключилась вторая странность, касающаяся одного Берлиоза. Он внезапно перестал икать, сердце его стукнуло и на мгновение куда-то провалилось, потом вернулось, но с тупой иглой, засевшей в нем. Кроме того, Берлиоз охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки. Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало. Он побледнел, вытер лоб платком, подумал: «Что это со мной? Этого никогда не было... сердце шалит... я переутомился. Пожалуй, пора бросить все к черту и в Кисловодск...»

И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейская кепочка, клетчатый тесноватый воздушный же пиджачок... Гражданин ростом был высок, но в плечах узок, худ неимоверно, и физиономия, прошу заметить, насмешливая.

Жизнь Берлиоза складывалась так, что к необыкновенным явлениям он не привык. Еще более побледнев, он вытаращил

Илл. А.Н. Шуст

¹ нарзан – минеральная вода

Илл. П. Оринянский

глаза и в смятении подумал: «Этого не может быть!..»

Но это, увы, было, и длинный, сквозь которого видно, гражданин, не касаясь земли, качался перед ним и влево и вправо.

Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза.

А когда он их открыл, увидел, что все кончилось, видение растворилось, клетчатый исчез, а заодно и тупая игла выскочила из сердца.

– Фу ты черт! – воскликнул редактор, – ты знаешь, Иван, у меня сейчас едва удар от жары не

сделался! Даже что-то вроде галлюцинации было, – он попытался усмехнуться, но в глазах его еще прыгала тревога, и руки дрожали.

Однако постепенно он успокоился, обмахнулся платком и, произнеся довольно бодро: «Ну-с, итак...» – повел речь, прерванную питьем абрикосовой.

Речь эта, как впоследствии узнали, шла об Иисусе Христе. Дело в том, что редактор заказал поэту для очередной книжки журнала большую антирелигиозную поэму. Эту поэму Иван Николаевич сочинил, и в очень короткий срок, но, к сожалению, ею редактора несколько не удовлетворил. Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками, и тем не менее всю поэму приходилось, по мнению редактора, писать заново. И вот теперь редактор читал поэту нечто вроде лекции об Иисусе, с тем чтобы подчеркнуть основную ошибку поэта. Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича –

изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство с вопросом, по которому он собирался писать, – но Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж. Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф.

Надо заметить, что редактор был человеком начитанным и очень умело указывал в своей речи на древних историков, никогда ни словом не упомиавших о существовании Иисуса.

Поэт, для которого все, сообщаемое редактором, являлось новостью, внимательно слушал Михаила Александровича, уставив на него свои бойкие зеленые глаза, и лишь изредка икал, шепотом ругая абрикосовую воду.

– Нет ни одной восточной религии, – говорил Берлиоз, – в которой, как правило, непорочная дева не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых. Вот на это-то и нужно сделать главный упор...

Высокий тенор Берлиоза разносился в пустынной аллее, и по мере того, как Михаил Александрович забирался в дебри, в которые может забираться, не рискуя свернуть себе шею, лишь очень образованный человек, – поэт узнавал все больше и больше интересного и полезного и про египетского Озириса, благостного бога и сына Неба и Земли, и про финикийского бога Фаммуза, и про Мардука, и даже про менее известного грозного бога Вицлипуцли, которого весьма почитали некогда ацтеки в Мексике.

И вот как раз в то время, когда Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицлипуцли, в аллее показался первый человек.

Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно, разные учреждения представили свои сводки с описанием этого

человека. Сличение¹ их не может не вызвать изумления. Так, в первой из них сказано, что человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Во второй – что человек был росту громадного, коронки имел платиновые, хромал на левую ногу. Третья лаконически сообщает, что особых примет у человека не было.

Приходится признать, что ни одна из этих сводок никуда не годится.

Раньше всего: ни на какую ногу описываемый не хромал, и

Илл. А.Н.Шуст

росту был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой – золотые. Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя². По виду – лет сорока

с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом – иностранец³.

Пройдя мимо скамьи, на которой помещались редактор и поэт, иностранец покосился на них, остановился и вдруг уселся на соседней скамейке, в двух шагах от приятелей.

«Немец», – подумал Берлиоз.

¹ **сличение** – сравнение

² В «Фаусте» Гете Мефистофель (черт) впервые появляется в образе черного пуделя

³ Советские граждане смотрели на иностранцев как на людей, общение с которыми опасно. Это была эпоха разоблачения «врагов народа» и шпиономании, о чем и говорит название первой главы романа.

«Англичанин, – подумал Бездомный, – ишь, и не жарко ему в перчатках».

А иностранец окинул взглядом высокие дома, квадратом окаймлявшие пруд, причем заметно стало, что видит это место он впервые и что оно его заинтересовало.

Он остановил свой взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах изломанное и навсегда уходящее от Михаила Александровича солнце, затем перевел его вниз, где стекла начали предвечерне темнеть, чему-то снисходительно усмехнулся, прищурился, руки положил на набалдашник, а подбородок на руки.

– Ты, Иван, – говорил Берлиоз, – очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына божия, но соль-то в том, что еще до Иисуса родился еще ряд сынов божиих, как, скажем, фригийский Аттис, коротко же говоря, ни один из них не родился и никого не было, в том числе и Иисуса, и необходимо, чтобы ты, вместо рождения и, скажем, прихода волхвов, описал нелепые слухи об этом рождении... А то выходит по твоему рассказу, что он действительно родился!..

Тут Бездомный сделал попытку прекратить замучившую его икоту, задержав дыхание, отчего икнул мучительнее и громче, и в этот же момент Берлиоз прервал свою речь, потому что иностранец вдруг поднялся и направился к писателям.

Те поглядели на него удивленно.

– Извините меня, пожалуйста, – заговорил подошедший с иностранным акцентом, но не коверкая слов, – что я, не будучи знаком, позволяю себе... но предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что...

Тут он вежливо снял берет, и друзьям ничего не оставалось, как приподняться и раскланяться.

«Нет, скорее француз...» – подумал Берлиоз.

«Поляк?...» – подумал Бездомный.

Необходимо добавить, что на поэта иностранец с первых же слов произвел отвратительное впечатление, а Берлиозу скорее

понравился, то есть не то чтобы понравился, а... как бы выразиться... заинтересовал, что ли.

– Разрешите мне присесть? – вежливо попросил иностранец, и приятели как-то невольно раздвинулись; иностранец ловко уселся между ними и тотчас вступил в разговор.

– Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свете? – спросил иностранец, обращая к Берлиозу свой левый зеленый глаз.

– Нет, вы не ослышались, – учтиво ответил Берлиоз, – именно это я и говорил.

– Ах, как интересно! – воскликнул иностранец.

«А какого черта ему надо?» – подумал Бездомный и нахмурился.

– А вы соглашались с вашим собеседником? – осведомился неизвестный, повернувшись вправо к Бездомному.

– На все сто! – подтвердил тот, любя выразиться вычурно и

фигурально.

– Изумительно! – воскликнул непрошенный собеседник и, почему-то воровски оглянувшись и приглушив свой низкий голос, сказал: – Простите мою навязчивость, но я так понял, что вы, помимо всего прочего, еще и не верите в бога? – он сделал испуганные глаза и прибавил: – Клянусь, я никому не скажу.

– Да, мы не верим в бога, – чуть улыбнувшись испугу интуриста¹, ответил Берлиоз. – Но об этом можно говорить совершенно свободно.

Илл. Н. Королёва

¹ интурист – иностранный турист

Иностранец откинулся на спинку скамейки и спросил, даже привизгнув от любопытства:

– Вы – атеисты?!

– Да, мы – атеисты, – улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, рассердившись: «Вот прицепился, заграничный гусь!»

– Ох, какая прелесть! – вскричал удивительный иностранец и завертел головой, глядя то на одного, то на другого литератора.

– В нашей стране атеизм никого не удивляет, – дипломатически вежливо сказал Берлиоз, – большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о боге.

Тут иностранец отколол такую штуку: встал и пожал изумленному редактору руку, произнеся при этом слова:

– Позвольте вас поблагодарить от всей души!

– За что это вы его благодарите? – заморгав, осведомился Бездомный.

– За очень важное сведение, которое мне, как путешественнику, чрезвычайно интересно, – многозначительно подняв палец, пояснил заграничный чудак.

Важное сведение, по-видимому, действительно произвело на путешественника сильное впечатление, потому что он испуганно обвел глазами дома, как бы опасаясь в каждом окне увидеть по атеисту.

«Нет, он не англичанин...» – подумал Берлиоз, а Бездомный подумал: «Где это он так наловчился говорить по-русски, вот что интересно!» – и опять нахмурился.

– Но, позвольте вас спросить, – после тревожного раздумья спросил заграничный гость, – как же быть с доказательствами бытия божия, коих, как известно, существует ровно пять?

– Увы! – с сожалением ответил Берлиоз, – ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования бога быть не может.

– Bravo! – вскричал иностранец, – bravo! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому

поводу. Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, соорудил собственное шестое доказательство!

– Доказательство Канта¹, – тонко улыбнувшись, возразил образованный редактор, – также неубедительно. И недаром Шиллер говорил, что кантовские рассуждения по этому вопросу могут удовлетворить только рабов, а Штраус просто смеялся над этим доказательством.

Берлиоз говорил, а сам в это время думал: «Но, все-таки, кто же он такой? И почему так хорошо говорит по-русски?»

– Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки²! – совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич.

– Иван! – смутившись, шепнул Берлиоз.

Но предложение отправить Канта в Соловки не только не поразило иностранца, но даже привело в восторг.

– Именно, именно, – закричал он, и левый зеленый глаз его, обращенный к Берлиозу, засверкал, – ему там самое место! Ведь говорил я ему тогда за завтраком: «Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут».

Берлиоз выпучил глаза. «За завтраком... Канту?.. Что это он плетет?» – подумал он.

– Но, – продолжал иноземец, не смущаясь изумлением Берлиоза и обращаясь к поэту, – отправить его в Соловки невозможно по той причине, что он уже с лишком сто лет пребывает в местах значительно более отдаленных, чем Соловки, и извлечь его оттуда никоим образом нельзя, уверяю вас!

– А жаль! – отозвался задира-поэт.

– И мне жаль! – подтвердил неизвестный, сверкая глазом, и продолжал: – Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели бога нет,

¹ **Иммануил Кант** (1724-1804) – немецкий философ, крупнейший представитель немецкого идеализма, родоначальник немецкой классической философии

² **Соловки** – острова на севере России, на которых были расположены «Соловецкие лагеря особого назначения», получившие в народе страшную славу

то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?

– Сам человек и управляет, – поспешил сердито ответить Бездомный на этот, признаться, не очень ясный вопрос.

– Виноват, – мягко отозвался неизвестный, – для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день? И, в самом деле, – тут неизвестный повернулся к Берлиозу, – вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома¹ легкого... – тут иностранец сладко усмехнулся, как будто мысль о саркоме легкого доставила ему удовольствие, – да, саркома, – жмурясь, как кот, повторил он звучное слово, – и вот ваше управление закончилось! Ничья судьба, кроме своей собственной, вас более не интересует. Родные вам начинают лгать, вы, чуя неладное, бросаетесь к ученым врачам, затем к шарлатанам, а бывает, и к гадалкам. Как первое и второе, так и третье – совершенно бессмысленно, вы сами понимаете. И все это кончается трагически: тот, кто еще недавно полагал, что он чем-то управляет, оказывается вдруг лежащим неподвижно в деревянном ящике, и окружающие, понимая, что толку от лежащего нет более никакого, сжигают его в печи. А бывает и еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск, – тут иностранец прищурился на Берлиоза, – пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, потому что неизвестно почему вдруг возьмет поскользнется и попадет под трамвай! Неужели вы скажете, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой? – и здесь незнакомец рассмеялся странным смешком.

¹ саркома – скоротечное онкологическое заболевание

Берлиоз с великим вниманием слушал неприятный рассказ про саркому и трамвай, и какие-то тревожные мысли начали мучить его. «Он не иностранец! Он не иностранец! – думал он, – он престранный субъект... Но позвольте, кто же он такой?»

– Вы хотите курить, как я вижу? – неожиданно обратился к Бездомному неизвестный, – вы какие предпочитаете?

– А у вас разные, что ли, есть? – мрачно спросил поэт, у которого папиросы кончились.

– Какие предпочитаете? – повторил неизвестный.

– Ну, «Нашу марку», – злобно ответил Бездомный.

Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар и предложил его Бездомному:

– «Наша марка».

И редактора и поэта не столько поразило то, что нашлась в портсигаре именно «Наша марка», сколько сам портсигар. Он был громадных размеров, червонного золота, и на крышке его при открывании сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник¹.

Тут литераторы подумали разное. Берлиоз: «Нет, иностранец!», а Бездомный: «Вот черт его возьми! А?»

Поэт и владелец портсигара закурили, а некурящий Берлиоз отказался.

«Надо будет ему возразить так, – решил Берлиоз, – да, человек смертен, никто против этого и не спорит. А дело в том, что...»

Однако он не успел выговорить этих слов, как заговорил иностранец:

– Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер.

«Какая-то нелепая постановка вопроса...» – помыслил Берлиоз и возразил:

¹ Треугольник является обозначением древнегреческой буквы «дельта», первой буквы слова «дьявол»

– Ну, здесь уж есть преувеличение. Сегодняшний вечер мне известен более или менее точно. Само собой разумеется, что, если на Бронной мне свалится на голову кирпич...

– Кирпич ни с того ни с сего, – внушительно перебил неизвестный, – никому и никогда на голову не свалится. В частности же, уверяю вас, вам он ни в коем случае не угрожает. Вы умрете другой смертью.

– Может быть, вы знаете, какой именно? – с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз, вовлекаясь в какой-то действительно нелепый разговор, – и скажете мне?

– Охотно, – отозвался незнакомец. Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался сшить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть – несчастье... вечер – семь...» – и громко и радостно объявил: – Вам отрежут голову!

Бездомный дико и злобно вытаращил глаза на развязного¹ неизвестного, а Берлиоз спросил, криво усмехнувшись:

– А кто именно? Враги? Интервенты²?

– Нет, – ответил собеседник, – русская женщина, комсомолка.

– Гм... – промычал раздраженный шуточкой неизвестного Берлиоз, – ну, это, извините, маловероятно.

– Прошу и меня извинить, – ответил иностранец, – но это так. Да, мне хотелось бы спросить вас, что вы будете делать сегодня вечером, если это не секрет?

– Секрета нет. Сейчас я зайду к себе на Садовую, а потом в десять часов вечера в Массолите состоится заседание, и я буду на нем председательствовать.

– Нет, этого быть никак не может, – твердо возразил иностранец.

– Это почему?

¹ развязный – фамильярный, наглый

² интервент – участник интервенции, вооруженного вмешательства иностранцев во внутренние дела какой-нибудь страны

– Потому, – ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, бесшумно чертили черные птицы, – что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила. Так что заседание не состоится.

Тут, как вполне понятно, под липами наступило молчание.

– Простите, – после паузы заговорил Берлиоз, поглядывая на мелющего чепуху иностранца, – при чем здесь подсолнечное масло... и какая Аннушка?

– Подсолнечное масло здесь вот при чем, – вдруг заговорил Бездомный, очевидно, решив объявить незванному собеседнику войну, – вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?

– Иван!.. – тихо воскликнул Михаил Александрович.

Но иностранец ничуть не обиделся и превесело рассмеялся.

– Бывал, бывал и не раз! – вскричал он, смеясь, но не сводя несмеющегося глаза с поэта, – где я только не бывал! Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения. Так что вы уж сами узнайте это у него, Иван Николаевич!

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает? – здесь иностранец вытащил из кармана вчерашний номер «Литературной газеты», и Иван Николаевич увидел на первой же странице свое изображение, а под ним свои собственные стихи. Но вчера еще радовавшее доказательство славы и популярности на этот раз ничуть не обрадовало поэта.

– Я извиняюсь, – сказал он, и лицо его потемнело, – вы не можете подождать минутку? Я хочу товарищу пару слов сказать.

– О, с удовольствием! – воскликнул неизвестный, – здесь так хорошо под липами, а я, кстати, никуда и не спешу.

– Вот что, Миша, – зашептал поэт, оттащив Берлиоза в сторону, – он никакой не интурист, а шпион. Это русский эмигрант, перебравшийся к нам. Спрашивай у него документы, а то уйдет...

– Ты думаешь? – встревоженно шепнул Берлиоз, а сам подумал: «А ведь он прав!»

– Уж ты мне верь, – засипел ему в ухо поэт, – он дурачком прикидывается, чтобы выспросить кое-что. Ты слышишь, как он по-русски говорит, – поэт говорил и косился, следя, чтобы неизвестный не удрал, – идем, задержим его, а то уйдет...

И поэт за руку потянул Берлиоза к скамейке.

Незнакомец не сидел, а стоял возле нее, держа в руках какую-то книжечку в темно-сером переплете, плотный конверт хорошей бумаги и визитную карточку.

– Извините меня, что я в пылу нашего спора забыл представить себя вам. Вот моя карточка, паспорт и приглашение приехать в Москву для консультации, – веско проговорил неизвестный, проницательно глядя на обоих литераторов.

Те смутились. «Черт, слышал все...» – подумал Берлиоз и вежливым жестом показал, что в предъявлении документов нет надобности. Пока иностранец совал их редактору, поэт успел разглядеть на карточке напечатанное иностранными буквами слово «профессор» и начальную букву фамилии – двойное «В» – «W».

– Очень приятно, – тем временем смущенно бормотал редактор, и иностранец спрятал документы в карман.

Отношения таким образом были восстановлены, и все трое снова сели на скамью.

– Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор? – спросил Берлиоз.

– Да, консультантом.

– Вы – немец? – осведомился Бездомный.

– Я-то?... – переспросил профессор и вдруг задумался. – Да, пожалуй, немец... – сказал он.

– Вы по-русски здорово говорите, – заметил Бездомный.

– О, я вообще полиглот и знаю очень большое количество языков, – ответил профессор.

– А у вас какая специальность? – осведомился Берлиоз.

– Я – специалист по черной магии.

«На тебе!» – стукнуло в голове у Михаила Александровича.

– И... и вас по этой специальности пригласили к нам? – заикнувшись, спросил он.

– Да, по этой пригласили, – подтвердил профессор и пояснил: – Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века, так вот требуется, чтобы я их разобрал. Я единственный в мире специалист.

– А-а! Вы историк? – с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз.

– Я – историк, – подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: – Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история!

И опять крайне удивились и редактор и поэт, а профессор поманил обоих к себе и, когда они наклонились к нему, прошептал:

– Имейте в виду, что Иисус существовал.

– Видите ли, профессор, – принужденно улыбнувшись, отозвался Берлиоз, – мы уважаем ваши большие знания, но сами по этому вопросу придерживаемся другой точки зрения.

– А не надо никаких точек зрения! – ответил странный профессор, – просто он существовал, и больше ничего.

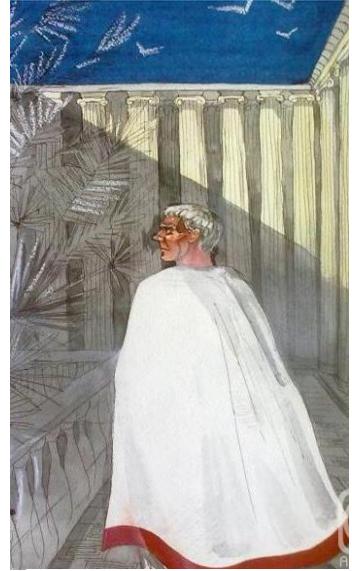
– Но требуется же какое-нибудь доказательство... – начал Берлиоз.

– И доказательств никаких не требуется, – ответил профессор и заговорил негромко, причем его акцент почему-то пропал: – Все просто: в белом плаще...

Глава 2. Понтий Пилат

В белом плаще с кровавым подбоем¹, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана² в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

Более всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла, и все теперь предвещало нехороший день, так как запах этот начал преследовать прокуратора с рассвета. Прокуратору казалось, что розовый запах испускают кипарисы и пальмы в саду, что к запаху кожи и стражи примешивается проклятая розовая струя. От флигелей³ позади дворца, где расположилась пришедшая с прокуратором в Ершалаим⁴ первая когорта двенадцатого молниеносного легиона, заносило дымком в колоннаду через верхнюю площадку сада, и к горьковатому дыму примешивался все тот же жирный розовый дух. О боги, боги, за что вы наказываете меня?

Илл. А.Н.Шуст

¹ **подбой** – подкладка на плаще

² **нисан** – седьмой месяц еврейского года; в 15-ый день этого месяца евреи празднуют пасху

³ **флигель** – боковая пристройка к зданию

⁴ В «древних» главах Булгаков дал другие, непривычные читателям названия и имена. Так, вместо Иерусалима появляется Ершалаим, вместо Иисуса – Иешуа Га-Ноцри, Иуда из Кириафа вместо Иуды Искарота, Левий Матвей вместо Матфея, Лысая Гора – Голгофа (в переводе с греческого – «лобное место», на арамейском Голгофа означала «череп, голова») и др.

«Да, нет сомнений! Это она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь гемикрания¹, при которой болит полголовы. От нее нет средств, нет никакого спасения. Попробую не двигать головой.»

На мозаичном полу у фонтана уже было приготовлено кресло, и прокуратор, не глядя ни на кого, сел в него и протянул руку в сторону.

Секретарь почтительно вложил в эту руку кусок пергамента. Не удержавшись от болезненной гримасы, прокуратор искоса, бегло проглядел написанное, вернул пергамент секретарю и с трудом проговорил:

– Подследственный из Галилеи? К тетрарху дело посылали?

– Да, прокуратор, – ответил секретарь.

– Что же он?

– Он отказался дать заключение по делу и смертный приговор Синедриона направил на ваше утверждение, – объяснил секретарь.

Прокуратор дернул щекой и сказал тихо:

– Приведите обвиняемого.

И сейчас же с площадки сада под колонны на балкон двое легионеров ввели и поставили перед креслом прокуратора человека лет двадцати семи. Этот человек был одет в старенький и разорванный голубой хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки связаны за спиной. Под левым глазом у человека был большой синяк, в углу рта – ссадина с запекшейся кровью. Приведенный с тревожным любопытством глядел на прокуратора.

Тот помолчал, потом тихо спросил по-арамейски:

– Так это ты подговаривал народ разрушить Ершалаимский храм?

Прокуратор при этом сидел как каменный, и только губы его шевелились чуть-чуть при произнесении слов. Прокуратор был как каменный, потому что боялся качнуть пылающей адской болью головой.

¹ гемикрания – мигрень

Человек со связанными руками несколько подался вперед и начал говорить:

– Добрый человек! Поверь мне...

Но прокуратор, по-прежнему не шевелясь и ничуть не повышая голоса, тут же перебил его:

– Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься. В Ершалаиме все шепчут про меня, что я свирепое чудовище, и это совершенно верно, – и так же монотонно прибавил: – Кентуриона Крысобоя ко мне.

Всем показалось, что на балконе потемнело, когда кентурион, командующий особой кентурией, Марк, прозванный Крысобоем, предстал перед прокуратором.

Крысобой был на голову выше самого высокого из солдат легиона и настолько широк в плечах, что совершенно заслонил еще невысокое солнце.

Прокуратор обратился к кентуриону по-латыни:

– Преступник называет меня «добрый человек». Выведите его отсюда на минуту, объясните ему, как надо разговаривать со мной. Но не калечить.

И все, кроме неподвижного прокуратора, проводили взглядом Марка Крысобоя, который махнул рукою арестованному, показывая, что тот должен следовать за ним.

Крысобоя вообще все провожали взглядами, где бы он ни появлялся, из-за его роста, а те, кто видел его впервые, из-за того еще, что лицо кентуриона было изуродовано: нос его некогда был разбит ударом германской палицы.

Илл. М. Тераудс

Простучали тяжелые сапоги Марка по мозаике, связанный пошел за ним бесшумно, полное молчание настало в колоннаде, и слышно было, как ворковали голуби на площадке сада у балкона, да еще вода пела замысловатую приятную песню в фонтане.

Прокуратору захотелось подняться, подставить висок под струю и так замереть. Но он знал, что и это ему не поможет.

Выведя арестованного из-под колонн в сад, Крысобой вынул из рук у легионера, стоявшего у подножия бронзовой статуи, бич и, несильно размахнувшись, ударил арестованного по плечам. Движение кентуриона было небрежно и легко, но связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска сбежала с его лица и глаза обесмыслились. Марк одною левою рукой, легко, как пустой мешок, вздернул на воздух упавшего, поставил его на ноги и заговорил, плохо выговаривая арамейские слова:

– Римского прокуратора называть – игемон. Других слов не говорить. Смирно стоять. Ты понял меня или ударить тебя?

Арестованный пошатнулся, но совладал с собою, краска вернулась, он перевел дыхание и ответил хрипло:

– Я понял тебя. Не бей меня.

Через минуту он вновь стоял перед прокуратором.

Прозвучал тусклый больной голос:

– Имя?

– Мое? – торопливо отозвался арестованный, всем существом выражая готовность отвечать толково, не вызывать более гнева.

Прокуратор сказал негромко:

– Мое – мне известно. Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Твое.

– Иешуа, – поспешно ответил арестант.

– Прозвище есть?

– Га-Ноцри.

– Откуда ты родом?

– Из города Гамалы, – ответил арестант, головой показывая, что там, где-то далеко, направо от него, на севере, есть город Гамала.

– Кто ты по крови?

– Я точно не знаю, – живо ответил арестованный, – я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец...

– Где ты живешь постоянно?

– У меня нет постоянного жилища, – застенчиво ответил арестант, – я путешествую из города в город.

– Это можно выразить короче, одним словом – бродяга, – сказал прокуратор и спросил: – Родные есть?

– Нет никого. Я один в мире.

– Грамотен?

– Да.

– Знаешь ли какой-либо язык, кроме арамейского?

– Знаю. Греческий.

Вспухшее веко приподнялось, подернутый дымкой страдания глаз уставился на арестованного. Другой глаз остался закрытым.

Пилат заговорил по-гречески:

– Так ты собирался разрушить здание храма и призывал к этому народ?

Тут арестант опять оживился, глаза его перестали выражать испуг, и он заговорил по-гречески:

– Я, доб... – тут ужас мелькнул в глазах арестанта оттого, что он едва не оговорился, – я, игемон, никогда в жизни не собирался разрушать здание храма и никого не подговаривал на это бессмысленное действие.

Удивление выразилось на лице секретаря, сгорбившегося над низеньким столом и записывающего показания. Он поднял голову, но тотчас же опять склонил ее к пергаменту.

– Множество разных людей стекается в этот город к празднику. Бывают среди них маги, астрологи, предсказатели и убийцы, – говорил монотонно прокуратор, – а попадают и лгуны. Ты, например, лгун. Записано ясно: подговаривал разрушить храм. Так свидетельствуют люди.

– Эти добрые люди, – заговорил арестант и, торопливо прибавив: – игемон, – продолжал: – ничему не учились и все

перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И все из-за того, что он неверно записывает за мной.

Наступило молчание. Теперь уже оба больных глаза тяжело глядели на арестанта.

– Повторяю тебе, но в последний раз: перестань притворяться сумасшедшим, разбойник, – произнес Пилат мягко и монотонно, – за тобою записано немного, но записанного достаточно, чтобы тебя повесить.

– Нет, нет, игемон, – весь напрягаясь в желании убедить, заговорил арестованный, – ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там написано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал.

– Кто такой? – брезгливо спросил Пилат и тронул висок рукой.

– Левий Матвей, – охотно объяснил арестант, – он был сборщиком налогов, и я с ним встретился впервые на дороге в Виффагии, там, где углом выходит фиговый сад, и разговорился с ним. Первоначально он отнесся ко мне неприязненно и даже оскорблял меня, то есть думал, что оскорбляет, называя меня собакой, – тут арестант усмехнулся, – я лично не вижу ничего дурного в этом звере, чтобы обижаться на это слово...

Секретарь перестал записывать и исподтишка бросил удивленный взгляд, но не на арестованного, а на прокуратора.

– ...однако, послушав меня, он стал смягчаться, – продолжал Иешуа, – наконец бросил деньги на дорогу и сказал, что пойдет со мной путешествовать...

Пилат усмехнулся одною щекой, оскалив желтые зубы, и промолвил, повернувшись всем туловищем к секретарю:

– О, город Ершалаим! Чего только не услышишь в нем. Сборщик налогов, вы слышите, бросил деньги на дорогу!

Не зная, как ответить на это, секретарь счел нужным повторить улыбку Пилата.

– А он сказал, что деньги ему отныне стали ненавистны, – объяснил Иешуа странные действия Левия Матвея и добавил: – И с тех пор он стал моим спутником.

Все еще скалясь, прокуратор поглядел на арестованного, затем на солнце, неуклонно поднимающееся вверх над конными статуями гипподрома, лежащего далеко внизу направо, и вдруг в какой-то тошной муке подумал о том, что проще всего было бы изгнать с балкона этого странного разбойника, произнеся только два слова: «Повесить его». Изгнать и конвой, уйти из колоннады внутрь дворца, велеть затемнить комнату, повалиться на ложе, потребовать холодной воды, жалобным голосом позвать собаку Банга, пожаловаться ей на гемикранию. И мысль о яде вдруг соблазнительно мелькнула в больной голове прокуратора.

Он смотрел мутными глазами на арестованного и некоторое время молчал, мучительно вспоминая, зачем на утреннем безжалостном Ершалаимском солнцепеке стоит перед ним арестант с обезображенным побоями лицом, и какие еще никому не нужные вопросы ему придется задавать.

– Левий Матвей? – хриплым голосом спросил больной и закрыл глаза.

– Да, Левий Матвей, – донесся до него высокий, мучающий его голос.

– А вот что ты все-таки говорил про храм толпе на базаре?

Голос отвечавшего, казалось, колот Пилату в висок, был невыразимо мучителен, и этот голос говорил:

– Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины. Сказал так, чтобы было понятнее.

– Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?

И тут прокуратор подумал: «О, боги мои! Я спрашиваю его о чем-то ненужном на суде... Мой ум не служит мне больше...» И опять померещилась ему чаша с темною жидкостью. «Яду мне, яду!»

И вновь он услышал голос:

– Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе трудно даже глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже и думать о чем-нибудь и мечтаешь только о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан. Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет.

Секретарь вытаращил глаза на арестанта и не дописал слова.

Пилат поднял мученические глаза на арестанта и увидел, что солнце уже довольно высоко стоит над гипподромом, что луч пробрался в колоннаду и подползает к стоптанным сандалиям Иешуа, что тот сторонится от солнца.

Тут прокуратор поднялся с кресла, сжал голову руками, и на желтоватом его бритом лице выразился ужас. Но он тотчас же подавил его своею волею и вновь опустил в кресло.

Арестант же тем временем продолжал свою речь, но секретарь ничего более не записывал, а только, вытянув шею, как гусь, старался не проронить ни одного слова.

– Ну вот, все и кончилось, – говорил арестованный, благожелательно поглядывая на Пилата, – и я чрезвычайно этому рад. Я советовал бы тебе, игемон, оставить на время дворец и погулять пешком где-нибудь в окрестностях, ну хотя бы в садах на Елеонской горе. Гроза начнется, – арестант повернулся, прищурился на солнце, – позже, к вечеру. Прогулка принесла бы тебе большую пользу, а я с удовольствием сопровождал бы тебя. Мне пришли в голову кое-какие новые мысли, которые могли бы, полагаю, показаться тебе интересными, и я охотно поделился бы ими с тобой, тем более что ты производишь впечатление очень умного человека.

Секретарь смертельно побледнел и уронил свиток на пол.

– Беда в том, – продолжал никем не останавливаемый связанный, – что ты слишком замкнут и окончательно потерял веру в людей. Ведь нельзя же, согласись, поместить всю свою

привязанность в собаку. Твоя жизнь скудна, игемон, – и тут говорящий позволил себе улыбнуться.

Секретарь думал теперь только об одном, верить ли ему ушам своим или не верить. Приходилось верить. Тогда он постарался представить себе, в какую именно причудливую форму выльется гнев вспльчивого прокуратора при этой неслыханной дерзости арестованного. И этого секретарь представить себе не мог, хотя и хорошо знал прокуратора.

Тогда раздался сорванный, хрипловатый голос прокуратора, по-латыни сказавшего:

– Развяжите ему руки.

Один из конвойных легионеров стукнул копьем, передал его другому, подошел и снял веревки с арестанта. Секретарь поднял свиток, решил пока что ничего не записывать и ничему не удивляться.

– Сознайся, – тихо по-гречески спросил Пилат, – ты великий врач?

– Нет, прокуратор, я не врач, – ответил арестант, с наслаждением потирая измятую и опухшую багровую кисть руки.

Круто, исподлобья Пилат буравил глазами арестанта, и в этих глазах уже не было мути, в них появились всем знакомые искры.

– Я не спросил тебя, – сказал Пилат, – ты, может быть, знаешь и латинский язык?

– Да, знаю, – ответил арестант.

Краска выступила на желтоватых щеках Пилата, и он спросил по-латыни:

– Как ты узнал, что я хотел позвать собаку?

– Это очень просто, – ответил арестант по-латыни, – ты водил рукой по воздуху, – арестант повторил жест Пилата, – как будто хотел погладить, и губы...

– Да, – сказал Пилат.

Помолчали, потом Пилат задал вопрос по-гречески:

– Итак, ты врач?

– Нет, нет, – живо ответил арестант, – поверь мне, я не врач.

– Ну, хорошо. Если хочешь это держать в тайне, держи. К делу это прямого отношения не имеет. Так ты утверждаешь, что не призывал разрушить... или поджечь, или каким-либо иным способом уничтожить храм?

– Я, игемон, никого не призывал к подобным действиям, повторяю. Разве я похож на слабоумного?

– О да, ты не похож на слабоумного, – тихо ответил прокуратор и улыбнулся какой-то страшной улыбкой, – так поклянись, что этого не было.

– Чем хочешь ты, чтобы я поклялся? – спросил, очень оживившись, развязанный.

– Ну, хотя бы жизнью твоею, – ответил прокуратор, – ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!

– Не думаешь ли ты, что ты ее подвесил, игемон? – спросил арестант, – Если это так, ты очень ошибаешься.

Пилат вздрогнул и ответил сквозь зубы:

– Я могу перерезать этот волосок.

– И в этом ты ошибаешься, – светло улыбаясь и заслоняясь рукой от солнца, возразил арестант, – согласишься, что перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил?

– Так, так, – улыбнувшись, сказал Пилат, – теперь я не сомневаюсь в том, что праздные зеваки в Ершалаиме ходили за тобою по пятам. Не знаю, кто подвесил твой язык, но подвешен он хорошо. Кстати, скажи: верно ли, что ты явился в Ершалаим через Сузские ворота верхом на осле, сопровождаемый толпою, кричавшей тебе приветствия как бы некоему пророку? – тут прокуратор указал на свиток пергамента.

Арестант недоуменно поглядел на прокуратора.

– У меня и осла-то никакого нет, игемон, – сказал он. – Пришел я в Ершалаим точно через Сузские ворота, но пешком, в сопровождении одного Левия Матвея, и никто мне ничего не кричал, так как никто меня тогда в Ершалаиме не знал.

– Не знаешь ли ты таких, – продолжал Пилат, не сводя глаз с арестанта, – некоего Дисмаса, другого – Гестаса и третьего – Варравана?

– Этих добрых людей я не знаю, – ответил арестант.

– Правда?

– Правда.

– А теперь скажи мне, что это ты все время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь?

– Всех, – ответил арестант, – злых людей нет на свете.

– Впервые слышу об этом, – сказал Пилат, усмехнувшись, – но, может быть, я мало знаю жизнь! Можете дальнейшее не записывать, – обратился он к секретарю, хотя тот и так ничего не записывал, и продолжал говорить арестанту: – В какой-нибудь из греческих книг ты прочел об этом?

– Нет, я своим умом дошел до этого.

– И ты проповедуешь это?

– Да.

– А вот, например, кентурион Марк, его прозвали Крысобоем, – он – добрый?

– Да, – ответил арестант, – он, правда, несчастливый человек. С тех пор как добрые люди изуродовали его, он стал жесток и черств. Интересно бы знать, кто его искалечил.

– Охотно могу сообщить это, – отозвался Пилат, – ибо я был свидетелем этого. Добрые люди бросались на него, как собаки на медведя. Германцы вцепились ему в шею, в руки, в ноги. Если бы я не подоспел на помощь, тебе, философ, не пришлось бы разговаривать с Крысобоем.

– Если бы с ним поговорить, – вдруг мечтательно сказал арестант, – я уверен, что он резко изменился бы.

– Я полагаю, – отозвался Пилат, – что мало радости ты доставил бы легату легиона, если бы вздумал разговаривать с кем-нибудь из его офицеров или солдат. Впрочем, этого и не случится, к общему счастью, и первый, кто об этом позаботится, буду я.

В это время в колоннаду стремительно влетела ласточка, сделала под золотым потолком круг, снизилась, чуть не задела острым крылом лица медной статуи в нише и скрылась за капителью колонны. Быть может, ей пришла мысль вить там гнездо.

В течение ее полета в светлой теперь и легкой голове прокуратора сложилась формула. Она была такова: игемон разобрал дело бродячего философа Иешуа по кличке Га-Ноцри и состава преступления в нем не нашел. В частности, не нашел ни малейшей связи между действиями Иешуа и беспорядками, происшедшими в Ершалаиме недавно. Бродячий философ оказался душевнобольным. Вследствие этого смертный приговор Га-Ноцри, вынесенный Малым Синедрионом, прокуратор не утверждает. Но ввиду того, что безумные, утопические речи Га-Ноцри могут быть причиною волнений в Ершалаиме, прокуратор удаляет Иешуа из Ершалаима и подвергает его заключению в Кесарии Стратоновой на Средиземном море, то есть именно там, где резиденция прокуратора.

Оставалось это продиктовать секретарю.

Крылья ласточки фыркнули над самой головой игемона, птица метнулась к чаше фонтана и вылетела на волю. Прокуратор поднял глаза на арестанта и увидел, что возле того столбом загорелась пыль.

– Все о нем? – спросил Пилат у секретаря.

– Нет, к сожалению, – неожиданно ответил секретарь и подал Пилату другой кусок пергамента.

– Что еще там? – спросил Пилат и нахмурился.

Прочитав поданное, он еще более изменился в лице. Темная ли кровь прилила к шее и лицу или случилось что-либо другое, но только кожа его утратила желтизну, побурела, а глаза как будто провалились.

Опять-таки виновата была, вероятно, кровь, прилившая к вискам и застучавшая в них, только у прокуратора что-то случилось со зрением. Так, померещилось ему, что голова арестанта уплыла куда-то, а вместо нее появилась другая. На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец; на лбу была круглая язва, разъедающая кожу и смазанная мазью; запавший беззубый рот с

отвисшей нижней капризной губой¹. Пилату показалось, что исчезли розовые колонны балкона и кровли Ершалаима вдали, внизу за садом, и все утонуло вокруг в густейшей зелени Капрейских садов. И со слухом совершилось что-то странное, как будто вдали проиграли негромко и грозно трубы и очень явственно послышался носовой голос, надменно тянущий слова: «Закон об оскорблении величества...»

Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные: «Погиб!», потом: «Погибли!..» И какая-то совсем нелепая среди них о каком-то долженствующем непременно быть – и с кем?! – бессмертии, причем бессмертие почему-то вызывало нестерпимую тоску.

Пилат напрягся, изгнал видение, вернулся взором на балкон, и опять перед ним оказались глаза арестанта.

– Слушай, Га-Ноцри, – заговорил прокуратор, глядя на Иешуа как-то странно: лицо прокуратора было грозно, но глаза тревожны, – ты когда-либо говорил что-нибудь о великом кесаре? Отвечай! Говорил?.. Или... не... говорил? – Пилат протянул слово «не» несколько больше, чем это полагается на суде, и послал Иешуа в своем взгляде какую-то мысль, которую как бы хотел внушить арестанту.

– Правду говорить легко и приятно, – заметил арестант.

– Мне не нужно знать, – придушенным, злым голосом отозвался Пилат, – приятно или неприятно тебе говорить правду. Но тебе придется ее говорить. Но, говоря, взвешивай каждое слово, если не хочешь не только неизбежной, но и мучительной смерти.

Никто не знает, что случилось с прокуратором Иудеи, но он позволил себе поднять руку, как бы заслоняясь от солнечного луча, и за этой рукой, как за щитом, послать арестанту какой-то намекающий взор.

– Итак, – говорил он, – отвечай, знаешь ли ты некоего Иуду из Кириафа, и что именно ты говорил ему, если говорил, о кесаре?

¹ Здесь речь идет о римском императоре Клавдии Нероне Тиверии (Тиберии) (42 г. до н.э.-37 г.н.э.), поселившемся с 26 г. на о.Капри (Капрея)

– Дело было так, – охотно начал рассказывать арестант, – позавчера вечером я познакомился возле храма с одним молодым человеком, который назвал себя Иудой из города Кириафа. Он пригласил меня к себе в дом в Нижнем Городе и угостил...

– Добрый человек? – спросил Пилат, и дьявольский огонь сверкнул в его глазах.

– Очень добрый и любознательный человек, – подтвердил арестант, – он высказал величайший интерес к моим мыслям, принял меня весьма радушно...

– Светильники зажег¹... – сквозь зубы в тон арестанту проговорил Пилат, и глаза его при этом мерцали.

– Да, – немного удивившись осведомленности прокуратора, продолжал Иешуа, – попросил меня высказать свой взгляд на государственную власть. Его этот вопрос чрезвычайно интересовал.

– И что же ты сказал? – спросил Пилат, – или ты ответишь, что ты забыл, что говорил? – но в тоне Пилата была уже безнадежность.

– В числе прочего я говорил, – рассказывал арестант, – что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть.

– Далее!

– Далее ничего не было, – сказал арестант, – тут вбежали люди, стали меня вязать и повели в тюрьму.

Секретарь, стараясь не проронить ни слова, быстро чертил на пергаменте слова.

– На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной для людей власти, чем власть императора Тиверия! – сорванный и большой голос Пилата разорся.

Прокуратор с ненавистью почему-то глядел на секретаря и конвой.

¹ По требованию закона светильники нужны были для того, чтобы спрятанные свидетели обвинения могли разглядеть лицо преступника

– И не тебе, безумный преступник, рассуждать о ней! – тут Пилат вскричал: – Вывести конвой с балкона! – и, повернувшись к секретарю, добавил: – Оставьте меня с преступником наедине, здесь государственное дело.

Конвой поднял копы и вышел с балкона в сад, а за конвоем вышел и секретарь.

Молчание на балконе некоторое время нарушала только песня воды в фонтане. Пилат видел, как вздувалась над трубочкой водяная тарелка, как отламывались ее края, как падали струйками.

Первым заговорил арестант:

– Я вижу, что совершается какая-то беда из-за того, что я говорил с этим юношей из Кириафа. У меня, игемон, есть предчувствие, что с ним случится несчастье, и мне его очень жаль.

– Я думаю, – странно усмехнувшись, ответил прокуратор, – что есть еще кое-кто на свете, кого тебе следовало бы пожалеть более, чем Иуду из Кириафа, и кому придется гораздо хуже, чем Иуде! Итак, Марк Крысобой, холодный и убежденный палач, люди, которые, как я вижу, – прокуратор указал на изуродованное лицо Иешуа, – тебя били за твои проповеди, разбойники Дисмас и Гестас, убившие четырех солдат, и, наконец, грязный предатель Иуда – все они добрые люди?

– Да, – ответил арестант.

– И настанет царство истины?

– Настанет, игемон, – убежденно ответил Иешуа.

– Оно никогда не настанет! – вдруг закричал Пилат таким страшным голосом, что Иешуа отшатнулся. Так много лет тому назад в долине Дев кричал Пилат своим всадникам слова: «Руби их! Руби их! Великан Крысобой попался!» Он еще повысил сорванный командами голос, выкликая слова так, чтобы их слышали в саду: – Преступник! Преступник! Преступник!

А затем, понизив голос, он спросил:

– Иешуа Га-Ноцри, веришь ли ты в каких-нибудь богов?

– Бог один, – ответил Иешуа, – в него я верю.

– Так помолись ему! Покрепче помолись! Впрочем, – тут голос Пилата сел, – это не поможет. Жены нет? – почему-то тоскливо спросил Пилат, не понимая, что с ним происходит.

– Нет, я один.

– Ненавистный город, – вдруг почему-то пробормотал прокуратор и передернул плечами, как будто озяб, а руки потер, как бы обмывая их, – если бы тебя зарезали перед твоим свиданием с Иудею из Кириафа, право, это было бы лучше.

– А ты бы меня отпустил, игемон, – неожиданно попросил арестант, и голос его стал тревожен, – я вижу, что меня хотят убить.

Лицо Пилата исказилось судорогой, он обратился к Иешуа воспаленные, в красных жилках белки глаз и сказал:

– Ты полагаешь, несчастный, что римский прокуратор отпустит человека, говорившего то, что говорил ты? О, боги, боги! Или ты думаешь, что я готов занять твое место? Я твоих мыслей не разделяю! И слушай меня: если с этой минуты ты произнесешь хотя бы одно слово, заговоришь с кем-нибудь, берегись меня! Повторяю тебе: берегись.

– Игемон...

– Молчать! – вскричал Пилат и бешеным взором проводил ласточку, опять впорхнувшую на балкон. – Ко мне! – крикнул Пилат.

И когда секретарь и конвой вернулись на свои места, Пилат объявил, что утверждает смертный приговор, вынесенный в собрании Малого Синедриона преступнику Иешуа Га-Ноцри, и секретарь записал сказанное Пилатом.

Через минуту перед прокуратором стоял Марк Крысобой. Ему прокуратор приказал сдать преступника начальнику тайной службы и при этом передать ему распоряжение прокуратора о том, чтобы Иешуа Га-Ноцри был отделен от других осужденных, а также о том, чтобы команде тайной службы было под страхом тяжкой кары запрещено о чем бы то ни было разговаривать с Иешуа или отвечать на какие-либо его вопросы.

По знаку Марка вокруг Иешуа сомкнулся конвой и вывел его с балкона.

Прокуратор приказал секретарю пригласить президента Синедриона, двух членов его и начальника храмовой стражи Ершалаима во дворец, но при этом добавил, что просит устроить так, чтобы до совещания со всеми этими людьми он мог говорить с президентом раньше и наедине.

Приказания прокуратора были исполнены быстро и точно, и солнце, с какой-то необыкновенною яростью сжигавшее в эти дни Ершалаим, не успело еще приблизиться к своей наивысшей точке, когда на верхней террасе сада у двух мраморных белых львов, стороживших лестницу, встретились прокуратор и исполняющий обязанности президента Синедриона первосвященник иудейский Иосиф Каифа.

В саду было тихо. Но, выйдя из-под колоннады на заливаемую солнцем верхнюю площадь сада с пальмами на чудовищных слоновых ногах, площадь, с которой перед прокуратором развернулся весь ненавистный ему Ершалаим с висячими мостами, крепостями и – самое главное – с не поддающейся никакому описанию глыбой мрамора с золотою драконовой чешуею вместо крыши – храмом Ершалаимским, – острым слухом уловил прокуратор далеко и внизу, там, где каменная стена отделяла нижние террасы дворцового сада от городской площади, низкое ворчание, над которым взмывали по временам слабенькие, тонкие не то стоны, не то крики.

Прокуратор понял, что там на площади уже собралась несметная толпа взволнованных последними беспорядками жителей Ершалаима, что эта толпа в нетерпении ожидает вынесения приговора и что в ней кричат беспокойные продавцы воды.

Прокуратор начал с того, что пригласил первосвященника на балкон, с тем чтобы укрыться от безжалостного зноя, но Каифа вежливо извинился и объяснил, что сделать этого не может. Пилат накинул капюшон на свою чуть лысеющую голову и начал разговор. Разговор этот шел по-гречески.

Пилат сказал, что он разобрал дело Иешуа Га-Ноцри и утвердил смертный приговор.

Таким образом, к смертной казни, которая должна совершиться сегодня, приговорены трое разбойников: Дисмас, Гестас, Вар-равван и, кроме того, этот Иешуа Га-Ноцри. Первые двое, вздумавшие подбивать народ на бунт против кесаря, взяты с боем римскою властью, числятся за прокуратором, и, следовательно, о них здесь речь идти не будет. Последние же, Вар-равван и Га-Ноцри, схвачены местной властью и осуждены Синедрионом. Согласно закону, согласно обычаю, одного из этих двух преступников нужно будет отпустить на свободу в честь наступающего сегодня великого праздника пасхи.

Итак, прокуратор желает знать, кого из двух преступников

Илл. Г. Калиновского

намерен освободить Синедрион: Вар-раввана или Га-Ноцри? Каифа склонил голову в знак того, что вопрос ему ясен, и ответил:

– Синедрион просит отпустить Вар-раввана.

Прокуратор хорошо знал, что именно так ему ответит первосвященник, но задача его заключалась в том, чтобы показать, что такой ответ вызывает его изумление.

Пилат это и сделал с большим искусством. Брови на надменном лице поднялись, прокуратор прямо в глаза поглядел первосвященнику с изумлением.

– Признаюсь, этот ответ меня удивил, – мягко заговорил прокуратор, – боюсь, нет ли здесь недоразумения.

Пилат объяснился. Римская власть ничуть не покушается на права духовной местной власти, первосвященнику это хорошо известно, но в данном случае налицо явная ошибка. И в исправлении этой ошибки римская власть, конечно, заинтересована.

В самом деле: преступления Вар-раввана и Га-Ноцри совершенно не сравнимы по тяжести. Если второй, явно сумасшедший человек, повинен в произнесении нелепых речей, смущавших народ в Ершалаиме и других некоторых местах, то первый виновен гораздо значительнее. Мало того, что он позволил себе прямые призывы к мятежу, но он еще убил стража при попытках брать его. Вар-равван гораздо опаснее, нежели Га-Ноцри.

В силу всего изложенного прокуратор просит первосвященника пересмотреть решение и оставить на свободе того из двух осужденных, кто менее вреден, а таким, без сомнения, является Га-Ноцри. Итак?

Каифа прямо в глаза посмотрел Пилату и сказал тихим, но твердым голосом, что Синедрион внимательно ознакомился с делом и вторично сообщает, что намерен освободить Вар-раввана.

– Как? Даже после моего ходатайства¹? Ходатайства того, в лице которого говорит римская власть? Первосвященник, повтори в третий раз.

– И в третий раз мы сообщаем, что освобождаем Вар-раввана, – тихо сказал Каифа.

Все было кончено, и говорить более было не о чем. Га-Ноцри уходил навсегда, и страшные, злые боли прокуратора некому

¹ **ходатайство** – официальная просьба

излечить; от них нет средства, кроме смерти. Но не эта мысль поразила сейчас Пилата. Все та же непонятная тоска, что уже приходила на балконе, пронизала все его существо. Он тотчас постарался ее объяснить, и объяснение было странное: показалось смутно прокуратору, что он чего-то не договорил с осужденным, а может быть, чего-то не дослушал.

Пилат прогнал эту мысль, и она улетела в одно мгновение, как и прилетела. Она улетела, а тоска осталась необъясненной, ибо не могла же ее объяснить мелькнувшая как молния и тут же погасшая какая-то короткая другая мысль: «Бессмертие... пришло бессмертие...» Чье бессмертие пришло? Этого не понял прокуратор, но мысль об этом загадочном бессмертии заставила его похолодеть на солнцепеке.

– Хорошо, – сказал Пилат, – да будет так.

Тут он оглянулся, окинул взором видимый ему мир и удивился происшедшей перемене. Пропал усеянный розами куст, пропали кипарисы, окаймляющие верхнюю террасу, и гранатовое дерево, и белая статуя в зелени, да и сама зелень. Поплыла вместо этого всего какая-то багровая гуща, в ней закачались водоросли и двинулись куда-то, а вместе с ними двинулся и сам Пилат. Теперь его уносил, душая и обжигая, самый страшный гнев, гнев бессилия.

– Тесно мне, – вымолвил Пилат, – тесно мне!

Он холодной влажною рукою рванул пряжку с ворота плаща, и та упала на песок.

– Сегодня душно, где-то идет гроза, – отозвался Каифа, не сводя глаз с покрасневшего лица прокуратора и предвидя все муки, которые еще предстоят. «О, какой страшный месяц нисан в этом году!»

– Нет, – сказал Пилат, – это не оттого, что душно, а тесно мне стало с тобой, Каифа, – и, сузив глаза, Пилат улыбнулся и добавил: – Побереги себя, первосвященник.

Темные глаза первосвященника блеснули, и, не хуже, чем ранее прокуратор, он выразил на своем лице удивление.

– Что слышу я, прокуратор? – гордо и спокойно ответил Каифа, – ты угрожаешь мне после вынесенного приговора, утвержденного тобою самим? Может ли это быть? Мы привыкли к тому, что римский прокуратор выбирает слова, прежде чем что-нибудь сказать. Не услышал бы нас кто-нибудь, игемон?

Пилат мертвыми глазами посмотрел на первосвященника и, оскалившись, изобразил улыбку.

– Что ты, первосвященник! Кто же может услышать нас сейчас здесь? Разве я похож на юного бродячего юридивого¹, которого сегодня казнят? Мальчик ли я, Каифа? Знаю, что говорю и где говорю. Оцеплен сад, оцеплен дворец, так что и мышь не проникнет ни в какую щель! Да не только мышь, не проникнет даже этот, как его... из города Кириафа. Кстати, ты знаешь такого, первосвященник? Да... если бы такой проник сюда, он горько пожалел бы себя, в этом ты мне, конечно, согласишься? Так знай же, что не будет тебе, первосвященник, отныне покоя! Ни тебе, ни народу твоему, – и Пилат указал вдаль направо, туда, где в высоте пылал храм, – это я тебе говорю – Пилат Понтийский, всадник Золотое Копье!

Илл. А.Н.Шуст

– Знаю, знаю! – бесстрашно ответил чернобородый Каифа, и глаза его сверкнули. Он вознес руку к небу и продолжал: – Знает народ иудейский, что ты ненавидишь его лютой ненавистью и много мучений ты ему причинишь, но вовсе ты его не погубишь! Защитит его бог! Услышит нас, услышит всемогущий кесарь, укроет нас от губителя Пилата!

– О нет! – воскликнул Пилат,

¹ **юриди́вый** – безумец, обладающий даром пророчества

и с каждым словом ему становилось все легче и легче: не нужно было больше притворяться. Не нужно было подбирать слова. – Слишком много ты жаловался кесарю на меня, и настал теперь мой час, Каифа! Теперь полетит весть от меня, да не наместнику в Антиохию и не в Рим, а прямо на Капрею, самому императору, весть о том, как вы заведомых мятежников в Ершалаиме прячете от смерти. И не водою из Соломонова пруда, как хотел я для вашей пользы, напою я тогда Ершалаим¹! Нет, не водою! Вспомни мое слово, первосвященник. Увидишь ты не одну когорту в Ершалаиме, нет! Придет под стены города арабская конница, тогда услышишь ты горький плач и стенания. Вспомнишь ты тогда спасенного Варравана и пожалеешь, что послал на смерть философа с его мирною проповедью!

Лицо первосвященника покрылось пятнами, глаза горели. Он, подобно прокуратору, улыбнулся, скалясь, и ответил:

– Веришь ли ты, прокуратор, сам тому, что сейчас говоришь? Нет, не веришь! Не мир, не мир принес нам обольститель народа в Ершалаим, и ты, всадник, это прекрасно понимаешь. Ты хотел его выпустить затем, чтобы он смутил народ, над верою надругался и подвел народ под римские мечи! Но я, первосвященник иудейский, куда жив, не дам на поругание веру и защищу народ! Ты слышишь, Пилат? – И тут Каифа грозно поднял руку: – Прислушайся, прокуратор!

Каифа смолк, и прокуратор услышал опять как бы шум моря, подкатывающего к самым стенам сада Ирода великого. Этот шум поднимался снизу к ногам и в лицо прокуратору. А за спиной у него, там, за крыльями дворца, слышались тревожные трубные сигналы, тяжкий хруст сотен ног, железное бряцание, – тут прокуратор понял, что римская пехота уже выходит, согласно его приказу, стремясь на страшный для бунтовщиков и разбойников предсмертный парад.

– Ты слышишь, прокуратор? – тихо повторил первосвященник, – неужели ты скажешь мне, что все это, – тут первосвященник

¹ Римляне собирались построить канал для снабжения Иерусалима водой из Соломоновых прудов

поднял обе руки, и темный капюшон свалился с головы Каифы, – вызвал жалкий разбойник Вар-равван?

Прокуратор тыльной стороной кисти руки вытер мокрый, холодный лоб, поглядел на землю, потом, прищурившись, в небо, увидел, что раскаленный шар почти над самой его головой, а тень Каифы совсем съезжилась у львиного хвоста, и сказал тихо и равнодушно:

– Дело идет к полудню. Мы увлеклись беседою, а между тем надо продолжать.

В изысканных выражениях извинившись перед первосвященником, он попросил его присесть на скамью в тени магнолии и обождать, пока он вызовет остальных лиц, нужных для последнего краткого совещания, и отдаст еще одно распоряжение, связанное с казнью.

Каифа вежливо поклонился, приложив руку к сердцу, и остался в саду, а Пилат вернулся на балкон. Пока секретарь собирал совещание, прокуратор в затененной от солнца темными шторами комнате имел свидание с каким-то человеком, лицо которого было наполовину прикрыто капюшоном, хотя в комнате лучи солнца и не могли его беспокоить. Свидание это было чрезвычайно кратко. Прокуратор тихо сказал человеку несколько слов, после чего тот удалился, а Пилат через колоннаду прошел в сад.

Там в присутствии всех, кого он желал видеть, прокуратор торжественно и сухо подтвердил, что он утверждает смертный приговор Иешуа Га-Ноцри, и официально осведомился у членов Синедриона о том, кого из преступников угодно оставить в живых. Получив ответ, что это – Вар-равван, прокуратор сказал:

– Очень хорошо, – и велел секретарю тут же занести это в протокол, сжал в руке поднятую секретарем с песка пряжку и торжественно сказал: – Пора!

Тут все присутствующие тронулись вниз по широкой мраморной лестнице меж стен роз, источавших одуряющий аромат, спускаясь все ниже и ниже к дворцовой стене, к воротам,

выходящим на большую, гладко вымощенную площадь, в конце которой виднелись колонны и статуи Ершалаимского гипподрома.

Лишь только группа, выйдя из сада на площадь, поднялась на обширный царящий над площадью каменный помост, Пилат, оглядываясь сквозь прищуренные веки, разобрался в обстановке. То пространство, которое он только что прошел, то есть пространство от дворцовой стены до помоста, было пусто, но зато впереди себя Пилат площади уже не увидел – ее съела толпа.

Итак, Пилат поднялся на помост, сжимая машинально в кулаке ненужную пряжку и щурясь. Щурился прокуратор не оттого, что солнце жгло ему глаза, нет! Он не хотел почему-то видеть группу осужденных, которых, как он это прекрасно знал, сейчас вслед за ним возводят на помост.

Лишь только белый плащ с багряной подбивкой возник в высоте на каменном утесе над краем человеческого моря, незрячему Пилату в уши ударила звуковая волна: «Га-а-а...» Она началась негромко, зародившись где-то вдали у гипподрома, потом стала громоподобной и, продержавшись несколько секунд, начала спадать. «Увидели меня», – подумал прокуратор. Волна не дошла до низшей точки и неожиданно стала опять вырастать и, качаясь, поднялась выше первой, и на второй волне, как на морском валу вскипает пена, вскипел свист и отдельные, сквозь гром различимые, женские стоны. «Это их ввели на помост... – подумал Пилат, – а стоны оттого, что задавили нескольких женщин, когда толпа подалась вперед».

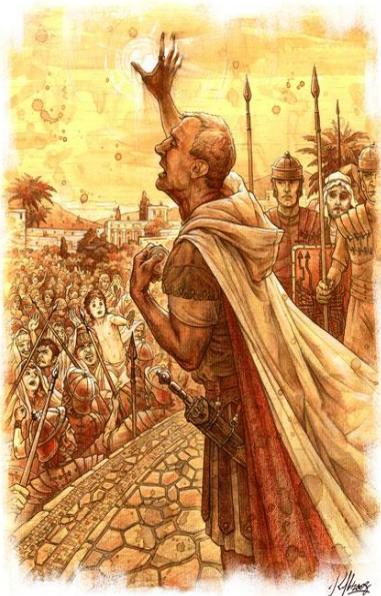
Он выждал некоторое время, зная, что никакою силой нельзя заставить умолкнуть толпу, пока она не выдохнет все, что накопилось у нее внутри, и не смолкнет сама.

И когда этот момент наступил, прокуратор выбросил вверх правую руку, и последний шум сдуло с толпы.

Тогда Пилат набрал, сколько мог, горячего воздуха в грудь и закричал, и сорванный его голос понесло над тысячами голов:

– Именем кесаря императора!

Тут в уши ему ударил несколько раз железный рубленый крик – в когортах, взбросив вверх копыя и значки, страшно прокричали солдаты:

Илл. Н. Королёва

– Да здравствует кесарь!

Пилат задрал голову и уткнул ее прямо в солнце. Под веками у него вспыхнул зеленый огонь, от него загорелся мозг, и над толпою полетели хриплые арамейские слова:

– Четверо преступников, арестованных в Ершалаиме за убийства, подстрекательства к мятежу и оскорбление законов и веры, приговорены к позорной казни – повешению на столбах! И эта казнь сейчас совершится на Лысой Горе! Имена преступников – Дисмас, Гестас, Вар-равван и Га-Ноцри. Вот они перед вами!

Пилат указал вправо рукой, не видя никаких преступников, но зная, что они там, на месте, где им нужно быть.

Толпа ответила длинным гулом как бы удивления или облегчения. Когда же он потух, Пилат продолжал:

– Но казнены из них будут только трое, ибо, согласно закону и обычаю, в честь праздника пасхи одному из осужденных, по выбору Малого Синедриона и по утверждению римской власти, великодушный кесарь император возвращает его презренную жизнь!

Пилат выкрикивал слова и в то же время слушал, как на смену гулу идет великая тишина. Теперь ни вздоха, ни шороха не доносилось до его ушей, и даже настало мгновение, когда Пилату показалось, что все кругом вообще исчезло. Ненавидимый им город умер, и только он один стоит, сжигаемый отвесными лучами,

упершись лицом в небо. Пилат еще придержал тишину, а потом начал выкрикивать:

– Имя того, кого сейчас при вас отпустят на свободу...

Он сделал еще одну паузу, задерживая имя, проверяя, все ли сказал, потому что знал, что мертвый город воскреснет после произнесения имени счастливица и никакие дальнейшие слова слышны быть не могут.

«Все? – беззвучно шепнул себе Пилат, – все. Имя!»

И, раскатив букву «р» над молчащим городом, он прокричал:

– Вар-равван!

Тут ему показалось, что солнце, зазвенев, лопнуло над ним и залило его огнем уши. В этом огне бушевали рев, визги, стоны, хохот и свист.

Пилат повернулся и пошел по мосту назад к ступеням, не глядя ни на что, кроме разноцветных шашек настила под ногами, чтобы не оступиться. Он знал, что теперь у него за спиною на помост градом летят бронзовые монеты, финики, что в воющей толпе люди, давя друг друга, лезут на плечи, чтобы увидеть своими глазами чудо – как человек, который уже был в руках смерти, вырвался из этих рук! Как легионеры снимают с него веревки, невольно причиняя ему жгучую боль в вывихнутых на допросе руках, как он, морщась и охая, все же улыбается бессмысленной сумасшедшей улыбкой.

Он знал, что в это же время конвой ведет к боковым ступеням троих со связанными руками, чтобы выводить их на дорогу, ведущую на запад, за город, к Лысой Горе. Лишь оказавшись за помостом, в тылу его, Пилат открыл глаза, зная, что он теперь в безопасности – осужденных он видеть уже не мог.

К стону начинавшей утихать толпы примешивались теперь и были различимы пронзительные выкрики глашатаев¹, повторявших одни на арамейском, другие на греческом языках все то, что прокричал с помоста прокуратор. Кроме того, до слуха долетел дробный, стрекочущий и приближающийся конский топот и труба, что-то коротко и весело прокричавшая. Кавалерийская ала вылетела

¹ **глашатай** – вестник, в старину объявлявший народу официальные известия

на площадь, чтобы пересечь ее в сторонке, минуя скопище народа, и по переулку под каменной стеной, по которой стлался виноград, кратчайшей дорогой проскакать к Лысой Горе.

Летающий рывью маленький, как мальчик, темный, как мулат, командир алы – сириец, равняясь с Пилатом, что-то тонко выкрикнул и выхватил из ножен меч. Злая ворона взмокшая лошадь шарахнулась, поднялась на дыбы. Вбросив меч в ножны, командир ударил плетью лошадь по шее, выровнял ее и поскакал в переулок, переходя в галоп. Поднимая до неба пыль, ала ворвалась в переулок, и мимо Пилата последним проскакал солдат с пылающей на солнце трубой за спиной.

Закрываясь от пыли рукой и недовольно морща лицо, Пилат двинулся дальше, устремляясь к воротам дворцового сада, а за ним двинулся легат, секретарь и конвой.

Было около десяти часов утра.

1928-1940 гг.

нарзан – նարզան (հանքային ջուր)

сличение – համեմատում

саркома – սարկոմա (չարորակ սրբնթաց ուռուցք)

развязный – անպարկեշտ, չափից ավելի համարձակ, չափից ավելի ազատ, համեստությունից զուրկ

интервент – ինտերվենտ, ինտերվենցիա կամ զավթախուժում, ներխուժում կատարող (զավթողականության կամ հեղափոխական շարժումները ճնշելու նպատակով)

подбой – աստառ

флигель – թևաշենք, կցաշենք

гемикрания, мигрень - միգրեն, գլխակեպի ցավ

ходатайство – միջնորդություն, խնդրագիր, խնդիրք, подать ходатайство – խնդրագիր տալ

юродивый – պակասամիտ, իսկ, իենթ

глашатай – ավետարեր, ազդարար

Вопросы и задания

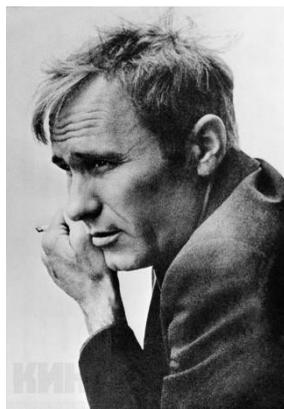
1. Что вы узнали о М.А. Булгакове? Какие его произведения вам знакомы?
2. Расскажите об особенностях романа «Мастер и Маргарита».
3. Расскажите, в какое время и где происходят действия первой главы.
4. Опишите М. Берлиоза и Ивана Бездомного.
5. Какова тема их беседы? За что Берлиоз раскритиковал поэму Бездомного?
6. Какие «приметы» предшествовали появлению Воланда?
7. Опишите Воланда. Какие детали внешности выдают в нем принадлежность к «нечистой силе»?
8. Как вы думаете, почему его заинтересовал разговор московских литераторов?
9. За кого принимают Воланда его собеседники? Почему их мнение о нем меняется в ходе беседы?
10. Перескажите эпизод, в котором Воланд предсказывает дальнейшую судьбу Берлиоза и Бездомного.
11. Какую историю приводит Воланд в доказательство существования Иисуса Христа?
12. В чем несоответствие рассказа Воланда с известной всем библейской историей казни Христа?
13. Глава «Понтий Пилат» насыщена историческими реалиями (*прокуратор, когорта, Синедрион, тетрарх, хитон, легион* и др.). Как вы думаете, для чего автор вводит их в текст?
14. Опишите Понтия Пилата.
15. Перескажите сцену допроса Иешуа Га-Ноцри.
16. Согласен ли Иешуа с предъявляемыми ему обвинениями? Испытывает ли он чувство страха в ожидании наказания?
17. Как случилось, что Иешуа арестовали? Какую роль сыграл в этом Иуда из Кириафа?
18. Как вы думаете, почему Понтий Пилат внезапно изменил свое отношение к арестованному и решил спасти его от казни? Какие действия говорят читателю об этом его намерении?

19. Какое новое обвинение не позволило прокуратору довести задуманное до конца?
 20. Расскажите о встрече Пилата с первосвященником Каифой.
 21. Как относится к Ершалаиму Понтий Пилат?
 22. Перескажите сцену оглашения приговора. Как ведет себя толпа?
 23. Можно ли сравнить Понтия Пилата, выходящего на помост, с полководцем, обзирающим поле предстоящей битвы? Найдите текстовые подсказки.
-
- 24*. Прочитайте весь роман и расскажите, как развивались дальнейшие события в «московских» и «древних» главах.
 - 25*. Знакомы ли вы с какой-нибудь экранизацией романа «Мастер и Маргарита» (фильмы режиссеров Ю. Кары, В. Бортко, А. Вайды)? Посмотрите одну из них.
 - 26*. Рекомендуем обратиться к курсам лекций на порталах [Arzamas](#), [ПостНаука](#).

ВАСИЛИЙ МАКАРОВИЧ ШУКШИН

1929-1974

Василий Макарович Шукшин – русский прозаик, драматург, кинорежиссер, киноактер. Родился 25 июля 1929 года в селе Сростки Бийского района Алтайского края в крестьянской семье. Еще подростком начал работать в колхозе (крестьянское коллективное хозяйство при советской власти), затем служил на флоте, работал директором вечерней школы в родном селе.

Вскоре, поняв, что работа в этой сфере не является его призванием, в 1954 году поступил на режиссерский факультет ВГИКа. Студентом начал сниматься в кино, а по окончании института стал снимать фильмы по собственным сценариям.

В 1958 году был напечатан первый рассказ писателя. За всю жизнь Шукшин написал 125 рассказов. Его герои – деревенские люди, оказавшиеся в городе. Тема деревенского человека, вырванного из привычной среды и не нашедшего новой опоры в жизни, стала одной из главных тем рассказов Шукшина. Эту ситуацию Василий Макарович ощущал как личную драму. «Так у меня вышло к 40 годам, что я – не городской до конца, и не деревенский уже. Ужасно неудобное положение. Это даже – не между двух стульев, а скорее так: одна нога на берегу, другая в лодке. И не плыть нельзя и плыть вроде как страшно…».

В. Шукшин в роли Ивана Расторгуева в фильме «Печки-лавочки» (1972)

Герои Шукшина – странные, непутевые люди. В сознании

читателей прижилось название «чудик» (по одноименному рассказу). Именно «чудики» являются главными героями рассказов, объединенных Шукшиным в один из лучших его сборников «Характеры». В современной русской литературе рассказы Шукшина стали неповторимым художественным явлением, отличаясь оригинальной образностью и живой стилистикой.

Скончался В.М. Шукшин 2 октября 1974 года во время съёмок фильма «Они сражались за родину».

ЧУДИК

Жена называла его – «Чудик». Иногда ласково.

Чудик обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось. Он не хотел этого, страдал, но то и дело влипал в какие-нибудь истории – мелкие, впрочем, но досадные.

Вот эпизоды одной его поездки.

Получил отпуск, решил съездить к брату на Урал: лет двенадцать не виделись.

...Долго собирались – до полуночи. А рано утром Чудик шагал с чемоданом по селу.

– На Урал! На Урал! – отвечал он на вопрос: куда это он собрался? При этом круглое мясистое лицо его, круглые глаза выражали в высшей степени плёвое отношение к дальним дорогам – они его не пугали. – На Урал! Надо прошвырнуться.

Но до Урала было еще далеко.

Пока что он благополучно доехал до районного города, где предстояло взять билет и сесть в поезд.

Времени оставалось много.

Кадр из кинофильма «Алёнка» (1961)

Чудик решил пока закупить подарков племяшам – конфет, пряников... Зашел в продовольственный магазин, пристроился в очередь. Впереди него стоял мужчина в шляпе, а впереди шляпы – полная женщина с крашеными губами. Женщина негромко, быстро, горячо говорила шляпе:

– Представляете, насколько надо быть грубым, бестактным человеком! У него склероз, хорошо, у него уже семь лет склероз, однако никто не предлагал ему уходить на пенсию. А этот без году неделя¹ руководит коллективом – и уже: «Может, вам, Александр Семеныч, лучше на пенсию?» Нах-хал!

Шляпа поддакивала:

– Да, да... Они такие теперь. Подумаешь! Склероз...

Чудик уважал городских людей. Не всех, правда: хулиганов и продавцов не уважал. Побаивался.

Подошла его очередь. Он купил конфет, пряников, три плитки шоколада. И отошел в сторонку, чтобы уложить все в чемодан. Раскрыл чемодан на полу, стал укладывать... Глянул на пол, а у прилавка, где очередь, лежит в ногах у людей пятидесятирублевая бумажка. Этакая зеленая дурочка, лежит себе, никто ее не видит. Чудик даже задрожал от радости, глаза загорелись. Второпях, чтобы его не опередил кто-нибудь, стал быстро соображать, как бы повеселее, поостроумнее сказать этим, в очереди, про бумажку.

– Хорошо живете, граждане! – сказал он громко и весело.

На него оглянулись.

– У нас, например, такими бумажками не швыряются.

Тут все немного поволновались. Это ведь не тройка, не пятерка – пятьдесят рублей, полмесяца работать надо. А хозяина бумажки – нет.

«Наверно, тот, в шляпе», – догадался Чудик.

Решили положить бумажку на видное место на прилавке.

– Сейчас прибежит кто-нибудь, – сказала продавщица.

Чудик вышел из магазина в приятнейшем расположении духа. Все думал, как это у него легко, весело получилось: «У нас,

¹ без году неделя – совсем недолго

например, такими бумажками не швыряются!» Вдруг его точно жаром всего обдало: он вспомнил, что точно такую бумажку и еще двадцатипятирублевую он сейчас разменял, пятидесятирублевая должна быть в кармане... Сунулся в карман – нету. Туда-сюда – нету.

– Моя была бумажка-то! – громко сказал Чудик. – Мать твою так-то!.. Моя бумажка-то.

Под сердцем даже как-то зазвенело от горя. Первый порыв был пойти и сказать: «Граждане, моя бумажка-то. Я их две получил в сберкассе: одну двадцатипятирублевую, другую полусотенную. Одну сейчас разменял, а другой – нету». Но только он представил, как он удивит всех этим своим заявлением, как подумают многие: «Конечно, раз хозяина не нашлось, он и решил прикарманить». Нет, не пересилить себя – не протянуть руку за этой проклятой бумажкой. Могут еще и не отдать...

– Да почему же я такой есть-то? – вслух горько рассуждал Чудик. – Что теперь делать?..

Надо было возвращаться домой.

Подошел к магазину, хотел хоть издали посмотреть на бумажку, постоял у входа... и не вошел. Совсем больно станет. Сердце может не выдержать.

Ехал в автобусе и негромко ругался – набирался духу: предстояло объяснение с женой.

Сняли с книжки еще пятьдесят рублей.

Чудик, убитый своим ничтожеством, которое ему опять разъяснила жена (она даже пару раз стукнула его ложкой по голове), ехал в поезде. Но постепенно горечь проходила. Мелькали за окном леса, перелески, деревеньки... Входили и выходили разные люди, рассказывались разные истории... Чудик тоже одну рассказал какому-то интеллигентному товарищу, когда стояли в тамбуре¹, курили.

– У нас в соседней деревне один дурак тоже... Схватил горящее полено – и за матерью. Пьяный. Она бежит от него и кричит:

¹ **тамбур** – закрытая площадка между вагонами

«Руки, – кричит, – руки-то не обожги, сынок!» О нем же и заботится... А он прёт, пьяная морда. На мать. Представляете, каким надо быть грубым, бестактным...

– Сами придумали? – строго спросил интеллигентный товарищ, глядя на Чудика поверх очков.

– Зачем? – не понял тот. – У нас за рекой, деревня Раменское...

Интеллигентный товарищ отвернулся к окну и больше не говорил.

После поезда Чудика надо было еще лететь местным самолетом полтора часа. Он когда-то летал разок. Давно. Садился в самолет не без робости. «Неужели в нем за полтора часа ни один винтик не испортится?» – думал. Потом – ничего, осмелел. Попытался даже заговорить с соседом, но тот читал газету, и так ему было интересно, что там, в газете, что уж и послушать живого человека ему не хотелось. А Чудик хотел выяснить вот что: он слышал, что в самолетах дают поесть. А что-то не несли. Ему очень хотелось поесть в самолете – ради любопытства.

«Пожадничали», – решил он.

Стал смотреть вниз. Горы облаков внизу. Чудик почему-то не мог определенно сказать: красиво это или нет? А кругом говорили: «Ах, какая красота!» Он только ощутил вдруг глупейшее желание: упасть в них, в облака, как в вату. Еще он подумал: «Почему же я не удивляюсь? Ведь подо мной чуть не пять километров».

– Вот человек?.. Придумал же, – сказал он соседу. Тот посмотрел на него, ничего не сказал, зашуршал опять газетой.

– Пристегнитесь ремнями! – сказала миловидная молодая женщина. – Идем на посадку.

Чудик послушно застегнул ремень. А сосед – ноль внимания. Чудик осторожно тронул его:

– Велят ремень застегнуть.

– Ничего, – сказал сосед. Отложил газету, откинулся на спинку сиденья и сказал, словно вспоминая что-то: – Дети – цветы жизни, их надо сажать головками вниз.

– Как это? – не понял Чудик.

Читатель громко засмеялся и больше не стал говорить.

Быстро стали снижаться. Вот уж земля – рукой подать, стремительно летит назад. А толчка все нет. Наконец толчок, и всех начинает так швырять, что послышался зубовный стук и скрежет. Этот читатель с газетой сорвался с места, боднул Чудика лысой головой, потом приложился к иллюминатору, потом очутился на полу. За все это время он не издал ни одного звука. И все вокруг тоже молчали – это поразило Чудика. Он тоже молчал. Остановились. Первые, кто опомнился, глянули в иллюминаторы и обнаружили, что самолет – на картофельном поле. Из пилотской кабины вышел мрачноватый летчик и пошел к выходу. Кто-то осторожно спросил его:

– Мы что, кажется, в картошку сели?

– А сами не видите? – сказал летчик.

Страх прошел, и наиболее веселые уже пробовали острить.

Лысый читатель искал свою искусственную челюсть. Чудик отстегнул ремень и тоже стал искать.

– Эта?! – радостно воскликнул он и подал читателю.

У того даже лысина побагровела.

– Почему надо обязательно руками хватать! – закричал он шепеляво.

Чудик растерялся.

– А чем же?..

– Где я ее кипятить буду? Где?!

Этого Чудик тоже не знал.

– Поедемте со мной? – предложил он. – У меня тут брат живет, там вскипятим... Вы опасаетесь, что я туда микробов занес? У меня их нету.

Читатель удивленно посмотрел на Чудика и перестал кричать.

В аэропорту Чудик написал телеграмму жене:

«Приземлились. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша меня не забудь. Тчк. Васятка».

Телеграфистка, строгая красивая женщина, прочитав телеграмму, предложила:

– Составьте иначе. Вы – взрослый человек, не в детсаде.

– Почему? – спросил Чудик. – Я ей всегда так пишу в письмах. Это же моя жена!.. Вы, наверно, подумали...

– В письмах можете писать что угодно, а телеграмма – это вид связи. Это открытый текст.

Чудик переписал:

«Приземлились. Все в порядке. Васятка».

Телеграфистка сама исправила два слова: «Приземлились» и «Васятка». Стало: «Долетели. Василий».

– «Приземлились»... Вы что, космонавт, что ли?

– Ну ладно, – сказал Чудик. – Пусть так будет.

...Знал Чудик: есть у него брат Дмитрий, трое племянников... О том, что должна еще быть сноха¹, как-то не думалось. Он никогда не видел ее. А именно она-то, сноха, все испортила, весь отпуск. Она почему-то сразу невзлюбила Чудика.

Выпили вечером с братом, и Чудик запел дрожащим голосом:

- Тополя-а-а, тополя-а-а...

Софья Ивановна, сноха, выглянула из другой комнаты, спросила зло:

– А можно не орать? Вы же не на вокзале, верно? – И хлопнула дверью.

Брату Дмитрию стало неловко.

– Это... там ребятишки спят. Вообще-то она хорошая.

Еще выпили. Стали вспоминать молодость, мать, отца...

– А помнишь?.. – радостно спрашивал брат Дмитрий. – Хотя кого ты там помнишь! Грудной был. Меня оставят с тобой, а я тебя обнимал крепко. Один раз ты посинел даже. Попадало мне за это. Потом уж не стали оставлять.

– А помнишь, – тоже вспоминал Чудик, – как ты меня...

– Вы прекратите орать? – опять спросила Софья Ивановна совсем зло, нервно. – Кому нужно слушать эти ваши дурацкие истории? Туда же – разговорились.

– Пойдем на улицу, – сказал Чудик.

¹сноха – невестка, жена брата или сына

Вышли на улицу, сели на лавочку.

– А помнишь?.. – продолжал Чудик.

Но тут с братом Дмитрием что-то случилось: он заплакал и стал колотить кулаком по колену.

– Вот она, моя жизнь! Видел? Сколько злости в человеке!.. Сколько злости!

Чудик стал успокаивать брата:

– Брось, не расстраивайся. Не надо. Никакие они не злые, они – психи. У меня такая же.

– Ну чего вот невзлюбила?! За што? Ведь невзлюбила она тебя... А за што?

Тут только понял Чудик, что да, невзлюбила его сноха. А за что действительно?

– А вот за то, што ты – никакой не ответственный, не руководитель. Знаю я ее, дуру. Помешалась на своих ответственных. А сама-то кто! Буфетчица в управлении, шишка на ровном месте. Насмотрится там и начинает... Она и меня-то тоже ненавидит, что я не ответственный, из деревни.

– В каком управлении-то?

– В этом... горно... Не выговорить сейчас. А зачем выходить было? Што она, не знала, што ли?

Тут и Чудика задело за живое.

– А в чем дело вообще-то? – громко спросил он, не брата, кого-то еще. – Да если хотите знать, почти все знаменитые люди вышли из деревни. Надо газеты читать!.. Што ни фигура, понимаешь, так – выходец, рано пошел работать.

– А сколько я ей доказывал: в деревне-то люди лучше, не гордые.

– А Степана-то Воробьева помнишь? Ты ж знал его...

– Знал, как же.

– Уж там куда деревня!.. А пожалуйста: Герой Советского Союза. Девять танков уничтожил. На таран¹ шел. Матери его теперь пожизненную пенсию будут шестьдесят рублей платить.

– Да ну?..

Долго еще шумели возбужденные братья. Чудик даже ходил и размахивал руками.

– Деревня, видите ли!.. Да там один воздух чего сто́ит! Утром окно откроешь – как, скажи, обмоет тебя всего. Хоть пей его – до того свежий да травами пахнет, цветами разными...

Потом они устали.

– Крышу-то перекрыл? – спросил старший брат негромко.

– Перекрыл. – Чудик тоже тихо вздохнул. – Веранду подстроил – любо глядеть. Выйдешь вечером на веранду... начинаешь фантазировать: вот бы мать с отцом были бы живые, ты бы с ребяташками приехал – сидели бы все на веранде, чай с малиной попивали. Ты, Дмитрий, не ругайся с ней, а то она хуже невзлюбит. А я как-нибудь поласковой буду, она, глядишь, отойдет.

– А ведь сама из деревни! – как-то тихо и грустно изумился Дмитрий. – А вот... Детей замучила, дура: одного на пианинах замучила, другую в фигурное катание записала. Сердце кровью обливается, а не скажи, сразу ругань.

– Ммх!.. – чего-то опять возбудился Чудик. – Никак не понимаю эти газеты: вот, мол, одна такая работает в магазине – грубая. Эх, вы!.. А она придет домой – такая же. Вот где горе-то! И я не понимаю! – Чудик тоже стукнул кулаком по колену. – Не понимаю: почему они стали злые?

Когда утром Чудик проснулся, никого в квартире не было: брат Дмитрий ушел на работу, сноха тоже, дети постарше играли во дворе, маленького отнесли в ясли².

Чудик прибрал постель, умылся и стал думать, что бы такое приятное сделать снохе. Тут на глаза попалась детская коляска.

¹ **таран** – атака, прямой удар корпусом самолета (танка, корабля) по корпусу вражеского объекта

² **ясли** – группа для самых маленьких детей в детском садике

«Эге, – подумал Чудик, – разрисую-ка я ее». Он дома так разрисовал печь, что все удивились. Нашел ребячьи краски, кисточку и принялся за дело. Через час все было кончено, коляску не узнать. По верху колясочки Чудик пустил журавликов – стайку уголком, по низу – цветочки разные, травку-муравку, пару петушков, цыпляток... Осмотрел коляску со всех сторон – загляденье. Не колясочка, а игрушка. Представил, как будет приятно изумлена сноха, усмехнулся.

– А ты говоришь – деревня. Чудачка. – Он хотел мира со снохой. – Ребенок-то как в корзиночке будет.

Весь день Чудик ходил по городу, глазел на витрины. Купил катер племяннику, хорошенький такой катерок, белый, с лампочкой. «Я его тоже разрисую», – думал.

Часов в шесть Чудик пришел к брату. Подошел к дому и услышал, что брат Дмитрий ругается с женой. Впрочем, ругалась жена, а брат Дмитрий только повторял:

– Да ну что тут!.. Да ладно... Сонь... Ладно уж...

– Чтоб завтра же этого дурака не было здесь! – кричала Софья Ивановна. – Завтра же пусть уезжает.

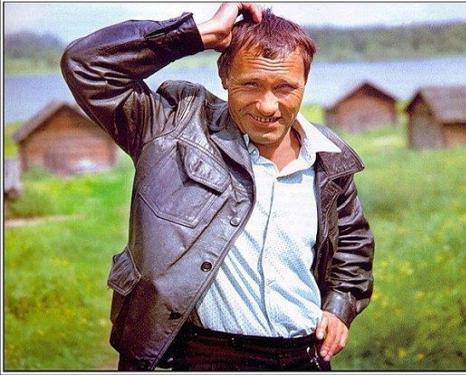
– Да ладно тебе!.. Сонь...

– Не ладно! Не ладно! Пусть не дожидается – выкину его чемодан к чертовой матери, и все!

Чудик поспешил отойти от дома ... А дальше не знал, что делать. Опять ему стало больно. Когда его ненавидели, ему было очень больно. И страшно. Казалось: ну, теперь все, зачем же жить? И хотелось уйти подальше от людей, которые ненавидят его или смеются.

– Да почему же я такой есть-то? – горько шептал он, сидя в сарайчике. – Надо бы догадаться: не поймет ведь она, не поймет народного творчества.

Он досидел в сарайчике дотемна. И сердце все болело. Потом пришел брат Дмитрий. Не удивился – как будто знал, что брат Василий давно уж сидит в сарайчике.

На съёмках фильма «Калина красная». 1973 г.

– Вот... – сказал он. –
Это... опять расшумелась.
Коляску-то... не надо бы
уж.

– Я думал, ей
понравится. Поеду я,
братка.

Брат Дмитрий
вздыхнул... И ничего не
сказал.

Домой Чудик
приехал, когда шел

дождик. Чудик вышел из автобуса, снял новые ботинки, побежал по
теплой мокрой земле – в одной руке чемодан, в другой ботинки.
Подпрыгивал и громко пел:

– Тополя-а, тополя-а...

С одного края небо уже очистилось, голубело, и близко где-то
было солнышко. И дождик редел, шлепал крупными каплями в
лужи; в них вздувались и лопались пузыри.

В одном месте Чудик поскользнулся, чуть не упал.

...Звали его – Василий Егорыч Князев. Было ему тридцать
девять лет от роду. Он работал киномехаником в селе. Обожал
сыщиков и собак. В детстве мечтал быть шпионом.

1967 г.

без году неделя – կարճատև ժամանակ

тамбур – տամբուր, վազոնի փակ հարթակ

сноха – հարս

таран – խոյահարման գնալ, խոյահարել, տարանել

ясли – մանկամուր, մուր

Вопросы и задания

1. Что вы узнали о жизни и творчестве Василия Шукшина?
 2. О каких людях писал Шукшин в своих произведениях?
 3. Почему героя рассказа прозвали Чудик?
 4. Как он собирался в дорогу? Что случилось с ним в магазине?
 5. Опишите приключения Чудика в дороге (в поезде, в самолете).
 6. Как вы думаете, почему люди не слушали Чудика?
 7. Почему сноха невзлюбила Чудика?
 8. Что решил сделать Чудик, чтобы понравиться жене брата? Изменила ли сноха свое отношение к Чудику?
 9. Как изображены в рассказе жены двух братьев? Похожи ли они?
 10. Как повел себя главный герой после ссоры брата с женой?
 11. Найдите в тексте строки, показывающие отношение героя к собственным неудачам.
 12. О чем мечтал в детстве Чудик? Соответствует ли взрослая жизнь его детским мечтам?
 13. Как вы думаете, почему автор представляет своего героя не в начале, а в конце повествования?
 14. Как вы считаете, легко ли живется «чудикам»?
- ~~~~~
- 15*. Посмотрите короткометражный анимационный фильм Марии Филонцев [«Чудик»](#) по одноименному рассказу В. Шукшина.

СОЛНЦЕ, СТАРИК И ДЕВУШКА

Дни горели белым огнем. Земля была горячая, деревья тоже были горячие. Сухая трава шуршала под ногами. Только вечерами наступала прохлада.

И тогда на берег стремительной реки Катуня выходил древний старик, садился всегда на одно место и смотрел на солнце.

Солнце садилось за горы. Вечером оно было огромное, красное.

Старик сидел неподвижно. Руки лежали на коленях – коричневые, сухие, в ужасных морщинах. Лицо тоже морщинистое, глаза влажные, тусклые. Шея тонкая, голова маленькая, седая. Под синей ситцевой рубахой торчат острые лопатки.

Однажды старик, когда он сидел так, услышал сзади себя голос:

– Здравствуйте, дедушка!

Старик кивнул головой.

С ним рядом села девушка с плоским чемоданчиком в руках.

– Отдыхаете?

Старик опять кивнул головой. Сказал:

– Отдыхаю.

На девушку не посмотрел.

– Можно, я вас буду писать? – спросила девушка.

– Как это? – не понял старик.

– Рисовать вас.

Старик некоторое время молчал, смотрел на солнце, моргал красными веками без ресниц.

– Я ж некрасивый теперь, - сказал он.

– Почему? – Девушка несколько растерялась. – Нет, вы красивый, дедушка.

– Вдобавок, хворый¹.

Девушка долго смотрела на старика. Потом погладила мягкой ладонью его сухую коричневую руку и сказала:

– Вы очень красивый, дедушка. Правда.

Старик слабо усмехнулся.

¹ хворый – больной

- Рисуи, раз такое дело.
Девушка раскрыла свой чемодан.
Старик покашлял в ладонь.
– Городская, наверно? – спросил он.
– Городская.
– Платнот, видно, за это?
– Когда как вообще-то. Хорошо сделаю, заплатят.
– Надо стараться.
– Я стараюсь.
Замолчали.
Старик все смотрел на солнце.
Девушка рисовала, всматриваясь в лицо старика сбоку.
– Вы здешний, дедушка?
– Здешний.
– И родились здесь?
– Здесь, здесь.
– Вам сколько сейчас?
– Годков-то? Восемьдесят.
– Ого!
– Много, – согласился старик и опять слабо усмехнулся. –
А тебе?
– Двадцать пять.
Опять помолчали.
– Солнце-то какое! – негромко воскликнул старик.
– Какое? – не поняла девушка.
– Большое.
– А-а... Да. Вообще красиво здесь.
– А вода, вишь, какая... У того берега-то... Будто крови под-
бавили.
– Да. – Девушка посмотрела на тот берег. – Да.

Солнце коснулось вершин Алтая и стало медленно погружаться в далекий синий мир. И чем глубже оно уходило, тем отчетливее рисовались горы. Они как будто придвинулись. А в долине – между рекой и горами – тихо угасал красноватый сумрак. И надвигалась от

гор задумчивая мягкая тень. Потом солнце совсем скрылось за острым хребтом Бубурхана, и тотчас оттуда вылетели ярко-рыжие лучи. Они удержались недолго – тоже тихо угасли. А в небе в той стороне пошла гореть заря.

– Ушло солнышко, – вздохнул старик.

Девушка сложила листы в ящик.

Некоторое время сидели просто так – слушали, как бормочут у берега маленькие торопливые волны.

В долине большими ключьями пополз туман.

В лесочке, неподалеку, робко вскрикнула какая-то ночная птица. Ей громко откликнулись с берега, с той стороны.

– Хорошо, – сказал негромко старик.

А девушка думала о том, как она вернется скоро в далекий милый город, привезет много рисунков. Будет портрет и этого старика. А ее друг, талантливый, настоящий художник, непременно будет сердиться: «Опять морщины!.. А для чего? Всем известно, что в Сибири суровый климат и люди там много работают. А что дальше? Что?..»

Девушка знала, что она не бог весть как талантлива. Но ведь думает она о том, какую трудную жизнь прожил этот старик. Вон у него какие руки... Опять морщины! «Надо работать, работать, работать...»

– Вы завтра придете сюда, дедушка? – спросила она старика.

– Приду, – откликнулся тот.

Девушка поднялась и пошла в деревню.

Старик посидел еще немножко и тоже пошел.

Он пришел домой, сел в своем уголочке, возле печки и тихо сидел – ждал, когда придет с работы сын и сядут ужинать.

Сын приходил всегда усталый, всем недовольный. Невестка тоже всегда чем-то была недовольна. Внуки выросли и уехали в город. Без них в доме было тоскливо.

Садись ужинать.

Старику крошили в молоко хлеб, он ел, сидя с краешку стола. Осторожно звякал ложкой о тарелку – старался не шуметь. Молчали. Потом укладывались спать.

Старик лез на печку, а сын с невесткой уходили в комнату. Молчали. А о чем говорить? Все слова давно сказаны.

На другой вечер старик и девушка опять сидели на берегу. Девушка торопливо рисовала, а старик смотрел на солнце и рассказывал:

– Жили мы всегда ладно, грех жаловаться. Я плотничал, работы всегда хватало. И сыны у меня все плотники. Побило их на войне много – четырех. Два осталось. Ну вот с одним-то я теперь и живу, со Степаном. А Ванька в городе живет. Прорабом на новостройке. Пишет: ничего, хорошо живут. Приезжали сюда, гостили. Внуков у меня много. Любят меня. По городам все теперь...

Девушка рисовала руки старика, торопилась, нервничала, часто стирала.

– Трудно было жить? – не попадая спрашивала она.

– Чего же трудно? – удивлялся старик. – Я ж тебе рассказываю: хорошо жили.

– Сыновей жалко?

– А как же? – опять удивился старик. – Четырех таких положить – легко ль?

Девушка не понимала: то ли ей жаль старика, то ли она больше удивлена его странным спокойствием и умиротворенностью¹.

А солнце опять садилось за горы. Опять тихо горела заря.

– Ненастье завтра будет, – сказал старик.

Девушка посмотрела на ясное небо.

– Почему?

– Ломает меня всего.

– А небо совсем чистое.

Старик промолчал.

– Вы придете завтра, дедушка?

– Не знаю, – не сразу откликнулся старик. – Ломает чего-то всего.

– Дедушка, как у вас называется вот такой камень? – Девушка вынула из кармана жакета белый, с золотистым отливом камешек.

¹ умиротворенность – полный покой, мирное состояние

– Какой? – спросил старик, продолжая смотреть на горы.

Девушка протянула ему камень. Старик, не поворачиваясь, подставил ладонь.

– Такой? – спросил он, мельком глянув на камешек, и повертел его в сухих пальцах. – Кремешок это. Это в войну, когда спичек не было, огонь из него добывали.

Девушку поразила странная догадка: ей показалось, что старик слепой. Она не нашлась сразу, о чем говорить, молчала, смотрела сбоку на старика. А он смотрел туда, где село солнце. Спокойно, задумчиво смотрел.

– На... камешек-то, – сказал он и протянул девушке. – Они еще не такие бывают. Бывают: весь белый, аж просвечивает, а внутри какие-то пятнушки.

Девушка все смотрела на старика. Не решалась спросить: правда ли, что он слепой.

– Вы где живете, дедушка?

– А тут не сильно далеко. Это Ивана Колокольникова дом, – старик показал дом на берегу, – дальше – Бедаревы, потом Волокитины, потом Зиновьевы, а там уж, в переулочке, – наш. Заходи, если чего надо. Внуки-то были, так у нас весело было.

– Спасибо.

– Я пошел. Ломает меня.

Старик поднялся и пошел тропинкой в гору.

Девушка смотрела ему вслед до тех пор, пока он не свернул в переулок. Ни разу старик не споткнулся, ни разу не остановился. Шел медленно и смотрел под ноги.

«Нет, не слепой, – поняла девушка. – Просто слабое зрение».

На другой день старик не пришел на берег. Девушка сидела одна, думала о старике. Что-то было в его жизни, такой простой, такой обычной, что-то непростое, что-то большое, значительное. «Солнце – оно тоже просто встает и просто заходит, – думала девушка. – А разве это просто!» И она пристально посмотрела на свои рисунки. Ей было грустно.

Не пришел старик и на третий день и на четвертый.

Девушка пошла искать его дом.

Нашла.

В ограде большого деревенского дома под железной крышей, в углу, под навесом, рослый мужик лет пятидесяти строгал¹ сосновую доску.

– Здравствуйте, – сказала девушка.

Мужик выпрямился, посмотрел на девушку, провел большим пальцем по вспотевшему лбу, кивнул.

– Здорóво.

– Скажите, пожалуйста, здесь живет дедушка...

Мужик внимательно и как-то странно посмотрел на девушку. Та замолчала.

– Жил, – сказал мужик. – Вот домовину² ему делаю.

Девушка приоткрыла рот.

– Он умер, да?

– Помер. – Мужик опять склонился к доске, потом посмотрел на девушку. – А тебе чего надо было?

– Так... я рисовала его.

– А-а... – Мужик резко отвернулся.

– Скажите, он был слепой? – спросила девушка после долгого молчания.

– Слепой.

– И давно?

– Лет десять уж. А что?

– Так...

Девушка пошла из ограды.

На улице прислонилась к забору и заплакала. Ей было жалко дедушку. И жалко было, что она никак не сумела рассказать о нем. Но она чувствовала сейчас какой-то более глубокий смысл и тайну человеческой жизни и, сама об этом не догадываясь, становилась намного взрослей.

1963 г.

¹ **строгать** – обрабатывать дерево инструментом, рубанком

² **домовина** – гроб

хворый – *խիվց. հիվանդոտ, վատառողջ*

умиротворенность – *հանգստություն, հանդարտում*

строгать – *տաշել*

домовина – *դաժախ*

Вопросы и задания

1. В какое время года и где происходит описываемое событие?
2. Опишите внешность старика.
3. Как произошло знакомство старика с девушкой-художницей?
4. Почему ей захотелось нарисовать портрет старика?
5. Что думала девушка о жизни старика?
6. Какие строчки в рассказе свидетельствуют об одиночестве старика?
7. Почему девушка искала старика? Кого она встретила во дворе его дома?
8. Как вы думаете, что именно не сумела рассказать о старике девушка-художница?
9. Как вы можете объяснить название рассказа?

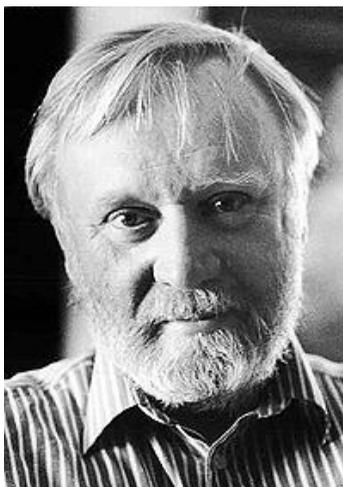
10*. В чем, по-вашему, смысл искусства: создавать героев или находить особенное в простом человеке?

11*. Посмотрите фильмы по рассказам В. Шукшина. Что вы думаете о Шукшине-актере?

КИР БУЛЫЧЕВ

1934-2003

Кир Булычев (Игорь Всеволодович Можейко) – один из известнейших советских писателей-фантастов, ученый-востоковед, сценарист. Родился 18 октября 1934 года в Москве. После окончания школы поступил в Московский государственный институт иностранных языков, который окончил в 1957 году. Два года работал в Бирме переводчиком, в 1959 году вернулся в Москву и поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Писал

историко-географические очерки для журналов «Вокруг света» и «Азия и Африка сегодня». В 1962 году окончил аспирантуру, с 1963 года работал в Институте востоковедения, специализируясь на истории Бирмы. В научном сообществе известен трудами по истории Юго-Восточной Азии.

Первый рассказ, «Маунг Джо будет жить», опубликован в 1961 году. Фантастику начал писать в 1965 году, первое фантастическое произведение – рассказ «Долг гостеприимства», был опубликован как «перевод рассказа бирманского писателя Маун Сейн Джи». Остальные фантастические произведения публиковались под псевдонимом «Кирилл Булычев» – псевдоним был скомпонован из имени жены и девичьей фамилии матери писателя. Впоследствии имя «Кирилл» на обложках книг стали писать сокращённо – «Кир.», а потом сократили и точку, так и получился известный сейчас «Кир Булычев».

Своё настоящее имя писатель сохранял в тайне до 1982 года, поскольку полагал, что руководство Института востоковедения не

посчитает фантастику серьёзным занятием, и боялся, что после раскрытия псевдонима будет уволен. Вышло в свет несколько десятков книг Булычева, общее количество опубликованных произведений – сотни. Помимо написания произведений, он занимался переводом на русский язык фантастических произведений американских писателей.

Рассказы о приключениях на Земле и в космосе девочки XXI века Алисы Селезнёвой положили начало серии детской научной фантастики, принёсшей автору значительный успех и популярность среди читателей-подростков. Повести об Алисе – «Девочка с Земли», «Сто лет тому вперед», «Миллион приключений», «Девочка из будущего», «Непоседа», «Пленники астероида», «Новые приключения Алисы» – неоднократно переиздавались.

Экранизировано более двадцати произведений, в частности, по повести «Сто лет тому вперед» снят пятисерийный фильм «Гостья из будущего» – один из самых популярных в СССР детских фильмов середины 1980-х годов. В 1982 году Булычев стал лауреатом Государственной премии СССР за сценарии к художественному фильму «Через тернии к звёздам» и полнометражному мультфильму «Тайна третьей планеты». При вручении Государственной премии был раскрыт псевдоним, впрочем, ожидаемое увольнение не состоялось. Кир Булычев выступал как редактор в фантастических журналах «Полдень. XXI век» и «Если».

Скончался 5 сентября 2003 года в возрасте 68 лет после тяжёлой и продолжительной болезни.

В 2004 году Кир Булычев посмертно стал лауреатом международной премии имени Аркадия и Бориса Стругацких за серию очерков «Падчерица эпохи».

МОЖНО ПОПРОСИТЬ НИНУ?

- Можно попросить Нину? – сказал я.
- Это я, Нина.
- Да? Почему у тебя такой странный голос?
- Странный голос?
- Не твой. Тонкий. Ты огорчена чем-нибудь?
- Не знаю.
- Может быть, мне не стоило звонить?
- А кто говорит?
- С каких пор ты перестала меня узнавать?
- Кого узнавать?

Голос был моложе Нины лет на двадцать. А на самом деле Нинин голос лишь лет на пять моложе хозяйки. Если человека не знаешь, по голосу его возраст угадать трудно. Голоса часто старятся раньше владельцев. Или долго остаются молодыми.

- Ну ладно, – сказал я. – Послушай, я звоню тебе почти по делу.
- Наверное, вы все-таки ошиблись номером, – настаивала Нина. – Я вас не знаю.
- Это я, Вадим, Вадик, Вадим Николаевич! Что с тобой?
- Ну вот! – Нина вздохнула, будто ей жаль было прекращать разговор. – Я не знаю никакого Вадика и Вадима Николаевича.
- Простите, – извинился я и повесил трубку.

Я не сразу набрал номер снова. Конечно, я просто не туда попал. Мои пальцы не хотели звонить Нине. И набрали не тот номер. А почему они не хотели?

Я отыскал на столе пачку кубинских сигарет. Крепких, как сигары. Их, наверное, делают из обрезков сигар. Какое у меня может быть дело к Нине? Или почти дело? Никакого. Просто хотелось узнать, дома ли она. А если ее нет дома, это ничего не меняет. Она

может быть, например, у мамы. Или в театре, потому что она тысячу лет не была в театре.

Я позвонил Нине.

– Нина? – спросил я.

– Нет, Вадим Николаевич, – ответила Нина. – Вы опять ошиблись. Вы какой номер набираете?

– 149-40-89.

– А у меня Арбат – один – тридцать

два – пять три.

– Конечно, – сказал я. – Арбат – это четыре?

– Арбат – это Г.

– Ничего общего, – пробормотал я. – Извините, Нина.

– Пожалуйста, – сказала Нина. – Я все равно не занята.

– Постараюсь к вам больше не попадать, – пообещал я. – Где-то заклинило. Вот и попадаю к вам. Очень плохо телефон работает.

– Да, – согласилась Нина.

Я повесил трубку.

Надо подождать. Или набрать сотню. Время. Что-то замкнется в перепутавшихся линиях на станции. И я дозвонюсь. «Двадцать два часа ровно», – ответила женщина по телефону 100. Я вдруг подумал, что если ее голос записали давно, десять лет назад, то она набирает номер 100, когда ей скучно, когда она одна дома, и слушает свой голос, свой молодой голос. А может быть, она умерла. И тогда ее сын или человек, который ее любил, набирает сотню и слушает ее голос.

Я позвонил Нине.

– Я вас слушаю, – отозвалась Нина молодым голосом. – Это опять вы, Вадим Николаевич?

– Да, – сказал я. – Видно, наши телефоны соединились намертво. Вы только не сердитесь, не думайте, что я шучу. Я очень тщательно набирал номер, который мне нужен.

– Конечно, конечно, – быстро согласилась Нина. – Я ни на минутку не подумала. А вы очень спешите, Вадим Николаевич?

- Нет, – ответил я.
- У вас важное дело к Нине?
- Нет, я просто хотел узнать, дома ли она.
- Соскучились?
- Как вам сказать...
- Я понимаю, ревнуете, – предположила Нина.
- Вы смешной человек, – произнес я. – Сколько вам лет, Нина?
- Тринадцать. А вам?
- Больше сорока. Между нами толстенная стена из кирпичей.
- И каждый кирпич – это месяц, правда?
- Даже один день может быть кирпичом.
- Да, – вздохнула Нина, – тогда это очень толстая стена. А о чем вы думаете сейчас?
- Трудно ответить. В данную минуту ни о чем. Я же разговариваю с вами.
- А если бы вам было тринадцать лет или даже пятнадцать, мы могли бы познакомиться, – сказала Нина. – Это было бы очень смешно. Я бы сказала: приезжайте завтра вечером к памятнику Пушкину. Я вас буду ждать в семь часов ровно. И мы бы друг друга не узнали. Вы где встречаетесь с Ниной?
- Как когда.
- И у Пушкина?
- Не совсем. Мы как-то встречались у «России».
- Где?
- У кинотеатра «Россия».
- Не знаю.
- Ну, на Пушкинской.
- Все равно почему-то не знаю. Вы, наверное, шутите. Я хорошо знаю Пушкинскую площадь.
- Не важно, – сказал я.
- Почему?
- Это давно было.
- Когда?

Девочке не хотелось вешать трубку. Почему-то она упорно продолжала разговор.

– Вы одна дома? – спросил я.

– Да. Мама в вечернюю смену. Она медсестра в госпитале. Она на ночь останется. Она могла бы прийти и сегодня, но забыла дома пропуск.

– Ага, – согласился я. – Ладно, ложись спать, девочка. Завтра в школу.

– Вы со мной заговорили как с ребенком.

– Нет, что ты, я говорю с тобой как со взрослой.

– Спасибо. Только сами, если хотите, ложитесь спать с семи часов. До свидания. И больше не звоните своей Нине. А то опять ко мне попадете. И разбудите меня, маленькую девочку.

Я повесил трубку. Потом включил телевизор и узнал о том, что луноход прошел за смену 337 метров. Луноход занимался делом, а я бездельничал. В последний раз я решил позвонить Нине уже часов в одиннадцать, целый час занимал себя пустяками и решил, что, если опять попаду на девочку, повешу трубку сразу.

– Я так и знала, что вы еще раз позвоните, – сказала Нина, подойдя к телефону. – Только не вешайте трубку. Мне, честное слово, очень скучно. И читать нечего. И спать еще рано.

– Ладно, – согласился я. – Давайте разговаривать. А почему вы так поздно не спите?

– Сейчас только восемь, – сказала Нина.

– У вас часы отстают, – отозвался я. – Уже двенадцатый час.

Нина засмеялась. Смех у нее был хороший, мягкий.

– Вам так хочется от меня отделаться, что просто ужас, – объяснила она. – Сейчас октябрь, и поэтому стемнело. И вам кажется, что уже ночь.

– Теперь ваша очередь шутить? – спросил я.

– Нет, я не шучу. У вас не только часы врут, но и календарь врет.

– Почему врет?

– А вы сейчас мне скажете, что у вас вовсе не октябрь, а февраль.

– Нет, декабрь, – ответил я. И почему-то, будто сам себе не поверил, посмотрел на газету, лежавшую рядом, на диване. «Двадцать третье декабря» – было написано под заголовком.

Мы помолчали немного, я надеялся, что она сейчас скажет «до свидания». Но она вдруг спросила:

– А вы ужинали?

– Не помню, – сказал я искренне.

– Значит, не голодный.

– Нет, не голодный.

– А я голодная.

– А что, дома есть нечего?

– Нечего! – подтвердила Нина. – Хоть шаром покати. Смешно, да?

– Даже не знаю, как вам помочь, – сказал я. – И денег нет?

– Есть, но совсем немножко. И все уже закрыто. А потом, что купишь?

– Да, – согласился я, – все закрыто. Хотите, я пошурю в холодильнике, посмотрю, что там есть?

– У вас есть холодильник?

– Старый, – ответил я. – «Север». Знаете такой?

– Нет, – призналась Нина. – А если найдете, что потом?

– Потом? Я схвачу такси и подвезу вам. А вы спуститесь к подъезду и возьмете.

– А вы далеко живете? Я – на Сивцевом Вражке. Дом 15/25.

– А я на Мосфильмовской. У Ленинских гор. За университетом.

– Опять не знаю. Только это не важно. Вы хорошо придумали, и спасибо вам за это. А что у вас есть в холодильнике? Я просто так спрашиваю, не думайте.

– Если бы я помнил, – пробормотал я. – Сейчас перенесу телефон на кухню, и мы с вами посмотрим.

Я прошел на кухню, и провод тянулся за мной, как змея.

– Итак, – сказал я, – открываем холодильник.

– А вы можете телефон носить с собой? Никогда не слышала о таком.

– Конечно, могу. А ваш телефон где стоит?

– В коридоре. Он висит на стенке. И что у вас в холодильнике?

– Значит, так... что тут, в пакете? Это яйца, неинтересно.

– Яйца?

– Ага. Куриные. Вот, хотите, принесу курицу? Нет, она французская, мороженная.

Пока вы ее сварите, совсем проголодаетесь. И мама придет с работы. Лучше мы возьмем колбасы. Или нет, нашел марокканские сардины, шестьдесят копеек банка. И к ним есть полбанки майонеза. Вы слышите?

– Да, – ответила Нина совсем тихо. – Зачем вы так шутите? Я сначала хотела засмеяться, а потом мне стало грустно.

– Это еще почему? В самом деле так проголодались?

– Нет, вы же знаете.

– Что я знаю?

– Знаете, – настаивала Нина. Потом помолчала и добавила: – Ну и пусть! Скажите, а у вас есть красная икра?

– Нет, – признался я. – Зато есть рыбное филе.

– Не надо, хватит, – сказала Нина твердо. – Давайте отвлечемся.

Я же все поняла.

– Что поняла?

– Что вы тоже голодный. А что у вас из окна видно?

– Из окна? Дома, копировальная фабрика. Как раз сейчас, полдвенадцатого, смена кончается. И много девушек выходит из проходной. И еще виден «Мосфильм». И пожарная команда. И железная дорога. Вот по ней сейчас идет электричка.

– И вы все видите?

– Электричка, правда, далеко идет. Видна только цепочка огоньков, окон!

- Вот вы и врете!
- Нельзя так со старшими разговаривать, – отозвался я. – Я не могу врать. Я могу ошибаться. Так в чем же я ошибся?
- Вы ошиблись в том, что видите электричку. Ее нельзя увидеть.
- Что же она, невидимая, что ли?
- Нет, она видимая, только окна светиться не могут. Да вы вообще из окна не выглядывали.
- Почему? Я стою перед самым окном.
- А у вас в кухне свет горит?
- Конечно, а как же я в темноте в холодильник бы лазил. У меня в нем перегорела лампочка.
- Вот, видите, я вас уже в третий раз поймала.
- Нина, милая, объясни мне, на чем ты меня поймала.
- Если вы смотрите в окно, то откинули затемнение¹. А если откинули затемнение, то потушили свет. Правильно?
- Неправильно. Зачем же мне затемнение? Война, что ли?
- Ой-ой-ой! Как же можно так завариться? А что же, мир, что ли?
- Ну, я понимаю, Вьетнам, Ближний Восток... Я не об этом.
- И я не об этом... Пойдите, а вы инвалид?
- К счастью, все у меня на месте.
- У вас бронь?
- Какая бронь?
- А почему вы тогда не на фронте?
- Вот тут я в первый раз заподозрил неладное. Девочка меня вроде бы разыгрывала. Но делала это так обыкновенно и серьезно, что чуть было меня не испугала.
- На каком я должен быть фронте, Нина?
- На самом обыкновенном. Где все. Где папа. На фронте с немцами. Я серьезно говорю, я не шучу. А то вы так странно разговариваете. Может быть, вы не врете о курице и яйцах?

¹ **затемнение** – по вечерам окна плотно занавешивали, чтобы не давать световых ориентиров вражеской авиации и артиллерии

– Не вру, – признался я. – И никакого фронта нет. Может быть, и в самом деле мне поддаться к вам?

– Так я в самом деле не шучу! – почти крикнула Нина. – И вы перестаньте. Мне было сначала интересно и весело. А теперь стало как-то не так. Вы меня простите. Как будто вы не притворяетесь, а говорите правду.

– Честное слово, девочка, я говорю правду, – сказал я.

– Мне даже страшно стало. У нас печка почти не греет. Дров мало. И темно. Только керосиновая лампа. Сегодня электричества нет. И мне одной сидеть ой как не хочется. Я все теплые вещи на себя накутала.

И тут же она резко и как-то сердито повторила вопрос:

– Вы почему не на фронте?

– На каком я могу быть фронте? Какой может быть фронт в семьдесят втором году?!

– Вы меня разыгрываете?

Голос опять сменил тон, был он недоверчив, был он маленьким, полметра от пола. И невероятная, забытая картинка возникла перед глазами – то, что было со мной, но много лет, тридцать или больше лет назад. Когда мне тоже было двенадцать лет. И в комнате стояла печка. И я сижу на диване, подобрал ноги. И горит свечка, или это была керосиновая лампа? И курица кажется нереальной, сказочной птицей, которую едят только в романах, хотя я тогда не думал о курице...

– Вы почему замолчали? – спросила Нина. – Вы лучше говорите.

– Нина, – сказал я, – какой сейчас год?

– Сорок второй, – ответила Нина.

И я уже складывал в голове ломтики несообразностей в ее словах. Она не знает кинотеатра «Россия». И номер телефона у нее только из шести цифр. И затемнение...

– Ты не ошибаешься? – спросил я.

– Нет, – стояла на своем Нина.

Она верила в то, что говорила. Может, голос обманул меня? Может, ей не тринадцать лет? Может, она сорокалетняя женщина,

заболела еще тогда, девочкой, и ей кажется, что она осталась там, где война?

– Послушайте, – сказал я спокойно, – не вешайте трубку. Сегодня двадцать третье декабря 1972 года. Война кончилась двадцать семь лет назад. Вы это знаете?

– Нет, – сказала Нина.

– Теперь знайте. Сейчас двенадцатый час... Ну как вам объяснить?

– Ладно, – сказала Нина покорно. – Я тоже знаю, что вы не привезете мне курицу. Мне надо было догадаться, что французских кур не бывает.

– Почему?

– Во Франции немцы.

– Во Франции давным-давно нет никаких немцев. Только если туристы. Но немецкие туристы бывают и у нас.

– Как так? Кто их пускает?

– А почему не пускать?

– Вы не вздумайте сказать, что фрицы нас победят! Вы, наверное, просто вредитель или шпион?

– Нет, я работаю в Совете Экономической Взаимопомощи. Занимаюсь венграми.

– Вот и опять врете! В Венгрии фашисты.

– Венгры давным-давно прогнали своих фашистов. Венгрия – социалистическая республика.

– Ой, а я уж боялась, что вы и в самом деле вредитель. А вы все-таки все выдумываете. Нет, не возражайте. Вы лучше расскажите мне, как будет потом. Придумайте что хотите, только чтобы было хорошо. Пожалуйста. И извините меня, что я так с вами грубо разговаривала. Я просто не поняла.

И я не стал больше спорить. Как объяснить это? Я опять представил себе, как сижу в этом самом сорок втором году, как мне

хочется узнать, когда наши возьмут Берлин и повесят Гитлера. И еще узнать, где я потерял хлебную карточку¹ за октябрь. И сказал:

– Мы победим фашистов 9 мая 1945 года.

– Не может быть! Очень долго ждать.

– Слушай, Нина, и не перебивай. Я знаю лучше. И Берлин мы возьмем второго мая. Даже будет такая медаль – «За взятие Берлина». А Гитлер покончит с собой. Он примет яд. И даст его Еве Браун. А потом эсэсовцы² вынесут его тело во двор имперской канцелярии, и обольют бензином, и сожгут.

Я рассказывал это не Нине. Я рассказывал это себе. И я послушно повторял факты, если Нина не верила или не понимала сразу, возвращался, когда она просила пояснить что-нибудь, и чуть было не потерял вновь ее доверия, когда сказал, что Сталин умрет. Но я потом вернул ее веру, поведав о Юрии Гагарине и о новом Арбате. И даже насмешил Нину, рассказав о том, что женщины будут носить брюки-клеш и совсем короткие юбки. И даже вспомнил, когда наши перейдут границу с Пруссией. Я потерял чувство реальности. Девочка Нина и мальчишка Вадик сидели передо мной на диване и слушали. Только они были голодные как черти. И дела у Вадика обстояли даже хуже, чем у Нины: хлебную карточку он потерял, и до конца месяца им с матерью придется жить на одну карточку – рабочую карточку, потому что Вадик посеял свою где-то во дворе, и только через пятнадцать лет он вдруг вспомнит, как это было, и будет снова расстраиваться, потому что карточку можно было найти даже через неделю; она, конечно, свалилась в подвал, когда он бросил на решетку пальто, собираясь

¹ **хлебная карточка** – во время продуктового дефицита населению выдавались карточки на продукты (хлеб, масло, спички и др.)

² **эсэсовцы** - члены фашистской организации СС

погонять в футбол. И я сказал, уже потом, когда Нина устала слушать то, что полагала хорошей сказкой:

– Ты знаешь Петровку?

– Знаю, – сказала Нина. – А ее не переименуют?

– Нет. Так вот...

Я рассказал, как войти во двор под арку и где в глубине двора есть подвал, закрытый решеткой. И если это октябрь сорок второго года, середина месяца, то в подвале, вернее всего, лежит хлебная карточка. Мы там, во дворе играли в футбол, и я эту карточку потерял.

– Какой ужас! – сказала Нина. – Я бы этого не пережила. Надо сейчас же ее отыскать. Сделайте это.

Она тоже вошла во вкус игры, и где-то реальность ушла, и уже ни она, ни я не понимали, в каком году мы находимся, – мы были вне времени, ближе к ее сорок второму году.

– Я не могу найти карточку, – объяснил я. – Прошло много лет. Но если сможешь, зайди туда, подвал должен быть открыт. В крайнем случае скажешь, что карточку обронила ты.

И в этот момент нас разъединили.

Нины не было. Что-то затрещало в трубке, женский голос произнес:

– Это 143-18-15? Вас вызывает Орджоникидзе.

– Вы ошиблись номером, – ответил я.

– Извините, – сказал женский голос равнодушно.

И были короткие гудки.

Я сразу же набрал снова Нинин номер. Мне нужно было извиниться. Нужно было посмеяться вместе с девочкой. Ведь получилась, в общем, чепуха...

– Да, – сказал голос Нины. Другой Нины.

– Это вы? – спросил я.

– А, это ты, Вадим? Что, тебе не спится?

– Извини, – сказал я. – Мне другая Нина нужна.

– Что?

Я повесил трубку и снова набрал номер.

– Ты с ума сошел? – спросила Нина. – Ты пил?

– Извини, – сказал я и снова бросил трубку.

Теперь звонить было бесполезно. Звонок из Орджоникидзе все вернул на свои места. А какой у нее настоящий телефон? Арбат – три, нет, Арбат – один – тридцать два – тринадцать... Нет, сорок...

Взрослая Нина позвонила мне сама.

– Я весь вечер сидела дома, – сказала она. – Думала, ты позвонишь, объяснишь, почему ты вчера так вел себя. Но ты, видно, совсем сошел с ума.

– Наверное, – согласился я. Мне не хотелось рассказывать ей о длинных разговорах с другой Ниной.

– Какая еще другая Нина? – спросила она. – Это образ? Ты хочешь видеть меня иной?

– Спокойной ночи, Ниночка, – сказал я. – Завтра все объясню.

...Самое интересное, что у этой странной истории был не менее странный конец. На следующий день утром я поехал к маме. И сказал, что разберу чулан. Я три года обещал это сделать, а тут приехал сам. Я знаю, что мама ничего не выкидывает. Из того, что, как ей кажется, может пригодиться. Я копался часа полтора в старых журналах, учебниках, разрозненных томах приложений к «Ниве». Книги были не пыльными, но пахли старой, теплой пылью. Наконец я отыскал телефонную книгу за 1950 год. Книга распухла от вложенных в нее записок и заложённых бумажками страниц, углы которых были обтрепаны и замусолены. Книга была настолько знакома, что казалось странным, как я мог ее забыть, – если б не разговор с Ниной, так бы никогда и не вспомнил о ее существовании. И стало чуть стыдно, как перед честно отслужившим костюмом, который отдают старьевщику на верную смерть.

Четыре первые цифры известны. Г-1-32... И еще я знал, что телефон, если никто из нас не притворялся, если надо мной не подшутили, стоял в переулке Сивцев Вражек, в доме 15/25. Никаких шансов найти телефон не было. Я уселся с книгой в коридоре,

вытащив из ванной табуретку. Мама ничего не поняла, улыбнулась только, проходя мимо, и сказала:

– Ты всегда так. Начинаешь разбирать книги, зачитываешься через десять минут, и уборке конец.

Она не заметила, что я читаю телефонную книгу.

Я нашел этот телефон. Двадцать лет назад он стоял в той же квартире, что и в сорок втором году. И записан был на Фролову К.Г.

Согласен, я занимался чепухой. Искал то, чего и быть не могло. Но вполне допускаю, что процентов десять вполне нормальных людей, оказались они на моем месте, сделали бы то же самое. И я поехал на Сивцев Вражек.

Новые жильцы в квартире не знали, куда уехали Фроловы. Да и жили ли они здесь? Но мне повезло в домоуправлении. Старенькая бухгалтерша помнила Фроловых, с ее помощью я узнал все, что требовалось, через адресный стол.

Уже стемнело. По новому району среди одинаковых панельных башен гулял снежный ветер. В стандартном двухэтажном магазине продавали французских кур в покрытых инеем прозрачных пакетах. У меня появился соблазн купить курицу и принести ее, как обещал, хоть и с тридцатилетним опозданием. Но я хорошо сделал, что не купил ее. В квартире никого не было. И по тому, как гулко разносился звонок, мне показалось, что здесь люди не живут. Уехали.

Я хотел было уйти, но потом, раз уж забрался так далеко, позвонил в дверь рядом.

– Скажите, Фролова Нина Сергеевна – ваша соседка?

Парень в майке, с дымящимся паяльником в руке, ответил равнодушно:

– Они уехали.

– Куда?

– Месяц как уехали на Север. До весны не вернутся. И Нина Сергеевна, и муж ее.

Я извинился, начал спускаться по лестнице. И думал, что в Москве, вполне вероятно, живет не одна Нина Сергеевна Фролова 1930 года рождения.

И тут дверь сзади снова растворилась.

– Погодите, – сказал тот же парень. – Мать что-то сказать хочет.

Мать его тут же появилась в дверях, запахивая халат.

– А вы кем ей будете?

– Так просто, – ответил я. – Знакомый.

– Не Вадим Николаевич?

– Вадим Николаевич.

– Ну вот, – обрадовалась женщина, – чуть было вас не упустила.

Она бы мне никогда этого не простила. Нина так и сказала: не прощу. И записку на дверь приколола. Только записку, наверное, ребята сорвали. Месяц уже прошел. Она сказала, что вы в декабре придете. И даже сказала, что постарается вернуться, но далеко-то как...

Женщина стояла в дверях, глядела на меня, словно ждала, что я сейчас открою какую-то тайну, расскажу ей о неудачной любви. Наверное, она и Нину пытала: кто он тебе? И Нина тоже сказала ей: «Просто знакомый».

Женщина выдержала паузу, достала письмо из кармана халата.

«Дорогой Вадим Николаевич!

Я, конечно, знаю, что вы не придете. Да и как можно верить детским мечтам, которые и себе самой уже кажутся только мечтами. Но ведь хлебная карточка была в том самом подвале, о котором вы успели мне сказать...»

1973 г.

затемнение окон – pncшpncшpncшpncш

Вопросы и задания

1. Почему Вадим и Нина не понимают друг друга?
2. В какие годы живет Вадим?
3. В какую эпоху переносит его телефонный звонок?

4. Найдите информацию и расскажите о гражданской жизни во время Великой Отечественной войны?
5. Какие воспоминания возникли у Вадима после разговора с девочкой Ниной?
6. Удалось ли Вадиму убедить Нину в благополучном исходе войны?
7. Как закончился рассказ?

~~~~~

8*. Что вы думаете о следующем высказывании Аристотеля: «историк и поэт различаются тем, что один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть»? Можно ли отнести эту фразу к данному рассказу?

9*. Знакомы ли вы с произведениями фантастического жанра?

10*. Какие книги в этом жанре вы читали?

11*. Какие фантастические фильмы вы смотрели?

СЕРГЕЙ ДОНАТОВИЧ ДОВЛАТОВ

1941-1990

Сергей Донатович Довлатов родился 3 сентября 1941 года в Уфе, куда родителей эвакуировали во время войны. В 1944 году семья вернулась в Ленинград.

В 1959 году Довлатов поступил на филологический факультет Ленинградского государственного университета. Однако университет пришлось покинуть после двух с половиной лет обучения (Довлатов был отчислен за неуспеваемость).

С 1962 по 1965 годы Сергей Довлатов служил в армии, в системе охраны исправительно-трудовых лагерей. После демобилизации поступил на факультет журналистики ЛГУ, в то же время работая журналистом. Начал писать рассказы.

В 1972-1975 годах жил в Таллине, работал корреспондентом газет «Советская Эстония» и «Вечерний Таллин». В 1976 году вернулся в Ленинград, писал рецензии для литературных журналов. Работал экскурсоводом в Пушкинском заповеднике под Псковом (Михайловское).

Писал прозу, но из многочисленных попыток напечататься в советских журналах ничего не вышло. Набор его первой книги был уничтожен по распоряжению КГБ. С конца 60-х Довлатов публикуется в самиздате¹, а в 1976 году некоторые его рассказы были опубликованы на Западе, за что его исключили из Союза журналистов СССР.

---

¹ **самиздат** – в советское время: нелегальное изготовление и распространение литературы, запрещённой в СССР по цензурным, идеологическим и другим соображениям; а также произведения такой литературы

В 1978 году по причине преследования со стороны властей Довлатов эмигрировал в Вену, а затем переселился в Нью-Йорк. Издавал либеральную эмигрантскую газету «Новый американец», с 1980-го по 1982-ой был ее главным редактором. Одна за другой выходят книги его прозы – «Невидимая книга», «Соло на ундервуде», повести «Компромисс», «Зона», «Заповедник», «Наши» и др. К середине 80-х годов начал писать для престижного журнала «The New Yorker», став вторым после Владимира Набокова русским писателем, печатавшимся в этом солидном издании. За двенадцать лет жизни в эмиграции издал в общей сложности двенадцать книг, которые выходили в США и Европе.

Сергей Довлатов умер в возрасте 49 лет 24 августа 1990 года от сердечной недостаточности. Похоронен в Нью-Йорке на кладбище Маунт Хеброн.

***

В произведениях Довлатова автор выступает одновременно и как действующее лицо, и как наблюдатель, и как рассказчик. Такой рассказ часто воспринимается как документальный, но сам Довлатов называл это псевдодокументализмом. Специфической чертой

Нью-Йорк (1988),
фото М.Сермана

довлатовской повествовательной манеры является использование анекдота в качестве сюжетобразующей основы произведения: благодаря этому жизненная история обретает неожиданно яркую форму. Каждый рассказ поднимает одну из проблем жизни главного героя – лирического двойника писателя, рассказы объединяются (в цикле или книге) образом рассказчика-повествователя.

Известный писатель и эссеист Александр Генис писал о Довлатове в своей книге «Довлатов и окрестности»: «Самая загадочная довлатовская фраза

звучит так: «Завтра же возьму напрокат фотоувеличитель». Сергей ею больше всего гордился, хотя смысла в ней немного. А хвалился он ею потому, что мастерство и решительность писателя сказываются не только в том, что он написал, но и в том, чем он пожертвовал. Оставив «никакую» фразу на том месте, где могло быть сказано что-то значительное, Довлатов давал читателю перевести дух.

Сергей незаметно, но властно навязывает нам свой ритм чтения. У довлатовской прозы легкое дыхание, потому что его регулирует впущенная в текст пустота».

ЧЕМОДАН

Предисловие

В ОВИРе¹ эта сука мне и говорит:

– Каждому отъезжающему полагается три чемодана. Такова установленная норма. Есть специальное распоряжение министерства.

Возражать не имело смысла. Но я, конечно, возразил:

– Всего три чемодана?! Как же быть с вещами?

– Например?

– Например, с моей коллекцией гоночных автомобилей?

– Продайте, – не вникая, откликнулась чиновница.

Затем добавила, слегка нахмутив брови:

– Если вы чем-то недовольны, пишите заявление.

– Я доволен, – говорю.

Рис. С. Довлатова

---

¹ **ОВИР** – Отдел виз и регистрации, подразделение МВД СССР, ведавшее оформлением выездных документов для советских граждан

После тюрьмы я был всем доволен.

– Ну, так и ведите себя поскромнее...

Через неделю я уже складывал вещи. И, как выяснилось, мне хватило одного-единственного чемодана.

Я чуть не зарыдал от жалости к себе. Ведь мне тридцать шесть лет. Восемнадцать из них я работаю. Что-то зарабатываю, покупаю. Владеем, как мне представлялось, некоторой собственностью. И в результате – один чемодан. Причем довольно скромного размера. Выходит, я нищий? Как же это получилось?!

Книги? Но в основном у меня были запрещенные книги. Которые не пропускает таможня. Пришлось раздать их знакомым вместе с так называемым архивом.

Рукописи? Я давно отправил их на Запад тайными путями.

Мебель? Письменный стол я отвез в комиссионный магазин. Стулья забрал художник Чегин, который до этого обходился ящиками. Остальное я выбросил.

Так и уехал с одним чемоданом. Чемодан был фанерный, обтянутый тканью, с металлическими креплениями по углам. Замок бездействовал. Пришлось обвязать мой чемодан бельевой веревкой.

Когда-то я ездил с ним в пионерский лагерь. На крышке было чернилами выведено: «Младшая группа. Сережа Довлатов». Рядом кто-то

дружелюбно нацарапал: «говночист». Ткань в нескольких местах прорвалась.

Изнутри крышка была заклеена фотографиями. Рокки Марчиано¹, Армстронг², Иосиф Бродский³, Лоллобриджида⁴ в прозрачной одежде. Таможенник пытался оторвать Лоллобриджида ногтями. В результате только поцарапал.

---

¹ **Рокки Марчиано** – известный американский боксёр

² **Армстронг** – американский джазовый трубач и вокалист

³ **Иосиф Бродский** – русский поэт, эмигрировавший в Америку, Нобелевский лауреат

⁴ **Лоллобриджида** – Джина Лоллобриджида, знаменитая итальянская актриса

А Бродского не тронул. Всего лишь спросил – кто это? Я ответил, что дальний родственник...

Шестнадцатого мая я оказался в Италии. Жил в римской гостинице «Дина». Чемодан задвинул под кровать.

Вскоре получил какие-то гонорары из русских журналов. Приобрел голубые сандалии, джинсы и четыре льняные рубашки. Чемодан я так и не раскрыл.

Через три месяца перебрался в Соединенные Штаты. В Нью-Йорк. Сначала жил в отеле «Рио». Затем у друзей во Флашинге. Наконец снял квартиру в приличном районе. Чемодан поставил в дальний угол стенового шкафа. Так и не развязал бельевую веревку.

Прошло четыре года. Восстановилась наша семья. Дочь стала юной американкой. Родился сынок. Подрос и начал шалить. Однажды моя жена, выведенная из терпения, крикнула:

– Иди сейчас же в шкаф!

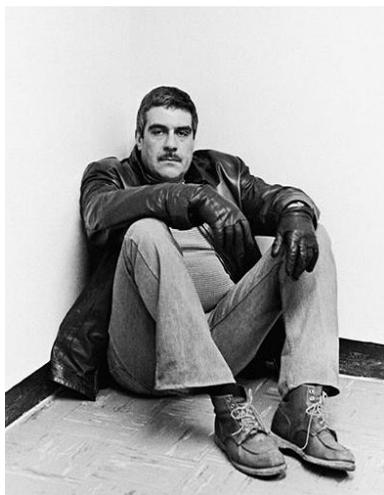
Сынок провел в шкафу минуты три. Потом я выпустил его и спрашиваю:

– Тебе было страшно? Ты плакал? А он говорит:

– Нет. Я сидел на чемодане.

Тогда я достал чемодан. И раскрыл его.

Сверху лежал приличный костюм. В расчете на интервью, конференции, лекции, торжественные приемы. Полагаю, он сгодился бы и для Нобелевской церемонии. Дальше – поплиновая рубашка и туфли, завернутые в бумагу. Под ними – вельветовая куртка на искусственном меху. Слева – зимняя шапка из фальшивого котика. Три пары финских креповых носков. Шоферские

«Довлатов в Нью-Йорке»,
фото Нины Аловерт

перчатки. И наконец – кожаный офицерский ремень.

На дне чемодана лежала страница «Правды» за май восьмидесятого года. Крупный заголовок гласил: «Великому учению – жить!». В центре – портрет Карла Маркса¹.

Школьником я любил рисовать вождей мирового пролетариата. И особенно – Маркса. Обыкновенную кляксу размазал – уже похоже...

Я оглядел пустой чемодан. На дне – Карл Маркс. На крышке – Бродский. А между ними – пропащая, бесценная, единственная жизнь.

Я закрыл чемодан. Внутри гулко перекатывались шарики нафталина. Вещи пестрой грудой лежали на кухонном столе. Это было все, что я нажил за тридцать шесть лет. За всю мою жизнь на родине. Я подумал – неужели это все? И ответил – да, это все.

И тут, как говорится, нахлынули воспоминания. Наверное, они таились в складках этого убогого тряпья. И теперь вырвались наружу. Воспоминания, которые следовало бы назвать – «От Маркса к Бродскому». Или, допустим, – «Что я нажил». Или, скажем, просто – «Чемодан»...

Но, как всегда, предисловие затянулось.

Креповые финские носки

Эта история произошла восемнадцать лет тому назад. Я был в ту пору студентом Ленинградского университета.

Корпуса университета находились в старинной части города. Сочетание воды и камня порождает здесь особую, величественную атмосферу. В подобной обстановке трудно быть лентяем, но мне это удавалось.

Существуют в мире точные науки. А значит, существуют и неточные. Среди неточных, я думаю, первое место занимает филология. Так я превратился в студента филфака.

---

¹ **Карл Маркс** – немецкий мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма

Через неделю меня полюбила стройная девушка в импортных туфлях. Звали ее Ася.

Ася познакомила меня с друзьями. Все они были старше нас – инженеры, журналисты, кинооператоры. Был среди них даже один заведующий магазином.

Эти люди хорошо одевались. Любили рестораны, путешествия. У некоторых были собственные автомашины.

Все они казались мне тогда загадочными, сильными и привлекательными. Я хотел быть в этом кругу своим человеком.

Позднее многие из них эмигрировали. Сейчас это нормальные пожилые евреи.

Жизнь, которую мы вели, требовала значительных расходов. Чаще всего они ложились на плечи Асиных друзей. Меня это чрезвычайно смущало.

Вспоминаю, как доктор Логовинский незаметно сунул мне четыре рубля, пока Ася заказывала такси...

Всех людей можно разделить на две категории. На тех, кто спрашивает. И на тех, кто отвечает. На тех, кто задает вопросы. И на тех, кто с раздражением хмурится в ответ.

Асины друзья не задавали ей вопросов. А я только и делал, что спрашивал:

– Где ты была? С кем поздоровалась в метро? Откуда у тебя французские духи?..

Большинство людей считает неразрешимыми те проблемы, решение которых мало их устраивает. И они без конца задают вопросы, хотя правдивые ответы им совершенно не требуются...

Короче, я вел себя надоедливо и глупо.

Довлатов с Асей Пекуровской, 60-е гг.

У меня появились долги. Они росли в геометрической прогрессии. К ноябрю они достигли восьмидесяти рублей – цифры, по тем временам чудовищной.

Я узнал, что такое ломбард, с его квитанциями, очередями, атмосферой печали и бедности.

Пока Ася была рядом, я мог не думать об этом. Стоило нам проститься, и мысль о долгах наплывала, как туча.

Я просыпался с ощущением беды. Часами не мог заставить себя одеться. Всерьез планировал ограбление ювелирного магазина.

Я убедился, что любая мысль влюбленного бедняка – преступна.

К тому времени моя академическая успеваемость заметно снизилась. Ася же и раньше была неуспевающей. В деканате заговорили про наш моральный облик.

Я заметил – когда человек влюблен и у него долги, то предметом разговоров становится его моральный облик.

Короче, все было ужасно.

Однажды я бродил по городу в поисках шести рублей. Мне необходимо было выкупить зимнее пальто из ломбарда. И я повстречал Фреда Колесникова.

Фред курил, облокотясь на блестящий поручень Елисеевского магазина. Я знал, что он спекулянт. Когда-то нас познакомила Ася.

Это был высокий парень лет двадцати трех с нездоровым оттенком кожи. Разговаривая, он нервно приглаживал волосы.

Я, не раздумывая, подошел:

– Нельзя ли попросить у вас до завтра шесть рублей?

Занимая деньги, я всегда сохранял немного развязный тон, чтобы людям проще было мне отказать.

– Элементарно, – сказал Фред, доставая небольшой квадратный бумажник.

Мне стало жаль, что я не попросил больше.

– Возьмите больше, – сказал Фред.

Но я, как дурак, запротестовал.

Фред посмотрел на меня с любопытством.

– Давайте пообедаем, – сказал он. – Хочу вас угостить.

Он держался просто и естественно. Я всегда завидовал тем, кому это удается.

Мы прошли три квартала до ресторана «Чайка». В зале было пустынно. Официанты курили за одним из боковых столиков.

Окна были распахнуты. Занавески покачивались от ветра.

Мы решили пройти в дальний угол. Но тут Фреда остановил юноша в серебристой импортной куртке. Состоялся несколько загадочный разговор:

– Приветствую вас.

– Мое почтение, – ответил Фред.

– Ну как?

– Да ничего.

Юноша разочарованно приподнял брови:

– Совсем ничего?

– Абсолютно.

– Я же вас просил.

– Мне очень жаль.

– Но я могу рассчитывать?

– Бесспорно.

– Хорошо бы в течение недели.

– Постараюсь.

– Как насчет гарантий?

– Гарантий быть не может. Но я постараюсь.

– Это будет – фирма?

– Естественно.

– Так что – звоните.

– Непременно.

– Вы помните мой номер телефона?

– К сожалению, нет.

– Запишите, пожалуйста.

– С удовольствием.

– Хоть это и не телефонный разговор.

– Согласен.

– Может быть, заедете прямо с товаром?

- Охотно.
- Помните адрес?
- Боюсь, что нет...
- И так далее.

Мы прошли в дальний угол. На скатерти выделялись четкие линии от утюга. Скатерть была шершавая.

Фред сказал:

– Обратите внимание на этого типа. Год назад он заказал мне партию дельбанов с крестом...

Я перебил его:

– Что такое – дельбаны с крестом?

– Часы, – ответил Фред, – не важно... Я раз десять приносил ему товар – не берет. Каждый раз придумывает новые отговорки. Короче, так и не подписался. Я все думал – что за номера? И вдруг уяснил, что он не хочет ПОКУПАТЬ мои дельбаны с крестом. Он хочет чувствовать себя бизнесменом, которому нужна партия фирменного товара. Хочет без конца задавать мне вопрос: «Как то, о чем я просил?»...

Официантка приняла заказ. Мы закурили, и я поинтересовался:

– А вас не могут посадить?

Фред подумал и спокойно ответил:

– Не исключено. Свои же и продадут, – добавил он без злости.

– Так, может, завязать?

Фред нахмурился:

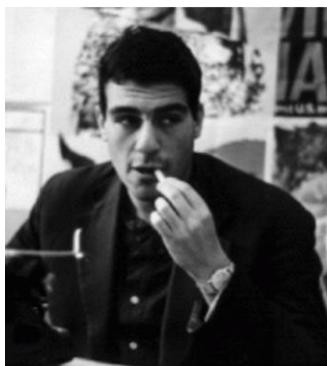
– Когда-то я работал водителем и жил на девяносто рублей в месяц...

Тут он неожиданно приподнялся и воскликнул:

– Это – уродливый цирковой номер!

– Тюрьма не лучше.

– А что делать? Способностей у меня нет. Уродоваться за девяносто рублей я не согласен... Ну хорошо,

С. Довлатов в 1966 г.,
фото Ю. Щенникова

сьем я в жизни две тысячи котлет. Изношу двадцать пять темно-серых костюмов. Перелистаю семьсот номеров журнала «Огонек». И все? И сдохну, не поцарапав земной коры?.. Уж лучше жить минуту, но по-человечески!..

Тут нам принесли еду и выпивку.

Мой новый друг продолжал философствовать:

– До нашего рождения – бездна. И после нашей смерти – бездна. Наша жизнь – лишь песчинка в равнодушном океане бесконечности. Так попытаемся хотя бы данный миг не омрачать унынием и скукой! Попытаемся оставить царапину на земной коре. А ляжку пусть тянет¹ человеческий середняк. Все равно он не совершает подвигов. И даже не совершает преступлений...

Я чуть не крикнул Фреду: «Так совершали бы подвиги!» Но сдержался. Все-таки я пил за его счет.

Мы просидели в ресторане около часа. Потом я сказал:

– Надо идти. Ломбард закрывается.

И тогда Фред Колесников сделал мне предложение:

– Хотите в долю? Я работаю осторожно, валюту и золото не беру. Поправите финансовые дела, а там можно и соскочить. Короче, подписывайтесь... Сейчас мы выпьем, а завтра поговорим...

Назавтра я думал, что мой приятель обманет. Но Фред всего лишь опоздал. Мы встретились около бездействующего фонтана перед гостиницей «Астория». Потом отошли в кусты. Фред сказал:

– Через минуту придут две финки с товаром. Берите тачку и езжайте с ними по этому адресу... Мы, кажется, на «вы»?

– На «ты», естественно, что за церемонии?

– Бери мотор и езжай по этому адресу.

Фред сунул мне обрывок газеты и продолжал:

– Тебя встретит Рымарь. Узнать его просто. У Рымаря идиотская харя² плюс оранжевый свитер. Через десять минут появлюсь я. Все будет о'кей!

– Я же не говорю по-фински.

---

¹ тянуть ляжку (разг.) – выполнять надоедающую однообразную работу

² харя (разг.) – рожа, морда

– Это не важно. Главное – улыбайся. Я бы сам поехал, но меня тут знают...

Фред схватил меня за руку:

– Вот они! Действуй!

И пропал за кустами.

Страшно волнуясь, я пошел навстречу двум женщинам. Они были похожи на крестьянок, с широкими загорелыми лицами. На женщинах были светлые плащи, элегантные туфли и яркие косынки. Каждая несла хозяйственную сумку, раздувшуюся вроде футбольного мяча.

Бурно жестикулируя, я наконец подвел женщин к стоянке такси. Очереди не было. Я без конца повторял: «Мистер Фред, мистер Фред...» – и трогал одну из женщин за рукав.

– Где этот тип, – вдруг рассердилась женщина, – куда он делся? Чего он нам голову морочит?!

– Вы говорите по-русски?

– Мамочка русская была.

Я сказал:

– Мистер Фред будет чуть позже. Мистер Фред просил отвезти вас к нему домой.

Подъехала машина. Я продиктовал адрес. Потом начал смотреть в окно. Не думал я, что среди прохожих такое количество милиционеров.

Женщины говорили между собой по-фински. Было ясно, что они недовольны. Затем они рассмеялись, и мне стало полегче.

На тротуаре меня поджидал человек в огненном свитере. Он сказал, подмигнув:

– Ну и хари!

– Ты на себя взгляни, – рассердилась Илона, которая была помоложе.

– Они говорят по-русски, – сказал я.

– Отлично, – не смутился Рымарь, – замечательно. Это сближает. Как вам нравится Ленинград?

– Ничего себе, – ответила Марья.

– В Эрмитаже были?
– Нет еще. А где это?
– Это где картины, сувениры и прочее. А раньше там жили цари.

– Надо бы взглянуть, – сказала Илона.
– Не были в Эрмитаже! – загоревал Рымарь.

Он даже слегка замедлил шаги. Как будто ему претила дружба с такими некультурными женщинами.

Мы поднялись на второй этаж. Рымарь толкнул дверь, которая была не заперта. Всюду громоздилась посуда. Стены были увешаны фотографиями. На диване лежали яркие конверты от заграничных пластинок. Постель была не убрана.

Рымарь зажег свет и быстро навел порядок. Затем он спросил:

– Что за товар?
– Лучше ответь, где твой приятель с деньгами?

В ту же минуту раздались шаги и появился Фред Колесников. В руке он нес газету, которую достал из почтового ящика. Вид у него был спокойный и даже равнодушный.

– Терве, – сказал он финкам, – здравствуйте.

Затем повернулся к Рымарю:

– Ну и мрачные физиономии! Ты к ним приставал?
– Я?! – возмутился Рымарь. – Мы говорили о прекрасном!

Кстати, они волокут по-русски.

– Отлично, – сказал Фред, – добрый вечер, госпожа Ленарт, как поживаете, Илона-барышня?

– Ничего, спасибо.
– Зачем вы скрыли, что говорите по-русски?
– А кто нас спрашивал?
– Сначала надо выпить, – заявил Рымарь.

Он достал из шкафа бутылку кубинского рома. Финки с удовольствием выпили. Рымарь снова налил.

Когда гости пошли в уборную, Рымарь сказал:

– Все финки – на одно лицо.
– Тем более что они – родные сестры, – пояснил Фред.

– Так я и думал... Кстати, физиономия этой госпожи Ленарт не внушает мне доверия.

Фред прикрикнул на Рымаря:

– А чья физиономия внушает тебе доверие, кроме физиономии следователя?

Финки быстро вернулись. Фред дал им чистое полотенце. Они подняли фужеры и улыбнулись – второй раз за целый день.

Хозяйственные сумки они держали на коленях.

– Ура, – сказал Рымарь, – за победу над Германией!

Мы выпили, и финки тоже. На полу стояла радиола, и Фред включил ее ногой. Черный диск слегка покачивался.

– Ваш любимый писатель? – надоедал финкам Рымарь.

Женщины посовещались между собой. Затем Илона сказала:

– Возможно, Карьялайнен.

Рымарь снисходительно улыбнулся, давая понять, что одобряет названную кандидатуру. Однако сам претендует на большее.

– Ясно, – сказал он, – а что за товар?

– Носки, – ответила Марья.

– И больше ничего?

– А чего бы ты хотел?

– Сколько? – поинтересовался Фред.

– Четыреста тридцать два рубля, – отчеканила младшая, Илона.

– Майн гот! – воскликнул Рымарь. – Это же звериный оскал капитализма¹!

– Меня интересует – сколько пар? – отстранил его Фред.

– Семьсот двадцать.

– Креп-найлон? – требовательно вставил Рымарь.

– Синтетика, – ответила Илона, – шестьдесят копеек пара.

Всего – четыреста тридцать два рубля...

Тут я должен сделать небольшую математическую выкладку. Креповые носки тогда были в моде. Советская промышленность таких не выпускала. Купить их можно было только на черном рынке.

---

¹ **звериный оскал капитализма** – газетный штамп советского времени: о чем-либо, вызывающем гнев, неодобрение (**оскал** – пасть с виднеющимися зубами)

Стоила пара финских носков – шесть рублей. А у финнов их можно было приобрести за шестьдесят копеек. Девятьсот процентов чистого заработка...

Фред вынул бумажник и отсчитал деньги.

– Вот, – сказал он, – еще двадцать рублей. Товар оставьте прямо в сумках.

– Надо выпить, – вставил Рымарь, – за мирное урегулирование Суэцкого кризиса! За присоединение Эльзаса и Лотарингии!

Илона переложила деньги в левую руку. Взяла наполненный до краев стакан.

– Давайте переспим с этим финками, – прошептал Рымарь, – в целях международного единства.

Фред повернулся ко мне:

– Видишь, с кем приходится дело иметь!

Я испытывал чувство беспокойства и страха.

Мне хотелось поскорее уйти.

– Ваш любимый художник? – спрашивал Рымарь Илону.

При этом он клал ей руку на спину.

– Возможно, Маантере, – говорила Илона, отодвигаясь.

Рымарь укоризненно приподнимал брови. Словно его эстетическое чувство было немного задето.

Фред сказал:

– Надо проводить женщин и дать водителю семь рублей. Я бы послал Рымаря, но он прикарманит часть денег.

– Я?! – возмутился Рымарь. – С моей кристальной честностью?!

Когда я вернулся, повсюду лежали разноцветные целлофановые свертки. Рымарь казался немного сумасшедшим.

– Пиастры, кроны, доллары, – твердил он, – франки, иены...

Потом вдруг успокоился, достал записную книжку и фломастер. Что-то подсчитал и говорит:

– Ровно семьсот двадцать пар. Финны – честный народ. Вот что значит – слаборазвитое государство...

– Помножь на три, – сказал ему Фред.

– Как это – на три?

– Носки уйдут по трешке, если сдать их оптом. Полтора куска с довеском чистого наvara.

Рымарь быстро уточнил:

– Тысяча семьсот двадцать восемь рублей.

Безумие уживалось в нем с практицизмом.

– Пятьсот с чем-то на брата, – добавил Фред.

– Пятьсот семьдесят шесть, – вновь уточнил Рымарь...

Позже мы оказались с Фредом в шашлычной. Клеенка на столе была липкая. Вокруг стоял какой-то жирный туман. Люди проплывали мимо, как рыбы в аквариуме.

Фред выглядел рассеянным и мрачным. Я сказал:

– В пять минут такие деньги!

Надо же было что-то сказать.

– Все равно, – ответил Фред, – будешь сорок минут дожидаться, когда тебе принесут чебуреки на маргарине.

Тогда я спросил:

– Зачем я тебе нужен?

– Я Рымарю не доверяю. Не потому, что Рымарь может обокрасть клиента. Хотя такое не исключено. И не потому, что Рымарь может подсунуть клиенту старые облигации вместо денег. И даже не потому, что он склонен трогать клиента руками. А потому, что Рымарь – дурак. Что губит дурака? Тяга к прекрасному. Рымарь тянется к прекрасному. Вопреки своей исторической обреченности, Рымарь хочет японский транзистор. Рымарь идет в магазин «Березка», протягивает кассиру сорок долларов. Это с его-то рожей! Да он в банальном гастрономе рубль протягивает, и то кассир не сомневается, что рубль украден. А тут – сорок долларов! Нарушение правил валютных операций. Готовая статья... Рано или поздно он сядет.

– А я? – спрашиваю.

– Ты – нет. У тебя будут другие неприятности.

Я не стал уточнять – какие.

Прощаясь, Фред сказал:

– В четверг получишь свою долю.

Я уехал домой в каком-то непонятном состоянии. Я испытывал смешанное чувство беспокойства и азарта. Наверное, есть в шальных деньгах какая-то гнусная сила.

Асе я не рассказал о моем приключении. Мне хотелось ее поразить. Неожиданно превратиться в богатого и размашистого человека.

Между тем дела с ней шли все хуже. Я без конца задавал ей вопросы. Даже когда я поносил ее знакомых, то употреблял вопросительную форму:

– Не кажется ли тебе, что Арик Шульман просто глуп?..

Я хотел скомпрометировать Шульмана в Асиных глазах, достигая, естественно, противоположной цели.

Скажу, забегая вперед, что осенью мы расстались. Ведь человек, который беспрерывно спрашивает, должен рано или поздно научиться отвечать...

В четверг позвонил Фред:

– Катастрофа!

– Что такое?

Я подумал, что арестовали Рымаря.

– Хуже, – сказал Фред, – зайди в ближайший галантерейный магазин.

– Зачем?

– Все магазины завалены креповыми носками. Причем советскими креповыми носками. Восемьдесят копеек – пара. Качество не хуже, чем у финских. Такое же синтетическое дерьмо...

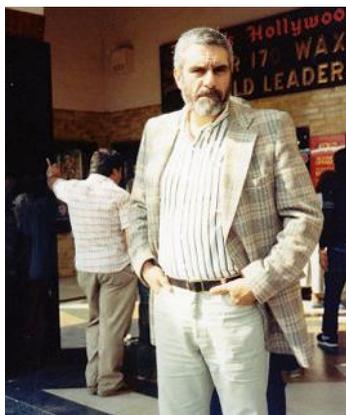
– Что же делать?

– Да ничего. А что тут можно сделать? Кто мог ждать такой подянки от социалистической экономики?! Кому я теперь отдам финские носки? Да их по рублю не возьмут! Знаю я нашу дрянную промышленность! Сначала она двадцать лет раскачивается, а потом вдруг – раз! И все магазины забиты какой-нибудь одной дрянью. Если уж зарядили поточную линию, то всё. Будут теперь штамповать эти креповые носки – миллион пар в секунду...

Носки мы в результате поделили. Каждый из нас взял двести сорок пар. Двести сорок пар одинаковых креповых носков безобразной гороховой расцветки. Единственное утешение – клеймо «Мейд ин Финланд».

После этого было многое. Операция с плащами «болонья». Перепродажа шести немецких стереоустановок. Драка в гостинице «Космос» из-за ящика американских сигарет. Бегство от милицейского наряда с грузом японского фотооборудования. И многое другое.

Я расплатился с долгами. Купил себе приличную одежду. Перешел на другой факультет. Познакомился с девушкой, на которой впоследствии женился. Уехал на месяц в Прибалтику, когда арестовали Рымаря и Фреда. Начал делать робкие литературные попытки. Стал отцом. Добился конфронтации¹ с властями. Потерял работу. Месяц просидел в Каляевской тюрьме.

США, начало 80-х гг.

И лишь одно было неизменным. Двадцать лет я щеголял в гороховых носках. Я дарил их всем своим знакомым. Хранил в них елочные игрушки. Вытирал ими пыль. Затыкал носками щели в оконных рамах. И все же количество этой дряни почти не уменьшалось.

Так я и уехал, бросив в пустой квартире груды финских креповых носков. Лишь три пары сунул в чемодан.

Они напомнили мне криминальную юность, первую любовь и старых друзей. Фред, отсидев два года, разбился на мотоцикле «чезет». Рымарь отсидел год и служит диспетчером на мясокомбинате. Ася благополучно эмигрировала и преподает

---

¹ **конфронтация** – противостояние, противоборство, столкновение

лексикологию в Стэнфорде. Что весьма странно характеризует американскую науку.

1986 г.

тянуть лямку – ծանր վիճաբանի աշխատանք կատարել

харя – վրվռ, րելի

конфронтация – անձկախոսուի

Вопросы и задания

1. Что вы узнали о жизни и творчестве С.Д. Довлатова?
2. Расскажите об особенностях стиля Довлатова-писателя.
3. Что такое «самиздат»? Почему в советское время возникло еще одно похожее слово «тамиздат»?
4. Какой диалог происходит между героем и работницей ОВИРа?
5. Что происходило в жизни героя до его появления в ОВИРе?
6. С какими ожиданиями эмигрировал герой (обратите внимание на содержимое его чемодана)?
7. Почему этот сборник рассказов автор назвал «Чемодан»? Опишите чемодан, который герой взял с собой в эмиграцию.
8. Что для автора символизируют фотографии именно этих знаменитостей в чемодане? Какое мнение можно составить о таком человеке?
9. Чем занимался герой рассказа «Креповые финские носки» до встречи с Асей?
10. Какую девушку полюбил главный герой рассказа? Как автор описывает ее и круг ее знакомых и друзей? Как вписывается в этот круг главный герой?
11. Расскажите, как герой встал на «преступный путь». Что он чувствовал, в первый раз нарушив закон? Знаете ли вы, что такое «спекуляция»? Считаете ли вы героя рассказа преступником?
12. Охарактеризуйте персонажей произведения (Ася, Фред, Рымарь, финки).

13*. Насколько вам знакома эпоха, которая описывается в «Чемодане» (литература, художественные фильмы,

документальное кино, фото, мемуары, воспоминания родных и близких)? Совпадают ли ваши представления о том времени с тем, что показывает Довлатов?

- 14*. Как отразилась в «Чемодане» эпоха «застоя»? Каковы её приметы и реалии? Рекомендуем ознакомиться с материалами [«Чем опасен самиздат?»](#) и [«Кто такие стилиги и фарцовщики?»](#) на образовательном портале Arzamas.
- 15*. Выпишите из текста и прокомментируйте несколько понравившихся вам фраз. Есть ли у вас любимые цитаты из других произведений Довлатова?

ТАТЬЯНА НИКИТИЧНА ТОЛСТАЯ

Татьяна Никитична Толста́я, писатель, публицист и телеведущая, родилась 3 мая 1951 года в городе Ленинграде (сейчас Санкт-Петербург) в семье профессора физики Никиты Алексеевича Толстого.

Училась в Ленинградском университете на отделении классической филологии (с изучением латинского и древнегреческого языков), который окончила в 1974 году.

В этом же году вышла замуж и, вслед за мужем, переехала в Москву, где работала корректором. В 1983 году Татьяна Толстая опубликовала свои первые литературные произведения и дебютировала как литературный критик. По собственному признанию, начать писать её заставило то обстоятельство, что она перенесла операцию на глазах. «Пришлось лежать с повязкой целый месяц. А так как читать было нельзя, в голове начали рождаться сюжеты первых рассказов».

В журнале «Аврора» был опубликован рассказ «На золотом крыльце сидели...». Литературные критики и читатели восприняли рассказ с энтузиазмом, произведение было признано лучшим литературным дебютом 1983 года. В произведении калейдоскопично были представлены впечатления ребенка, начиная от заурядных бытовых событий до таинственных и сказочных персонажей, рожденных детской фантазией.

Всего с 1983 по 1988 годы было опубликовано больше двадцати рассказов, составивших в 1987 году первый сборник писательницы «На золотом крыльце сидели...». В 1988 году Татьяна Толстая стала членом Союза писателей СССР.

В 1990 году уезжает в США преподавать русскую литературу в Саратоге и Принстоне, сотрудничает с «New York review of books»,

«The New Yorker» и другими журналами, читает лекции в других университетах. Возвращается в конце 90-х и становится известна не только как замечательная писательница, но и как остроумный журналист. Вместе с Авдотьей Смирновой ведёт телепередачу «Школа злословия».

В 2000 году в свет выходит благосклонно встреченный критиками и публикой роман «Кысь» о мутирующей после ядерного взрыва России. Страна, согласно роману, полностью деградировала: язык почти утрачен, мегаполисы превращены в убогие деревни, где люди живут по правилам игры в «кошки-мышки». Книга достаточно быстро становится бестселлером и получает премию «Триумф».

Татьяна Толстая активно ведёт личные аккаунты на Фейсбуке и в Живом журнале, где публикует частично или полностью тексты, которые включаются в дальнейшем в её книги.

Своеобразный стиль рассказов Т. Толстой часто определяется критиками как «орнаментальная проза» (использование развернутых метафор, синонимических повторов). Можно говорить о необычной словесной игре в рассказах писательницы, когда одно слово «тянет» за собой цепочку ассоциаций и сравнений.

Произведения Татьяны Толстой, в том числе сборники рассказов «Любишь – не любишь», «Река Оккервиль», «День», «Ночь», «Изюм», «Круг», «Белые стены», переведены на многие языки мира.

Героями ее прозы часто становятся простые люди, «городские сумасшедшие» – старушки, гениальные поэты, слабоумные инвалиды, живущие и погибающие в мещанской городской среде.

Рассказ «Соня» был написан в 1984 году.

СОНЯ

Жил человек – и нет его. Только имя осталось – Соня. «Помните, Соня говорила...» «Платье похожее, как у Сони...» «Сморкаешься, сморкаешься без конца, как Соня...» Потом умерли и те, кто так говорил, в голове остался только след голоса, бестелесного, как бы исходящего из черной телефонной трубки.

Но хотелось бы поподробнее узнать про Сою.

Ясно одно – Соня была дура. Это ее качество никто никогда не подвергал сомнению, да теперь уж и некому. Приглашенная в первый раз на обед – в далеком тридцатом году, – истуканом сидела в конце длинного накрахмаленного стола, перед конусом салфетки, свернутой, как было принято – домиком. Стыло бульонное озерцо. Лежала праздная ложка. Достоинство всех английских королев, вместе взятых, заморозило Сонины лошадиные черты.

– А вы, Соня, – сказали ей (должно быть, добавили и отчество, но теперь оно уже безнадежно утрачено), – а вы, Соня, что же не кушаете?

– Перцу дожидаюсь, – строго отвечала она ледяной верхней губой.

Впрочем, по прошествии некоторого времени, когда уже выяснились и Сонины незаменимость на кухне в предпраздничной суете, и швейные достоинства, и ее готовность погулять с чужими детьми и даже посторожить их сон, если все шумной компанией отправляются на какое-нибудь неотложное увеселение, – по прошествии некоторого времени кристалл Сониной глупости засверкал иными гранями, восхитительными в своей непредсказуемости. Чуткий инструмент, Сонины души улавливали, очевидно, тональность настроения общества, пригревшего ее вчера, но, зазевавшись, не успевала перестроиться на сегодня. Так, если на поминках¹ Соня бодро вскрикивала: «Пей до дна!» – то ясно было,

---

¹ поминки – обычай устраивать угощение после похорон в память об умершем

что в ней еще живы недавние именины, а на свадьбе от Сониных тостов веяло вчерашней кутьей¹ с гробовыми мармеладками.

«Я вас видела в филармонии² с какой-то красивой дамой: интересно, кто это?» – спрашивала Соня у растерянного мужа, перегнувшись через его помертвевшую жену. В такие моменты насмешник Лев Адольфович, вытянув губы трубочкой, высоко подняв лохматые брови, мотал головой, блестел мелкими очками: «Если человек мертв, то это надолго, если он глуп, то это навсегда!» Что же, так оно и есть, время только подтвердило его слова.

Сестра Льва Адольфовича, Ада, женщина острая, худая, по-змеиному элегантная, тоже попавшая однажды в неловкое положение из-за Сониного идиотизма, мечтала ее наказать. Ну, конечно, слегка – так, чтобы и самим посмеяться, и дурочке доставить небольшое развлечение. И они шептались в углу – Лев и Ада, – выдумывая что поостроумнее.

Стало быть, Соня шила... А как она сама одевалась? Безобразно, друзья мои, безобразно! Что-то синее, полосатое, до такой степени к ней не идущее! Ну вообразите себе: голова как у лошади Пржевальского³ (подметил Лев Адольфович), под челюстью торчит огромный висячий бант блузки, и рукава всегда слишком длинные. Грудь впалая, ноги такие толстые – будто от другого человеческого комплекта, и косолапые ступни. Обувь набок снашивала. Ну, грудь, ноги – это не одежда... Тоже одежда, милая моя, это тоже считается как одежда! При таких данных надо особенно соображать, что можно носить, чего нельзя!.. Брошка у нее была – эмалевый голубок. Носила его

---

¹ **кутья** – сладкая каша (из риса, пшеницы) с изюмом и мармеладом, которую по обычаю едят на поминках

² **филармония** – концертный зал

³ **лошадь Пржевальского** – вид дикой лошади, впервые описанный в 1878 г. русским путешественником и исследователем Центральной Азии Н.М. Пржевальским

на жакете, не расставалась. И когда переодевалась в другое платье – тоже обязательно прицепляла этого голубка.

Соня хорошо готовила. Торты накручивала великолепные. Потом вот эти, знаете, почки, вымя, мозги – их так легко испортить, а у нее выходило – пальчики оближешь. Так что это всегда поручалось ей. Вкусно, и давало повод для шуток. Лев Адольфович, вытягивая губы, кричал через стол: «Сонечка, ваше вымя меня сегодня просто потрясает!» – и она радостно кивала в ответ. А Ада сладким голоском говорила: «А я вот в восторге от ваших бараньих мозгов!» – «Это телячьи», – не понимала Соня, улыбаясь. И все радовались: ну не прелесть ли?!

Она любила детей, это ясно, и можно было поехать в отпуск, хоть в Kislovodsk, и оставить на нее детей и квартиру – поживите пока у нас, Соня, ладно? – и, вернувшись, найти все в отменном порядке: и пыль вытерта, и дети румяные, сытые, гуляли каждый день и даже ходили на экскурсию в музей, где Соня служила каким-то там научным хранителем, что ли; скучная жизнь у этих музейных хранителей, все они старые девы. Дети успевали привязаться к ней и огорчались, когда ее приходилось перебрасывать в другую семью. Но ведь нельзя же быть эгоистами и пользоваться Соней в одиночку: другим она тоже могла быть нужна. В общем, управлялись, устанавливали какую-то разумную очередь.

Ну что о ней еще можно сказать? Да это, пожалуй, и все! Кто сейчас помнит какие-то детали? Да за пятьдесят лет никого почти в живых не осталось, что вы! И столько было действительно интересных, по-настоящему содержательных людей, оставивших концертные записи, книги, монографии по искусству. Какие судьбы! О каждом можно говорить без конца. Тот же Лев Адольфович, негодяй в сущности, но умнейший человек и в чем-то миляга. Можно было бы порасспрашивать Аду Адольфовну, но ведь ей, кажется, под девяносто, и – сами понимаете... Какой-то там случай был с ней во время блокады. Кстати, связанный с Соней. Нет, я плохо помню. Какой-то стакан, какие-то письма, какая-то шутка.

Сколько было Соне лет? В сорок первом году – там ее следы обрываются – ей должно было исполниться сорок. Да, кажется, так. Дальше уже просто подсчитать, когда она родилась и все такое, но какое это может иметь значение, если неизвестно, кто были ее родители, какой она была в детстве, где жила, что делала и с кем дружила до того дня, когда вышла на свет из неопределенности и села дожидаться перцу в солнечной, нарядной столовой.

Впрочем, надо думать, что она была романтична и по-своему возвышенна. В конце концов, эти ее банты, и эмалевый голубок, и чужие, всегда сентиментальные стихи, не вовремя срывавшиеся с губ, как бы выплюнутые длинной верхней губой, приоткрывавшей длинные, костяного цвета зубы, и любовь к детям – причем к любим, – все это характеризует ее вполне однозначно. Романтическое существо. Было ли у нее счастье? О да! Это – да! уж что-что, а счастье у нее было.

И вот надо же – жизнь устраивает такие штуки! – счастьем этим она была обязана всецело этой змее Аде Адольфовне. (Жаль, что вы ее не знали в молодости. Интересная женщина.)

Они собрались большой компанией – Ада, Лев, еще Валериан, Сережа, кажется, и Костик, и кто-то еще – и разработали уморительный план (поскольку идея была Адина, Лев называл его «адским планчиком»), отлично им удавшийся. Год шел что-нибудь такое тридцать третий. Ада была в своей лучшей форме, хотя уже и не девочка, – фигурка прелестная, лицо смуглое с темно-розовым румянцем, в теннис она первая, на байдарке первая, все ей смотрели в рот. Аде было даже неудобно, что у нее столько поклонников, а у Сони – ни одного. (Ой, умора! У Сони – поклонники?!) И она предложила придумать для бедняжки загадочного воздыхателя, безумно влюбленного, но по каким-то причинам никак не могущего с ней встретиться лично. Отличная идея! Фантом¹ был немедленно создан, наречен Николаем, обременен женой и тремя детьми, поселен для переписки в квартире Адиного отца – тут раздались было голоса протеста: а если Соня узнает, если сунется по этому

---

¹ фантом – воображаемый образ, вымысел

адресу? – но аргумент был отвергнут как несостоятельный: во-первых, Соня дура, в том-то вся и штука; ну а во-вторых, должна же у нее быть совесть – у Николая семья, неужели она ее возьмется разрушить? Вот, он же ей ясно пишет, – Николай то есть, – дорогая, ваш незабываемый облик навеки отпечатался в моем израненном сердце (не надо «израненном», а то она поймет буквально, что инвалид), но никогда, никогда нам не суждено быть рядом, так как долг перед детьми... ну и так далее, но чувство, – пишет далее Николай, – нет, лучше: истинное чувство – оно согреет его путеводной звездой («То есть как это, Адочка?» – «Не мешайте, дураки!») и всякой там пышной розой. Такое вот письмо. Пусть он видел ее, допустим, в филармонии, любовался ее тонким профилем (тут Валериан просто свалился с дивана от хохота) и вот хочет, чтобы возникла такая возвышенная переписка. Он с трудом узнал ее адрес. Умоляет прислать фотографию. А почему он не может явиться на свидание, тут-то дети не помешают? А у него чувство долга. Но оно ему почему-то ничуть не мешает переписываться? Ну тогда пусть он парализован. До пояса. Слушайте, не дурите! Надо будет – парализуем его попозже. Ада брызгала на почтовую бумагу

одеколоном, Костик извлек из детского гербария засушенную незабудку, розовую от старости, совал в конверт. Жить было весело!

Переписка была бурной с обеих сторон. Соня, дура, клюнула сразу. Влюбилась так, что только оттаскивай. Пришлось слегка сдержать ее

пыл: Николай писал примерно одно письмо в месяц, притормаживая Соню с ее разбушевавшимся купидоном¹.

Николай изощрялся в стихах: Валериану пришлось попотеть. Там были просто перлы¹, кто понимает, – Николай сравнил Соню с

---

¹ Купидон – бог любви в древнеримской мифологии

лилией, лианой и газелью, себя – с соловьем и джейраном, причем одновременно. Ада писала прозаический текст и осуществляла общее руководство, останавливая своих резвившихся приятелей, дававших советы Валериану: «Ты напиши ей, что она – гну. В смысле антилопа. Моя божественная гну, я без тебя иду ко дну!» Нет, Ада была на высоте: трепетала Николаевой нежностью и разверзала глубины его одинокого мятущегося духа, настаивала на необходимости сохранять платоническую чистоту отношений и в то же время подпускала намек на разрушительную страсть, время для проявления коей еще почему-то не пришло. Конечно, по вечерам Николай и Соня должны были в назначенный час поднять взоры к одной и той же звезде. Без этого уж никак. Если участники эпистолярного² романа в эту минуту находились поблизости, они старались помешать Соне раздвинуть занавески и украдкой бросить взгляд в звездную высь, звали ее в коридор: «Соня, подите сюда на минутку... Соня, вот какое дело...», наслаждаясь ее смятением: заветный миг надвигался, а Николаев взор рисковал проболтаться попусту в окрестностях какого-нибудь там Сириуса или как его – в общем, смотреть надо было в сторону обсерватории.

Потом затея стала надоедать: сколько же можно, тем более что из томной Сони ровным счетом ничего нельзя было вытянуть, никаких секретов; и вообще она делала вид, что ничего не происходит, – надо же, какая скрытная оказалась, а в письмах горела неугасимым пламенем высокого чувства, обещала Николаю вечную верность и сообщала о себе всё-пресвё: и что ей снится, и какая пичужка где-то там прощепетала. Высылала в конвертах вагоны сухих цветов, и на один из Николаевых дней рождения послала ему, отцепив от своего ужасного жакета, свое единственное украшение: белого эмалевого голубка. «Соня, а где же ваш голубок?» – «Улетел», – говорила она, обнажая костяные лошадиные зубы, и по глазам ее ничего нельзя было прочесть. Ада все собиралась

---

¹ **перл** – жемчуг; наиболее яркое проявление чего-либо (например, перлы остроумия), иногда ироническое

² **эпистолярный** – имеющий форму переписки

умертвить, наконец, обременявшего ее Николая, но, получив голубка, слегка содрогнулась и отложила убийство до лучших времен. В письме, приложенном к голубку, Соня клялась непременно отдать за Николая свою жизнь или пойти за ним, если надо, на край света.

Весь мыслимый урожай смеха был уже собран, проклятый Николай путался под ногами, но бросить Соню одну, на дороге, без голубка, без возлюбленного, было бы бесчеловечно. А годы шли; Валериан, Костик и, кажется, Сережа по разным причинам отпали от участия в игре, и Ада мужественно, угрюмо, одна несла свое эпистолярное бремя, с ненавистью выпекая, как автомат, ежемесячные горячие почтовые поцелуи. Она уже сама стала немного Николаем, и порой в зеркале при вечернем освещении ей мерещились усы на ее смугло-розовом личике. И две женщины на двух концах Ленинграда, одна со злобой, другая с любовью, строчили друг другу письма о том, кого никогда не существовало.

Когда началась война, ни та ни другая не успели эвакуироваться. Ада копала рвы, думая о сыне, увезенном с детским садом. Было не до любви. Она съела все, что было можно, сварила кожаные туфли, пила горячий бульон из обоев – там все-таки было немного клейстера¹. Настал декабрь, кончилось все. Ада отвезла на саночках в братскую могилу своего папу, потом Льва Адольфовича, затопила печурку Диккенсом и негнуцимися пальцами написала Соне прощальное Николаево письмо. Она писала, что все ложь, что она всех ненавидит, что Соня – старая дура и лошадь, что ничего не было и что будьте вы все прокляты. Ни Аде, ни Николаю дальше жить не хотелось. Она отперла двери большой отцовской квартиры, чтобы похоронной команде легче было войти, и легла на диван, навалив на себя пальто папы и брата.

Неясно, что там было дальше. Во-первых, это мало кого интересовало, во-вторых, Ада Адольфовна не очень-то разговорчива, ну и, кроме того, как уже говорилось, время! Время все съело. Добавим к этому, что читать в чужой душе трудно: темно,

---

¹ **клейстер** – клей, изготовленный из крахмала или муки

и дано не всякому. Смутные домыслы, попытки догадок – не больше.

Вряд ли, я полагаю, Соня получила Николаеву могильную весть. Сквозь тот черный декабрь письма не проходили или же шли месяцами. Будем думать, что она, возведя полуслепые от голода глаза к вечерней звезде над разбитой обсерваторией, в этот день не почувствовала магнетического взгляда своего возлюбленного и поняла, что час его

пробил. Любящее сердце – уж говорите, что хотите – чувствует такие вещи, его не обманешь. И, догадавшись, что пора, готовая испепелить себя ради спасения своего

единственного, Соня взяла все, что у нее было -

баночку довоенного томатного сока, сбереженного для такого вот смертного случая, – и побрела через весь Ленинград в квартиру умирающего Николая. Сока там было ровно на одну жизнь.

Николай лежал под горой пальто, в ушанке, с черным страшным лицом, с высохшими губами, но гладко побритый. Соня опустилась на колени, прижалась глазами к его отекающей руке со сбитыми ногтями и немножко поплакала. Потом она напоила его соком с ложечки, подбросила книг в печку, благословила свою счастливую судьбу и ушла с ведром за водой, чтобы больше никогда не вернуться – бомбили в тот день сильно.

Вот, собственно, и все, что можно сказать о Соне. Жил человек – и нет его. Одно имя осталось.

Н. М. Быльев-Протопопов. «У Медного всадника зимой. На Неву за водой». Из серии «Блокадные рисунки», 1941-42 гг.

– Ада Адольфовна, отдайте мне Сонины письма.

Ада Адольфовна выезжает из спальни в столовую, поворачивая руками большие колеса инвалидного кресла. Сморщенное личико ее мелко трясется. Черное платье прикрывает до пят безжизненные

ноги. Большая камея¹ приколота у горла. На камее кто-то кого-то убивает: щиты, копыя, враг изящно упал.

– Письма?

– Письма, письма, отдайте мне Сонины письма!

– Не слышу!

– Слово «отдайте» она всегда плохо слышит, – раздраженно шипит жена внука, косясь на камею.

– Не пора ли обедать? – шамкает Ада Адольфовна.

Какие большие темные буфеты, какое тяжелое столовое серебро в них, и вазы, и всякие запасы: чай, варенья, крупы, макароны. Из других комнат тоже виднеются буфеты, буфеты, гардеробы, шкафы – с бельем, с книгами, со всякими вещами. Где она хранит пачку Сониных писем, ветхий² пакетик, перехваченный веревкой, потрескивающий от сухих цветов, желтоватых и прозрачных, как стрекозиные крылья? Не помнит или не хочет говорить? Да и что толку – приставать к трясущейся парализованной старухе! Мало ли у нее самой было в жизни трудных дней? Скорее всего она бросила эту пачку в огонь, встав на распухшие колени в ту ледяную зиму, во вспыхивающем кругу минутного света, и, может быть, робко загораясь вначале, затем быстро чернея с углов, и, наконец, взвившись столбом гудящего пламени, письма согрели, хоть на краткий миг, ее скрюченные, затвердевшие от холода пальцы. Пусть так. Вот только белого голубка, я думаю, она должна была оттуда вынуть. Ведь голубков огонь не берет.

1984 г.

---

¹ **камейка** – украшение (напр., брошь) из резного камня с выпуклым изображением

² **ветхий** – старый, потрепанный.

поминки – հոգեհաց

кутья – հոգեհաց (բրնձով, ձավարով և մեղրով պատրաստած)

фантом – տեսիլք

купидон – *առասպել*. կուպիդոն (սիրտ աստված)

перл – *ալմուղ* (հեզնորեն) ինչ-որ մի բանի ամենավաղ դրսևորումը

эпистолярный – նամակաձև

клейстер – շրեշ

каменя – գարդարանդակ քար կամ խեցի, կամեյա

ветхий – հին, հնամաշ, զառամյալ

Вопросы и задания

1. Что вы узнали о Татьяне Толстой?
  2. В какое время происходят события, описанные в рассказе? Найдите дополнительную информацию об этой эпохе. Можете ознакомиться с материалами курса [«Блокада Ленинграда»](#) на образовательном портале Arzamas.
  3. Опишите главную героиню.
  4. В рассказе два противоположных женских образа. Найдите в тексте эпитеты, характеризующие их.
  5. Какой мы воспринимаем Соню в начале и в конце рассказа? Меняется ли наше отношение к героине?
  6. Как относятся к Соне ее знакомые? Опишите круг ее «друзей».
  7. Расскажите об «адском планчике».
  8. Как закончился эпистолярный роман? Опишите единственное свидание Сони с Николаем-Адой.
  9. Какой мы видим Аду Адольфовну спустя много лет?
-
- 10*. Рассказ изобилует символами. Какие вы заметили? Что, по-вашему, они означают?
  - 11*. В рассказе у женских персонажей «говорящие» имена. Какую смысловую нагрузку несут имена Соня/Софья и Ада Адольфовна?
  - 12*. Как вы понимаете заключительную фразу рассказа: «голубков огонь не берет»?

НАРИНЭ ЮРЬЕВНА АБГАРЯН

Наринэ Абгарян родилась 14 января 1971 года в армянском городе Берд. Среднее образование получила в Бердской средней школе. Окончила Ереванский государственный институт иностранных языков им. В.Я. Брюсова. В середине 1990-х годов поехала в Москву получать второе высшее образование и совмещала учебу с работой в валютно-обменном пункте гостиницы «Интурист». Пятилетнему периоду работы в обменнике посвящена книга

«Понаехавшая».

В Москве Наринэ Абгарян встретила своего будущего мужа. В 1995 году родился сын Эмиль.

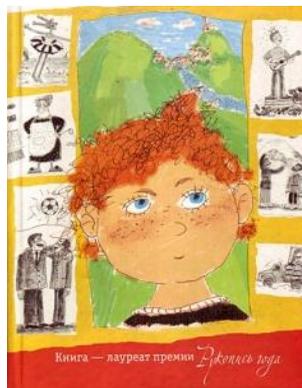
В 2005 году Наринэ Абгарян завела страничку в Живом Журнале и стала вести блог. Вспоминала истории про свое детство, про родителей, соседей, подругу Манюню. Смешные истории понравились многим, и в результате Н. Абгарян получила предложение издать книгу. Так на свет появилась автобиографическая трилогия «Все о Манюне». Первая же книга трилогии стала лауреатом в номинации «Язык» Российской национальной литературной премии «Рукопись Года».

Наринэ Абгарян – лауреат престижных премий «ВАВУ-НОС» (Новая русская словесность) (2013 год) и «Ясная поляна» в номинации «XXI век» (2016 год) за книгу «С неба упали три яблока».

Писательница – член попечительского совета благотворительного фонда «Созидание». В 2015 году Наринэ Абгарян была названа одним из двух лауреатов Российской литературной премии имени А. Грина за выдающийся вклад в развитие русской литературы.

Является автором книг «Семен Андреич. Летопись в каракулях», «Счастье Муры», «Люди, которые всегда со мной», «Зулали», «Дальше жить».

По словам Наринэ Абгарян, у нее была заветная мечта – увидеть себя маленькой. И желание это было настолько сильным, что однажды она взяла и написала книгу о своем детстве, семье и друзьях, родных и близких, о городе, где она родилась, и о людях, которые там живут.

МАНЮНЯ

Вместо вступления

Илл. Е. Станиковой

Много ли вы знаете провинциальных городков, разделенных пополам звонкой озорной речкой, по правому берегу которой, на самой макушке скалы, висят развалины средневековой крепости? Через речку перекинут старый каменный мост, крепкий, но совсем невысокий, и в половодье вышедшая из берегов река бурлит помутневшими водами, норовя накрыть его с головой.

Много ли вы знаете провинциальных городков, которые покоятся на ладонях покатых холмов? Слово холмы встали в круг, плечом к плечу, вытянули вперед руки, сомкнув их в неглубокую долину, и в этой долине выросли первые низенькие домишки. И потянулся тонким кружевом в небеса дым из каменных печей, и завел пахарь низким голосом оровел... «Анииии-ко, – прикладывая к глазам морщинистую ладонь, надрывалась древняя старуха, – Анииии-ко, ты куда убежала, негодная девчонка, кто будет гату печь?»»

Много ли вы знаете провинциальных городков, где можно забраться на высокую наружную стену разрушенного замка и, замирая от страха и цепляясь холодными пальцами за плечи друзей, глядеть вниз, туда, где в глубине ущелья пенится белая безымянная речка? А потом, не обращая внимания на табличку с грозной надписью:

«Охраняется государством», – лазить по крепости в поисках потаенных проходов и несметных богатств?

У этого замка удивительная и очень грустная история. В X веке он принадлежал армянскому князю Цлику Амраму. И пошел князь войском на своего царя Ашота II Багратуни, потому что тот соблазнил его жену. Началась тяжелая междоусобная война, на долгие годы парализовавшая страну, которая и так была обескровлена набегами арабских завоевателей. А неверная и прекрасная княгиня, терзаемая угрызениями совести, повесилась в башне замка.

Долгие столетия крепость стояла на неприступной со всех сторон скале. Но в XVIII веке случилось страшное землетрясение, скала дрогнула и распалась на две части. На одной сохранились остатки восточной стены и внутренних построек замка, а по ущелью, образовавшемуся внизу, побежала быстроногая речка. Старожилы рассказывали, что из-под крепости и до озера Севан проходил подземный туннель, по которому привозили оружие, когда крепость находилась в осаде. Поэтому она выдержала все набеги кочевников и, не случись того землетрясения, до сих пор высилась бы целая и невредимая.

Городок, выросший потом вокруг развалин, назвали Берд. В переводе с армянского – крепость.

Народ в этом городке весьма и весьма специфический. Более упрямых или даже остервенело упертых людей никто в мире не видывал. Из-за своего упрямства жители городка заслуженно носят прозвище «упертых ишаков». Чтобы не быть голословной, приведу пример знаменитого упрямства бердцев.

Летом в Армении празднуют Вардавар – очень радостный и светлый, уходящий корнями в далекое языческое доисторье, праздник. В этот день все от мала до велика поливают друг друга водой. С утра и до позднего вечера, из какой угодно тары. Единственное, что от вас требуется, – хорошенечко намылиться, открыть входную дверь своей квартиры и встать в проеме. Можете не сомневаться: за порогом вас поджидает толпа промокших до нитки людей, которые с диким криком и хохотом выльют на вас тонну воды. Вот таким нехитрым способом можно помыться. Шучу.

На самом деле, если вас на улице незнакомые люди окатили водой, обижаться ни в коем случае нельзя – считается, что вода в этот день обладает целительной силой.

Так вот. Апостольская Церковь попыталась как-то систематизировать народные праздники и утвердила за Вардавара строго фиксированный день. Совершенно не принимая в расчет упертость жителей нашего городка.

А стоило бы. Потому что теперь мы имеем следующую ситуацию: по всей республике Вардавар празднуют по указке Церкви, а в Берде – по старинке, в последнее воскресенье июля. И я вас уверяю, издай Католикос специальный указ именно для жителей нашего городка, ничего путного из этого не вышло бы. Пусть Его Святейшество даже не пытается, так ему и передайте. С нашими людьми можно договориться только тогда, когда они этого хотят.

То есть никогда.

Теперь, собственно, о главных героях нашего повествования.

Жили-были в городке Берд две семьи – Абгарян и Шац.

Семья Абгарян могла похвастаться замечательным и несгибаемым как скала папой Юрой, самоотверженной и прекрасной мамой Надей и четырьмя разнокалиберными и разновозрастными дочерьми – Наринэ, Каринэ, Гаянэ и Сона. Папа Юра работал врачом, мама преподавала в школе русский язык и литературу.

Семья Шац могла похвастаться Ба.

Конечно, кроме Ба, семья Шац включала в себя еще двух человек: дядю Мишу – сына Ба, и Манюню, дядимишину дочку и,

соответственно, внучку Ба. Но похвастаться семья, в первую очередь, могла Ба. И лишь потом – всеми остальными не менее прекрасными членами. Дядя Миша работал инженером, Ба – мамой, бабушкой и домохозяйкой.

Глава 1

Манюня знакомит меня с Ба, или Как трудно у Розы Иосифовны пройти фейсконтроль

Нам с Маней было по восемь лет, когда мы познакомились. К тому времени мы обе учились в музыкальной школе, Маня – по классу скрипки, я – фортепиано. Какое-то время мы встречались на общих занятиях, перекидывались дежурными фразами, но вскоре мы пересели за одну парту, вместе уходили из музыкальной школы, благо домой нам было по пути. Если у Мани в этот день случалось занятие по скрипке, то мы по очереди несли футляр – он был совсем не тяжелый, но для нас, маленьких девочек, достаточно громоздкий.

Недели через две нашей тесной дружбы я пригласила Маню домой – знакомиться с моей семьей.

Маня замялась.

– Понимаешь, – сказала она виновато, – у меня Ба.

– Кто? – переспросила я.

– Ну Ба, баба Роза.

– И что? – Мне было непонятно, к чему Маня клонит. – У меня тоже бабушки – Тата и Настя.

– Так у тебя бабушки, а у меня Ба, – Маня посмотрела на меня с укоризной. – У Ба не забалуешь! Она не разрешает мне по незнакомым людям ходить.

– Да какая же я тебе незнакомая? – развела я руками. – Мы уже целую вечность дружим, аж, – я посчитала в уме, – восемнадцать дней!

Манька поправила съехавшую с плеча бретель школьного фартука, разгладила торчащий волан ладошкой. Попинала коленом футляр скрипки.

– Давай так, – предложила она, – я спрошу разрешения у Ба, а на следующем занятии расскажу тебе, что она сказала.

– Ты можешь мне на домашний телефон позвонить. Дать номер?

– Понимаешь, – Маня смотрела на меня виновато, – Ба не разрешает мне названивать незнакомым людям, вот когда мы с тобой ОФИЦИАЛЬНО познакомимся, тогда я буду тебе названивать!

Я не стала по новой напоминать Мане, что мы уже вроде как знакомы. Значит, подумала я, так надо. Слово взрослого было для нас законом, и, если Ба не разрешала Мане названивать другим людям, значит, в этом был какой-то тайный, недоступный моему пониманию, но беспрекословный смысл.

На следующем занятии по сольфеджио Манюня протянула мне сложенный вчетверо альбомный лист. Я осторожно развернула его.

Илл. Е. Жуковской

«Прелестное письмо» моей подруги начиналось с таинственной надписи:

«Наринэ, я тебя приглашаю в субботу сего 1979 г. в три часа дня. Эсли можеш, возьми собой альбом с семейными фотографиями».

Мое имя было густо обведено красным фломастером. Внизу цветными карандашами Манька нарисовала маленький домик: из трубы на крыше, само собой, валил густой дым; в одиноком окошке топорщилась лучиками желтая лампочка; длинная дорожка, петляя замысловатой змейкой,

упиралась прямо в порог. В почему-то зеленом небе из-за кучерявого облака выглядывало солнце. Справа, в самом углу, сиял месяц со звездой на хвосте. Надпись внизу гласила: «Синний корандаш потеряла, поэтому небо зеленое, но это ничево. Конец».

Я прослезилась.

* * *

Собирала меня мама в гости как на смотрины. С утра она собственноручно выкупала меня так, что вместе с кожей сошла часть и без того скромной мышечной массы. Потом она туго заплела мне косички, да так туго, что не только моргнуть, но и вздохнуть я не могла. Я чувствовала, что моя неземная красота требовала жертв, поэтому стоически выдержала все процедуры. Затем мне дали надеть новое летнее платье – нежно-кремовое, с рукавами-буф и кружевным подолом.

– Поставишь пятно – выпорю, – ласково предупредила мама, – твоим сестрам еще донашивать платье за тобой.

Она торжественно вручила мне пакет с нашим семейным альбомом и коробкой конфет для Ба. Пакет был невероятно красивый – ярко-голубой, с одиноким красавцем-ковбоем и надписью «MARLBORO». Таких пакетов у мамы было несколько, и она берегла их как зеницу ока для самых торжественных случаев. Кто застал дефицит советской поры, тот помнит, сколько сил и неимоверной смекалки нужно было затратить, чтобы достать такие полиэтиленовые пакеты.

– Не ставь локти на стол, не забудь поздороваться и говорить спасибо, веди себя прилично и не скачи по дому как ненормальная, – мама продолжала выкрикивать инструкции по поведению, пока я сбегала вниз по ступенькам нашего подъезда. – Платье береги!!! – Голос ее настиг меня уже у выхода и больно кольнул в спину.

– Хорошооооо!

* * *

Маня в нетерпении переминалась возле калитки своего дома. Издали заметив меня, она побежала навстречу.

– Какая ты сегодня красивая, – выдохнула она.

– Для твоей бабушки старалась, – пробубнила я. Весь мой боевой запал мигом куда-то улетучился, у меня двоилось в глазах, не разгибались колени и предательски потели руки.

Маня заметила мое состояние.

– Да ты не волнуйся, у меня мировая Ба, – она погладила меня по плечу, – ты только во всем соглашайся с ней и не ковырайся в носу.

– Хорошо, – каркнула я – в довершение ко всему у меня пропал голос.

Маня жила в большом двухэтажном каменном доме с несколькими балконами. «Зачем им столько балконов?» – лихорадочно соображала я, пока шла по двору, но спросить об этом постеснялась. Мое внимание привлекло большое тутовое дерево, раскинувшееся рядом с домом. Под деревом стояла длинная деревянная скамья.

– Мы здесь с папой по вечерам играем в шашки, – пояснила Манюня, – а Ба сидит рядом и подсказывает то мне, то ему. Столько крику! – Манька закатила глаза. Мне стало еще страшнее.

Она толкнул входную дверь и шепнула:

– Ба, наверное, уже вынимает песочное печенье из духовки.

Я повела носом – пахло чем-то нестерпимо вкусным. Дом, достаточно большой снаружи, внутри оказался компактным и даже маленьким. Мы шли по длинному, узкому коридору. На полу лежал ковер с тонким восточным рисунком, вся стена была увешана фотографиями в рамках. Я подошла поближе, чтобы разглядеть лица на фотографиях, но Маня дернула меня за руку – потом. Она указала на дверь справа, которую я не сразу заметила.

– Нам туда!

И тут силы окончательно покинули меня. Я поняла, что не в состоянии ступить и шага.

– Не пойду, – горячо зашептала я, – возьми пакет, тут конфеты для твоей бабушки и наш семейный альбом с фотографиями.

– Ты чего? – Маня вцепилась мне в руку. – Совсем с ума сошла? Пойдем, у нас еще мороженое есть!

– Нет, – я отступила к входной двери, схватилась за ручку, – я не ем мороженое. И печенье не ем, и вообще мне уже пора домой! Меня мама заждалась!

– Нарка, ты соображаешь, что творишь? – Манька повисла на мне и попыталась отодрать от дверной ручки. – Куда ты пойдешь, что я Ба скажу?

– Не знаю, что хочешь, то и говори, – перевес сил был явно в мою пользу, еще минута – и я бы вырвалась из дома.

– Что это вы тут затеяли? – Внезапно прогремевший сзади трубный глас пригвоздил нас к полу.

– Ба, она совсем с ума сошла, хочет домой уйти, – Маня все-таки оторвала меня от дверной ручки и толкнула в коридор, – стесняется тебя, вот ненормальная!

– А ну-ка, марш обе на кухню! – скомандовал голос.

Я молча поплелась за Маней, не поднимая глаз. Боковым зрением воровато выхватила большую ступню в теплом домашнем тапке да кусочек платья в мелкий цветочек.

Кухня мне сразу понравилась. Она была очень просторной, с многочисленными шкафчиками, низким абажуром и простенькими ситцевыми шторами на окнах.

– Сейчас будем знакомиться, – голос прогремел прямо за моей спиной.

Мне стало страшно, как в приемной у врача.

Но выхода не было, пришлось оборачиваться. Ба пристально смотрела на меня поверх своих больших очков. У нее оказались светлые карие глаза и седые вьющиеся волосы, которые она стянула в пучок на затылке. Она была достаточно грузной, но, как потом оказалось, совершенно легкой на подъем и несла свое большое тело с невероятным достоинством. Еще у нее была родинка на щеке – кругленькая и смешная. Я вздохнула с облегчением. Это была обычная бабушка, а не огнедышащее чудовище!

Маня подошла к Ба и обняла ее за талию. Прижалась щекой к ее животу.

– Скажи, Нарка – ПРЕЛЕСТЬ? – спросила.

– Вы все прелестные, только когда спите, – отрезала Ба и обратилась ко мне: – Ну что, девочка, будешь со мной здороваться или как?

– Здравссыти, – пискнула я.

– Здравствуй, коль не шутишь, – Ба фыркнула, а потом коротко рассмеялась.

Я чуть не лишилась чувств – Ба смеялась так, словно где-то у нее в животе терзают несчастное животное.

– Тебя как зовут? – спросила она.

– Ба, ну я же тебе говорила, – встряла Маня.

– Помолчи, Мария, не с тобой разговаривают, – одернула ее Ба. Манюня надулась, но промолчала.

– Наринэ, – пискнула я, а потом, мобилизовав остатки сил, добавила: – Очень приятно с вами познакомиться!

Видимо, несчастное животное внутри практически домучивали, потому что хохот, который издала Ба, больше напоминал предсмертный хрип.

– Долго репетировала речь? – спросила она меня сквозь свой устрашающий смех.

– Долго! – призналась я виновато.

– А что это у тебя в руках?

– Пакет, это подарок вам!

– Ты мне в подарок пакет принесла? – прищурилась Ба. – Это до чего же дефицит людей довел, что в подарок уже пакеты несут!

– Там еще конфеты и наш семейный альбом, – я сделала нерешительный шаг и протянула пакет.

– Спасибо, – Ба заглянула в пакет, – ооооо, трюфели, это же мои любимые конфеты!

У меня словно камень с души свалился. Я счастливо вздохнула и выпятила грудь.

– Ты чего такая худющая? – Она подозрительно окинула меня взглядом с ног до головы и сделала пальцем круговое движение. – Ну-ка повертись!

Я повертелась.

– Мама мне по две пары колготок надевает, потому что ноги у меня такие тонкие! Она боится – люди скажут, что меня дома голодом морят, – пожаловалась я.

Ба снова расхохоталась. Отсмеявшись, она снова принялась меня изучать. Мне очень хотелось произвести на нее хорошее впечатление. Я вспомнила, как мама учила нас держать спину правильно, – задрала плечи к ушам, отвела их сильно назад и опустила – теперь моя осанка была идеальной.

Видимо, Ба оценила мои старания. Она еще с минуту глядела на меня, потом хмыкнула:

– Грудь моряка, жопа индюка!

Я решила, что это комплимент, поэтому вздохнула с облегчением и смело подняла глаза.

Тем временем Ба достала из шкафчика большой розовый фартук и протянула его мне.

– Это мой фартук, надень его, ничего страшного, что он тебе велик. Заляпаешь свое красивое платье – мама потом по головке не погладит, верно?

Я виновато кивнула и напялила фартук. Манюня помогла мне завязать его сзади. Я прошлась по кухне – фартук болтался на мне, словно флаг на мачте корабля при сильном ветре.

– Сойдет, – благосклонно кивнула Ба.

Потом она усадила нас за стол, и я впервые в жизни попробовала ее выпечку.

Вы знаете, какое восхитительное печенье пекла Ба? Я больше никогда и нигде в жизни не ела такого печенья. Оно было хрупкое и тоненькое, почти прозрачное. Берешь аккуратно двумя пальцами невесомый песочный лепесток и испуганно задерживаешь дыхание – иначе ненароком выдохнешь, и он разлетится в пыль. Нужно было отломить кусочек и подержать его во рту – печенье моментально таяло, и язык обволакивало щекочущее тепло. И только потом, по маленькому осторожному глоточку, можно было это сладкое счастье отправлять себе прямиком в душу.

Ба сидела напротив, листала альбом и спрашивала меня: а кто это, а это кто?

Потом, узнав, что мамина родня живет в Кировабаде, всплеснула руками: «Так она моя землячка, я ведь родом из Баку!»

Потребовала наш домашний телефон, позвонить маме.

– Как ее по отчеству? – спросила.

Я от волнения забыла значение слова «отчество». Глаза заметались по лицу, я густо покраснела.

– Не знаю, – пискнула.

– Ты не знаешь, как твоего деда зовут? – глянула поверх очков на меня Ба.

– Аааааааа! – Я моментально вспомнила, что означает злополучное слово. – Андреевна она, Надежда Андреевна.

– Чудо в перьях! – хмыкнула Ба и стала важно крутить диск телефона.

Сначала они с мамой общались на русском. Потом Ба, покосившись на нас, перешла на французский. Мы с Маней вытянули шеи и выпучили глаза, но ни одного слова не поняли. По ходу разговора у Ба постепенно расцветало лицо, сначала она улыбалась, потом разразилась своим катастрофическим смехом – мама, наверное, на том конце провода выронила от неожиданности трубку.

– Ну, до свиданья, Надя, – закончила Ба разговор, – в гости приходем, конечно, и вы приходите к нам, я испеку свой фирменный яблочный пирог.

Она положила трубку и посмотрела на меня долгим, чуть рассеянным взглядом.

– А ты, оказывается, хорошая девочка, Наринэ, – сказала.

Мне до сих пор удивительно, как я в тот момент умудрилась не лопнуть от распиравшей меня гордости!!!

Потом мы по второму кругу ели печенье. Потом мы ели мороженое. Потом мы пили кофе с молоком и чувствовали себя взрослыми, потом Ба пригладила рукой выбившуюся у меня прядь волос. «Глупенькая», – сказала, и ладонь у нее была большая и теплая, а Маня поцеловала меня в щечку, и губы у нее были липкие, а кончик носа совсем холодный.

2010 г.

Вопросы и задания

1. Что вам известно о Наринэ Абгарян и ее творчестве?
2. Расскажите, где происходят события книги «Манюня». Как автор описал свою родину?
3. Каким характером обладают жители Берда?
4. Расскажите о семьях Абгарян и Шац. Чем могли похвастаться эти семьи?
5. Что предшествовало походу Наринэ в гости к Мане?
6. Какое «прелестное письмо» получила Наринэ от своей подруги? Найдите и исправьте в нем ошибки.
7. Как Нару готовили к визиту?
8. Почему она боялась бабушки Марии и оправдались ли впоследствии ее опасения?
9. Какое впечатление в первые минуты знакомства произвела Ба на Наринэ?
10. Опишите Розу Иосифовну.

-
- 11*. Прочитайте трилогию «Все о Манюне» и перескажите наиболее понравившееся вам приключение Нарки и Манюни.
  - 12*. Как вы считаете, можно ли данное произведение отнести к «детской литературе»? Книги каких детских писателей вы читали? Расскажите о самой любимой из них.
  - 13*. Сравните Нарку и Манюню с героями произведений Астрид Линдгрэн («Пеппи Длинный Чулок», «Эмиль из Лённеберги», «Рони, дочь разбойника»), Марка Твена («Приключения Тома Сойера») и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
А.С. Пушкин	6
«МЕТЕЛЬ»	8
М.Ю. Лермонтов.....	21
«ТАМАНЬ»	23
Н.В. Гоголь.....	33
«ПОРТРЕТ».....	35
И.С. Тургенев.....	62
«КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ»	64
«ВЕШНИЕ ВОДЫ»	68
Ф.М. Достоевский.....	74
«ЁЛКА И СВАДЬБА»	76
Л.Н. Толстой.....	86
«АННА КАРЕНИНА».....	90
А.П. Чехов	113
«МАЛЬЧИКИ».....	115
И.А. Бунин.....	124
«ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ».....	126
А.С. Грин	133
«ГНЕВ ОТЦА».....	134
«АКВАРЕЛЬ».....	142
М.А. Булгаков	149
«МАСТЕР И МАРГАРИТА».....	152
В.М. Шукшин.....	196
«ЧУДИК».....	197
«СОЛНЦЕ, СТАРИК И ДЕВУШКА»	208
Кир Булычев.....	215
«МОЖНО ПОПРОСИТЬ НИНУ?»	217
С.Д. Довлатов.....	232
«ЧЕМОДАН»	234
Т.Н. Толстая	252
«СОНЯ»	254
Н.Ю. Абгарян.....	264
«МАНЮНЯ»	266

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Арутюнян Л.С., Арушанова Т.А., Гаспарян А.В.

**ПОСОБИЕ
ПО РУССКОМУ
ЯЗЫКУ**

**КНИГА
ДЛЯ ЧТЕНИЯ**

Компьютерная верстка К. Чалабян
Редактор А. Хизанцян

В оформлении обложки использована картина
К.А. Сомова «Зима. Каток» (1915).

Издано ИП «Арман Асмангулян»
г. Ереван, Гр. Нерсисян 1/125

Подписано к печати 27.07.2018.
Формат 60x84¹/₁₆. Тип. печ. 18,75.
Тираж 200.

Издательство ЕГУ
Ереван, 0025, Ал. Манукяна 1
www.publishing.y-su.am